

ЭРНЕСТ
ХЕМИНГУЭЙ

*Зеленые холмы
Африки*

АЛБУКА-КЛАССИКА

Annotation

Романы американского писателя, журналиста, лауреата Пулитцеровской и Нобелевской премий Эрнеста Хемингуэя переведены почти на все языки мира и ежегодно расходятся огромными тиражами. В настоящем томе представлены «Зеленые холмы Африки» и «Лев мисс Мэри» – произведения, написанные Эрнестом Хемингуэем по следам двух его африканских сафари. В них он размышляет о месте литературы в современном мире, о судьбе художника, о жизни и смерти, природе и цивилизации, об их сосуществовании в XX веке.

- [Эрнест Хемингуэй](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [Бвана Хемингуэй](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)

- [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
-

Эрнест Хемингуэй
Лев мисс Мари
(из африканского дневника)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мисс Мэри, жена автора, новичок в охоте на диких животных, слишком маленького роста, чтобы справиться с поставленной задачей, но достаточно высокая для противоборства с огромным бродячим львом.

С. Д., егерь Лойтокитокского^[1] района. Его звали Денис Зафиро. Инициалы соответствуют начальным буквам шуток времен сафари – «Сумасшедший Джин».

Кэйти, туземец из племени камба и старший в группе охотников, лукав и очень опытен, суетлив, как старушка, суров, как старшина с тридцатилетней выслугой.

Нгуи, ружьеносец автора, «брат» и «свой человек», «бандит», он «охотился, подобно гончей» и обладал массой других достоинств.

Осведомитель, спившийся добровольный шпион из племени масаи, к которому автор был очень привязан, хотя, возможно, его следовало повесить. Чаро, ружьеносец Мэри, еще более хрупкий, чем она, старее старого, покалечен леопардом, чрезмерно храбр и одержим желанием поскорее покончить со львом.

Аран Маина, один из проводников *С. Д.*, который давно, еще до того, как ему перевалило за шестьдесят и он получил эту должность, относился к числу «неуловимых» – браконьеров, охотившихся за слоновой костью.

Не все шло гладко во время этого сафари, потому что многое изменилось в Восточной Африке. Белый охотник долгие годы был моим другом. Я относился к нему с уважением, а он верил в меня, чего я вряд ли заслуживал. Однако доверие его доставалось дорого. Он учил меня, предоставляя возможность действовать самостоятельно, а потом указывал на мои ошибки. Когда я совершал ошибку, он разбирал ее вместе со мной. И если я не повторял ее, он начинал доверять мне чуточку больше прежнего. Он был очень сложным человеком и отличался исключительным мужеством, всеми благими человеческими слабостями и удивительно тонким и очень критическим пониманием людей. Он был безгранично предан семье и дому и все же предпочитал жить вдали от родных. Он любил свой дом, жену и детей, но в душе оставался кочевником. Теперь он

уезжал от нас, потому что должен был вернуться к себе на ферму...

– Есть проблемы? – спросил он.

– Мне не хотелось бы попасть впросак со слонами.

– Ничего. Научишься.

– Добавишь что-нибудь?

– Помни, любой из моих людей знает больше тебя, но ты должен принимать решения и заставить их следовать им. Доверь все заботы о лагере Кэйти. Постарайся держаться молодцом.

Есть люди, которым нравится приказывать, и в своем стремлении заполучить бразды правления они с нетерпением ждут завершения всех формальностей передачи им власти. Я тоже люблю командовать – это идеальный сплав свободы и рабства. Можно наслаждаться свободой, а как только становится слишком опасно – прикрыться своими моральными обязательствами. Вот уже несколько лет я распоряжаюсь лишь самим собой, и мне это надоело, ведь я прекрасно знаю свои слабые и сильные стороны, и поэтому у меня было мало свободы и много моральных обязательств. За последнее время я с отвращением прочел различные книги о себе самом, написанные людьми, которые все-то знают о моем скрытом «я», стремлениях и мотивах. Читать эти книги – все равно что читать рассказ о сражении, в котором ты участвовал, написанный кем-то, кто не только не был очевидцем, но порой и родился-то уже после того, как сражение закончилось. Авторы подобных книг, писавшие о моей жизни, исходили из твердого убеждения, что я никогда ничего не чувствовал.

В то утро мне хотелось, чтобы мой большой друг и учитель мистер Уилсон Гаррис^[2] отказался от тех необычных, стенографически сдержанных выражений, с помощью которых мы общались друг с другом. Мне нужно было задать ему самые невероятные вопросы, но более всего хотелось получить от него подробный, исчерпывающий инструктаж, вроде тех, какие получают английские летчики. Я знал – установившиеся в наших отношениях правила столь же обязательны, сколь и кодекс местных обычаев уакамба^[3]. Я сам, через личный опыт должен был преодолевать свое невежество. Но с этого момента не будет никого, кто мог бы поправить ошибку, и в то утро к моей радости от получения власти примешивалось чувство глубокого одиночества.

Долгое время Уилсон Гаррис и я звали друг друга Старик. Поначалу, более чем двадцать лет назад, когда я обращался к нему так, мистер Гаррис не возражал, коль скоро это отступление от правил хорошего тона делалось без свидетелей. Но после того, как мне стукнуло пятьдесят и я перешел в

разряд старейшин, он и сам с готовностью стал называть меня Стариком, что превратилось в своего рода комплимент, без которого, бывало, становилось не по себе. Не могу представить, или, точнее, я не хотел бы дожить до дня, когда в узком кругу мне пришлось бы назвать Старика мистером Гаррисом или же он обратился бы ко мне по фамилии.

Итак, в то утро мне хотелось о многом порасспросить его, многое разузнать. Но в силу обычая мы по-прежнему молчали. Я чувствовал себя ужасно одиноким, и он, конечно, понимал это...

– Без проблем тебе было бы скучно, – сказал Старик – Ты ведь не ремесленник, а те, кого теперь называют белыми охотниками, в основном всего лишь ремесленники, они говорят на местном языке и идут проторенными кем-то другим дорогами. Ты неважно знаешь язык. Зато ты и твои сомнительные спутники освоили все известные тропы и можете проложить новые. Если не подберешь подходящее слово на местном наречии камба, говори по-испански. Это всех приводит в восторг. Или пусть говорит мисс Мэри. У нее с дикцией получше, чем у тебя.

– Да иди ты к черту.

– Пойду, заодно и тебе займу местечко, – сказал Старик.

– Как же все-таки быть со слонами?

– Выбрось их из головы. Огромные глупые животные. Говорят, безвредные. Вспомни, как ты расправляешься с другими зверюгами. А это тебе даже не поросшие шерстью мастодонты. Ни одного с бивнями в два витка.

– Кто тебе рассказал?

– Кэйти, – сказал Старик. – Он рассказывал, ты стрелял их тысячами после окончания сезона охоты. Не считая саблезубых тигров и бронтозавров.

– Сукин сын, – сказал я.

– Нет. Он почти поверил. У него есть какой-то журнал о животных, и картинки в нем выглядят очень убедительно. По-моему, он то верит, то не верит. В зависимости от того, можешь ли ты подстрелить цесарку и вообще как ты стреляешь.

– Это была статья о доисторических животных с хорошими иллюстрациями.

– Да. Прекрасные картинки. И ты здорово укрепил свои позиции белого охотника, когда сказал ему, что приехал в Африку лишь потому, что кончилась твоя лицензия на отстрел мастодонтов и ты перебил всех саблезубых тигров.

– И что ты ему ответил? Честно.

– Я сказал, что это святая правда, и ты беглый браконьер, охотник за слоновой костью из Ролинса, штат Вайоминг, приехавший сюда засвидетельствовать почтение мне, человеку, который некогда дал тебе, босому мальчишке, путевку в жизнь, и я буду присматривать за тобой, пока тебе не разрешат вернуться домой и не выдадут новую лицензию на отстрел мастодонтов.

– Старик, пожалуйста, подскажи, как быть со слонами. Ведь в случае чего мне придется отгонять их.

– Точно так же, как ты разделялся с мастодонтами, – сказал Старик. – Постарайся просунуть ствол во второй виток бивня. Целься в лобную кость, точно в семнадцатую морщину, если считать от первой морщины на лбу. А лбы у них чертовски высокие. Очень крутые лбы. Если сробеешь, стреляй прямо в ухо. Ничего сложного.

– Спасибо, – сказал я.

– Не стоит благодарности. Лучше расскажи подробнее об охоте на саблезубых тигров. Кэйти говорил, ты ухлопал сто пятнадцать штук, пока эти негодяи не отняли у тебя лицензию.

– Подходишь поближе, – сказал я. – Лучше всего на расстояние вытянутой руки. Потом пронзительно свистишь.

– И тут-то ты даешь ему понять, почем фунт лиха.

– Ты читаешь мои мысли, – сказал я.

– Должно быть, ты хотел закончить на языке камба, – сказал он. – Старик, пожалуйста, постарайся не делать глупостей. Мне бы хотелось гордиться тобой, а не читать о тебе в сатирических газетах. Я знаю, ты сделаешь все для безопасности Мемсаиб. Но будь и сам поосторожнее. Постарайся быть умницей.

– Ты тоже постарайся.

– Я старался много лет, – сказал он. И потом добавил: – Настал твой черед.

Так оно и было. Безветренным утром последнего дня предпоследнего месяца года настал мой черед.

– Я хочу вернуть грузовик и прислать другой, получше, – сказал Старик. – Этим они не очень довольны.

Он всегда говорил «они». Они – это туземцы вату. Когда-то их называли боями. Таковыми они и оставались для Старика. Ведь он знал их всех, а то и их отцов, мальчишками. Двадцать лет назад я тоже называл их боями и никто из нас не сомневался, что я имел на это право. Пожалуй, и теперь они бы не обиделись, назови я их так. Но времена изменились. У каждого из нас были свои обязанности и свое имя. Не знать его было

признаком неучтивости и пренебрежения. Кроме того, у всех были особые прозвища, обидные и необидные. Старик по-прежнему ругался по-английски или на суахили, и им это нравилось. Я не имел права ругать кого-либо и никогда не стал бы этого делать. После экспедиции в район озера Магади у нас появились свои секреты и свои маленькие тайны. Секретов было много, постепенно из них складывалось взаимопонимание, и порой, услышав смех ружьеносца, достаточно было взглянуть на него, чтобы понять, в чем дело, и тогда мы оба начинали безудержно хохотать до коликов в животе.

– Над чем это вы смеетесь, психи? – спрашивала меня жена.

– Над странными и смешными вещами, – отвечал я. – А некоторые из них просто ужасны.

– Расскажешь мне как-нибудь?

– Конечно.

Она прилежно изучала суахили и с каждым днем говорила все правильное и свободнее, и я постоянно обращался к ней за помощью. Туземцам нравился ее суахили, но иногда я замечал у них улыбку в уголках глаз и складках губ, которая тут же таяла. Они искренне любили мисс Мэри, и стоило мне отказаться от того, чего всем нам, негодным, очень хотелось, сказав при этом, что это могло бы повредить мисс Мэри, как отказ тотчас принимался. Еще задолго до отъезда Старика мы разделились на две группы: хороших и негодных. Была, правда, еще и третья группа – анаке, или мванаке, неисторченные юноши, которым по закону камба еще не полагалось пить пиво. Они были нашими союзниками, то есть союзниками негодных. Особенно во всем, что касалось моей «невесты».

Дебба, моя так называемая невеста, очень красива, очень молода, более чем хорошо развита, лучшая танцовщица нгома,^[4] и мы с Нгуи были к ней равнодушны. Один парень из группы хороших однажды заявил с невинным видом о том, что он серьезно подумывает, не сделать ли ее своей второй женой. И этого было вполне достаточно, чтобы мы с Нгуи, случайно вспомнив его слова, разразились хохотом.

После отъезда Старика встречаться с осведомителем приходилось мне. Это был высокий, исполненный чувства собственного достоинства человек в длинных брюках, чистой темно-синей спортивной рубашке с белыми поперечными полосами, накинута на плечи платке и мягкой шляпе с загнутыми кверху полями. При этом все вещи были словно с чужого плеча. Черты его смуглого лица отличались утонченностью, и, возможно, некогда он был даже красив. Он говорил по-английски довольно правильно, хотя

медленно и с акцентом.

– Доброе утро, брат мой, – сказал он и снял шляпу. – Доброе утро, госпожа.

– Доброе утро, Реджинальд, – сказал я. Мисс Мэри встала и вышла из палатки. Она недолюбливала осведомителя.

– Мемсаиб недовольна мной? – спросил Реджинальд.

– Не больше, чем обычно.

– Я должен сделать ей подходящий подарок, – сказал Реджинальд. – У меня важные новости. Человек по имени Майкл – агент «Мау-мау». ^[5]

– Правда? – сказал я. – Как тебе удалось узнать это?

– Я подслушал разговор возле магазина, принадлежащего масаи. Очень важный разговор. Два вождя договорились.

– Большая редкость, – сказал я. – Что-нибудь еще?

– Третья шамба ^[6] пьянствует.

– А первая и вторая?

– Меня туда не пускают.

– Почему? Из-за пьянства?

– Мой брат знает, что я не пьяница. Меня не пускают из-за пристрастного ко мне отношения. Старое недоразумение.

– Как поживает вдова?

– Ее нет уже три дня. Теперь в шамбе забыли о морали. Она уехала в Лойтокиток и до сих пор не вернулась. Брат мой, не найдется ли у тебя немного волшебного лекарства, о котором в «Ридерс дайджест» писали, что оно возвращает человеку силу молодости?

– Есть такое средство. Но у меня его нет.

– Если бы мне удалось достать его, я бы сначала выпил сам, потом узнал его секрет, стал бы торговать им и разбогател.

– А рог носорога не годится?

– Сначала нужно отделить его от носорога, а это трудно и опасно. Я верный осведомитель департамента охоты и ни за что не пойду на это. Убивать носорога незаконно, кроме того, очень дорого и, к сожалению, как выяснилось, бесполезно.

– Я не знал. Китайцы покупают рог.

– Должно быть, им известен какой-то секрет, – сказал он. – Они очень скрытный народ. Но поверьте вашему преданному осведомителю, это бесполезно.

– Очень жаль.

– Да, брат мой. Прискорбно.

– Папа, мы когда-нибудь поедem? – Мисс Мэри позвала меня из нашей палатки. – Все готовы и ждут только тебя.

– Сейчас иду, – отозвался я.

– Хотелось бы поскорее, – сказала она. – Попусту растрачиваем утро.

– Неси все в машину.

– Брат мой, раз нет лекарства и тебе пора ехать, не предложишь ли ты мне чего-нибудь выпить?

– В лечебных целях и по долгу службы?

– Конечно. Иначе я бы не согласился.

– А я бы не дал, – сказал я. – Наливай сам. Реджинальд налил себе стакан и выпил. Плечи его распрямились, и он как бы даже помолодел.

– Завтра я добуду больше информации, брат мой, – сказал он. – Мое почтение госпоже.

Он официально поклонился и вышел. Я отправился к охотничьей машине.

У каждого есть свои таинственные страны, которые мы придумываем себе в детстве. Порой во сне мы вспоминаем о них или даже отправляемся туда в путешествие. Ночью страны эти почти столь же прекрасны, как в детстве. Но это лишь если тебе повезло, и ты увидел их во сне.

В Африке, когда мы жили на небольшой равнине, в тени высокого терновника на краю топи, у подножия огромной горы, у нас тоже были такие страны. Мы уже повзрослели физически, но во многих отношениях, я уверен, все еще оставались детьми...

В то время у нас с Мэри была одна великая таинственная страна – холмы Чиулус. С. Д. называл ее краем, где не ступала нога белой женщины, в том числе и мисс Мэри. Изо дня в день мы видели Чиулус, далекие, голубые, с классическим изломом вершин, какой бывает только у манящих до боли в сердце холмов. Мы предприняли несколько безуспешных и комических попыток добраться до них. Из-за непроходимой топи и скопления застывших глыб лавы, перекрывших все окольные пути, добраться к холмам, по крайней мере теперь, нам оказалось не под силу. Взамен Мэри почему-то выбрала район, где водились геренук, [7] а я – Лойтокиток, в 14 милях вверх по склону Килиманджаро, неподалеку от границы колонии... Мэри тоже удивлялась моему выбору, пока сама не побывала там...

Ночью я несколько раз слышал ворчание какого-то льва, вышедшего поохотиться. Мисс Мэри крепко спала, и дыхание ее было ровным. Я не спал и думал о разном, в основном о том, скольким мы с Мэри обязаны Старику, С. Д., департаменту охоты и всем остальным.

Что касается мисс Мэри, то меня беспокоил только ее рост – пять футов и два дюйма – ненамного выше высокой травы и кустарника. Пожалуй, ей не следует надевать свитер, каким бы холодным ни было утро, так как приклад манлихера слишком длинен для нее и, если плечи укутаны, поднимая ружье, она может непроизвольно спустить курок. Я не спал и думал обо всем этом, и еще о льве мисс Мэри, и о том, как поступил бы Старик, и о его недавней ошибке, и о том, сколько раз, охотясь на львов, он оказывался прав. Наверняка это бывало чаще, чем мне просто доводилось видеть льва.

Позже, еще до наступления рассвета, когда первый утренний ветерок перебирал подернутые серой золой угли костра, я натянул высокие ботинки, накинул халат и пошел будить Нгуи в его походной палатке.

Он проснулся в мрачном настроении, и я вспомнил, что он никогда не улыбался до восхода солнца, и порой ему требовалось несколько часов, чтобы вернуться из дальнего далека, где он побывал во сне.

Стоя возле потухшего костра, мы обменялись несколькими фразами.

– Ты слышал льва?

– Ндио, бвана.

Ответ был вежливый, но в то же время грубый, мы оба знали это. «Ндио, бвана» – фраза, которой африканец всегда отвечает на вопрос белого человека, когда хочет отделаться от него и одновременно сохранить рамки приличия.

– Сколько львов ты слышал?

– Одного.

– М'узури, – сказал я, давая понять, что так-то оно лучше и он не обманул, сказав, что слышал льва. Он сплюнул, понюхал табак и предложил мне. Я взял щепотку и положил под верхнюю губу.

– Это был большой лев Мемсаиб? – спросил я, почувствовав на десне восхитительное острое пощипывание табака.

– Хапана, – ответил он. Это означало абсолютное отрицание.

– Ты уверен? – спросил я.

– Уверен, – сказал он по-английски.

– Куда же он девался?

– Кто знает?

Услышав наши голоса, проснулся повар, а за ним и все, кто постарше и у кого чуткий сон.

– Дай нам чаю, – сказал я Муэнди и поздоровался с ним и со всеми, кто проснулся.

– Мы с тобой пойдем и проверим, где лев пересек проложенную

машиной колею, – сказал я Нгуи.

– Я сам пойду, – сказал Нгуи. – Вы можете одеваться.

– Сначала выпей чай.

– Не стоит. Чай потом. Это молодой лев.

– Принеси завтрак, – сказал я повару. Он встал в веселом расположении духа и подмигнул мне.

– Пига симба, – сказал он, – мы приготовим льва на ужин.

Кэйти стоял возле костра и улыбался своей кривой, вялой, скептической улыбкой. Он сворачивал чалму в темноте и забыл подоткнуть один конец. Глаза его тоже выражали сомнение. В них не было ни тени предчувствия серьезной охоты на льва.

– Хапана симба кубва сана, – сказал Кэйти. И взгляд его был насмешливым и уверенным. Он твердо знал – это не тот крупный лев, которого мы слышали раньше. «Анаке», – пошутил он. На языке камба это означало – лев достаточно взрослый, чтобы стать воином, жениться и иметь детей, но слишком молод, чтобы пить пиво. Шутка эта, да еще сказанная на камба, была признаком дружеского расположения, тем более в такую рань, когда дружелюбие отличается весьма низкой температурой...

Нгуи отправился осмотреть колею, проложенную охотничьей машиной по свежей траве. Он шел имитируя надменный строевой шаг, которому некогда обучился на службе в Королевских африканских стрелках. Он вовсе не хотел подчеркнуть свое презрение к кому-либо. Просто это было его естественное отношение к бессмысленному поручению, данному к тому же в столь раннее время суток. Мне бы следовало вернуть его, но я должен был доложить Мэри точную обстановку. Ей нужны были доказательства, а не мнения... Никто не мог представить себе, как много значил для нее этот лев. Насколько я помнил, последнее время я только и занимался охотой на львов. В Африке в памяти удерживались лишь события последнего месяца. За это время мы повидали и обвиненных в тяжких преступлениях львов Селенгаи, и львов Магади, и львов этой местности, против которых вот уже четыре раза подряд выдвигались различные обвинения, и этого нового льва-пришельца, пока еще разгуливавшего без *fiche*.^[8] или *dossier*.^[9] Того самого льва, чей кашель мы слышали ночью, перед тем как он отправился на поиски добычи. Но нужно было доказать мисс Мэри, что это другой лев, а вовсе не тот мародер, за которым она столько времени охотилась и на совести которого лежало множество тяжелейших преступлений. Мы не раз шли за ним по огромным следам с глубоким рубцом на левой задней лапе, и он неизменно исчезал в высокой траве, уходившей к поросшей густым лесом топи или к

непроходимому кустарнику у подножия холмов Чиулус. Шкура и густая грива льва были такими темными, что он казался черным, и, когда он уходил в недосигаемые для мисс Мэри заросли, видна была лишь его огромная, медленно раскачивающаяся из стороны в сторону голова. На него охотились не один год, и он, вне всякого сомнения, был не из тех львов, что позируют перед объективами туристов.

Я оделся и, сидя в предрассветной мгле у разгоревшегося костра, пил чай и ждал возвращения Нгуи. Он шел по полю, перекинув через плечо копье, осторожно ступая по все еще влажной от росы траве.

– Симба думе кидого, – сказал он, сообщив, что это был небольшой лев-самец. – Анаке, – сказал он, повторяя шутку Кэйти. – Хапана м'узури для Мемсаиб.

– Спасибо, – сказал я. – Я не стану будить мемсаиб.

– М'узури, – сказал он и отошел к разведенному поваром костру.

Мы оба знали, как тяжело давалась Мэри охота в течение нескольких дней, и ей не повредило бы выспаться вволю. Она устала больше, чем сама подозревала.

Самые достоверные сведения о нашем черногривом льве должен будет принести Арап Маина. Масаи, живущие вверх по склону западных холмов, сообщили, что лев задрал там двух коров, а одну утащил с собой. Масаи порядочно натерпелись от этого льва. Он все время появлялся в новых местах и никогда не возвращался к добыче, как это делали другие львы. Арап Маина считал, что лев этот однажды вернулся к остаткам своей добычи, отравленным предыдущим егерем, но по счастливой для него случайности не погиб, и одного этого урока оказалось достаточно – он решил никогда не возвращаться к жертвам. Пожалуй, этим можно было объяснить его стремление к перемене мест, но не беспорядочные налеты на деревни масаев. В эту пору, особенно после бурных непродолжительных ноябрьских дождей, равнина покрылась сочной травой и у источников и в зарослях было много всевозможных животных. Арап Маина, Нгуи и я надеялись, что огромный лев спустится с холмов в долину, где он сможет поохотиться вдоль границ топи.

Масаи могут быть довольно ехидными. Скот для них не просто богатство, а кое-что поважнее. Как-то раз осведомитель рассказал мне, что один из вождей нелестно отзывался о том, что у меня уже дважды была возможность убить этого льва, а я выжидал, пока такой случай представится женщине. Я просил сообщить вождю, что если бы его молодые воины были настоящими мужчинами, а не проводили все свое время в баре в Лойтокитоке, то не возникло бы нужды ждать, пока я убью

льва. И все же я позабочусь об этом, как только лев объявится в округе, а если вождь еще и пришлет своих людей, я пойду с ними на льва с копьем. Я просил вождя заглянуть в лагерь и потолковать со мной.

Однажды утром он появился в лагере с тремя старейшинами, и я послал за осведомителем, чтобы тот переводил. Мы прекрасно побеседовали. Вождь объяснил, что осведомитель неправильно понял его слова. Бвана егерь (С. Д.) всегда убивал только тех львов, которых следовало убивать, был очень храбрым и опытным человеком, и масаи вполне доверяли ему. Он также хорошо помнил, как последний раз во время засухи бвана егерь убил льва, а потом бвана егерь и я вместе с его воинами убили львицу, которая нанесла им большой ущерб.

Я ответил, что все это совершеннейшая правда и что долг бваны егеря, а теперь и мой, убить любого льва, если тот досаждал ослам, овцам, козам или людям. Мы всегда будем поступать именно так. Вера Мемсаиб требует, чтобы она убила этого льва до Рождества. Ведь мы приехали из далекой страны, принадлежим к племени, которое ее населяет, и таков закон нашей религии. До наступления Рождества вождь увидит шкуру этого льва.

Мы пожали друг другу руки, и они ушли. Рождество было не за горами, и меня немного беспокоил названный мной срок... Как и всегда, постфактум я был слегка шокирован своим красноречием и испытывал привычное подавленное состояние из-за взятых обязательств...

Дикий лев, лев-мародер и лев, позирующий перед туристскими фотокамерами в национальных заповедниках, отличаются друг от друга так же разительно, как старый гризли, который будет идти следом по вашей линии капканов, ломать их, срывать крыши с ваших шалашей, пожирать ваши запасы и при этом ни разу не попадетс вам на глаза, отличается от медведей, выходящих пофотографироваться на дорогу в Йеллоустоун-Парк. Правда, и в заповедниках каждый год медведи нападают на людей, и, если туристы выходят из машин, они могут нажить себе кучу неприятностей. Порой им достается даже, когда они остаются в машинах, а некоторые медведи становятся действительно опасными, и их приходится уничтожать.

Львы – жители заповедников – привыкли к тому, что их кормят и фотографируют. Случается, они выходят за пределы заповедника и, забыв о страхе перед двуногими, легко попадают на мушку новоиспеченным спортсменам и их женам, которыми, как правило, руководит какой-нибудь профессиональный охотник. Но в нашу задачу не входило критиковать других за то, как они охотятся на львов. Нам нужно было выследить,

вернее, сделать так, чтобы мисс Мэри выследила умного, опасного льва, на которого велась охота не один год, и притом сделать это не нарушая определенных этических норм. Уже много дней мисс Мэри охотилась в соответствии с этими суровыми нормами. Чаро, которого из-за случайных просчетов трижды калечил леопард, любил мисс Мэри и не раз терял терпение, считая, что я заставляю ее придерживаться слишком строгих и отчасти смертельно опасных правил. Но не я их придумал. Я научился им у Старика, а Старик хотел, чтобы его последняя охота на льва, последнее сафари прошло так, как в былые времена, до той поры, пока еще «эти проклятые автомобили», как он их называл, не развратили и не упростили охоту на диких животных.

Лев этот дважды ускользал от нас, и оба раза я мог без особого труда уложить его, но выжидал, потому что он принадлежал Мэри. В последний раз ошибку допустил Старик. Ему так хотелось помочь Мэри убить льва до своего отъезда, что он поспешил и ошибся, как это порой случается, когда очень сильно чего-нибудь хочешь.

Поздно вечером мы сидели у костра, и Старик курил трубку, а Мэри записывала что-то в дневник, которому она доверяла все, чем не хотела делиться с нами: горести, разочарования, то новое, что ей довелось познать и чем не хотелось хвастаться, победы, которые от разговоров могли лишь утратить свой блеск. Она писала в обеденной палатке при свете газовой лампы, а Старик и я сидели у костра в пижамах, халатах и противомоскитных ботинках.

– Это чертовски смысленный лев, – сказал Старик. – Будь Мэри чуть выше ростом – сегодня он не ушел бы от нас. Но сам виноват.

Мы оба знали о его ошибке, но избегали говорить о ней.

– Мэри убьет его. Но запомни одно. Я не думаю, чтобы он был очень смелым. Для этого он слишком сообразителен. Но если его ранить, у него хватит храбрости на все. Смотри не допусти этого.

– Сейчас я стреляю вполне прилично. Старик промолчал. Он думал. Потом он сказал:

– Лучше, чем прилично. Не обольщайся, но и не теряй уверенности. Он непременно ошибется, и ты убьешь его. Хорошо бы у одной из львиц началась течка. Тогда он не будет привязан к логову. Правда, в это время они обычно ждут потомство...

– Какую же ошибку он допустит?

– Сам увидишь какую, но обязательно допустит. Жаль, я должен уехать раньше, чем Мэри убьет его. Позаботься о ней как следует. Дай отдохнуть и ей, и этому проклятому льву. Не преследуй его слишком

настойчиво. Пусть станет немного увереннее.

– Что-нибудь еще?

– Если сумеешь, помоги и Мэри набраться уверенности на отстреле животных для кухни.

– Я хотел научить ее подкрадываться к животным на расстояние в пятьдесят ярдов и, может быть, постепенно сокращать его до двадцати.

– Что ж, пожалуй, – сказал Старик. – Все остальное мы уже испробовали.

– Я думаю, это поможет. Потом она будет стрелять и с большего расстояния.

– Она ужасно стреляет, – сказал Старик. – И дадут ли ей что-либо эти два дня?

– По-моему, я все правильно рассчитал.

– По-моему, тоже. Только когда она будет стрелять в льва, забудь о своих двадцати ярдах.

– Ладно, – сказал я. – Разве что мы сами наткнемся на него на таком расстоянии.

– Я не буду волноваться, – сказал Старик. – Но, пожалуйста, обдумай все тщательно.

– Я сделаю все так, как ты меня учил.

– Не знаю, так ли уж это здорово, – сказал Старик.

Около четырех часов я послал за Нгуи, а когда он пришел, попросил его позвать Чаро, взять ружье и сказать Матоке, чтобы он подогнал охотничью машину.

– Прихвати еще кого-нибудь помочь нести тушу, – сказал я. – Тебе можно есть гну?

– Да. Но лучше пофу.

– Я знаю. Но антилоп канна сейчас нет. Уже две недели я не встречал ни одной.

– А импала?

– Подстрелим импалу или томми и одну антилопу гну.

– М'узури.

Мэри писала письма, и я сказал ей, что послал за машиной, а потом пришли Чаро и Нгуи. Они вытащили из-под коек зачехленные ружья, и Нгуи собрал двустволку. Они нашли патроны, пересчитали их и проверили литые пули для спрингфилда и манлихера. Это были первые волнующие мгновения предстоящей охоты...

– На кого мы будем охотиться?

– Нам нужно мясо. Хочу провести эксперимент, потренировать тебя

перед охотой на льва. Мы как-то говорили об этом со Стариком. Попробуй подстрелить гну с двадцати ярдов. Ты и Чаро подкрадетесь к ней вдвоем.

– Уж не знаю, сумею ли я подобраться так близко.

– Ты наденешь что-нибудь для маскировки. Только не свой свитер. Возьми его с собой и, если станет прохладно, наденешь по дороге домой. И раз уж это необходимо, засучи рукава сейчас. Пожалуйста, дорогая.

У мисс Мэри была привычка: перед тем как выстрелить, она обязательно закатывала правый рукав охотничьей куртки. Возможно, она хотела лишь подвернуть манжеты. Но движение это могло спугнуть животное за сто ярдов или даже дальше.

– Ты ведь знаешь, я больше так не делаю.

– Хорошо. Я вспомнил про свитер, потому что из-за него приклад может оказаться слишком длинным для твоей руки.

– Ладно. А если в то утро, когда мы найдем льва, будет холодно?

– Да я всего лишь хочу посмотреть, как ты стреляешь без свитера. Проверить, мешает ли он тебе.

– Все ставят со мной какие-то эксперименты. Просто так я уже не могу ни на кого поохотиться.

– Можешь, дорогая. Как раз сейчас тебе это и предстоит.

Мэри стояла у самого края зарослей, откуда можно было стрелять, и мы видели, как Чаро опустил на колено, а Мэри подняла винтовку и наклонила голову. Мы услышали выстрел и почти одновременно удар пули в кость и увидели, как черный самец гну подскочил вверх и тяжело рухнул набок. Другая антилопа рванулась с места, а мы, крича во все горло, поспешили к Мэри с Чаро, туда, где посреди луга возвышалась черным бугром огромная туша.

Когда мы один за другим высыпали из охотничьей машины, Мэри и Чаро уже стояли рядом с гну. Чаро вынул нож. Он был счастлив. Вокруг все повторяли: «Пига м'узури. Улипига м'узури сана, Мемсаиб. М'узури, м'узури сана».

Я обнял Мэри и сказал:

– Прекрасный выстрел, крошка, и подкралась ты очень близко. А теперь помоги ему, выстрели вот сюда, где начинается ухо.

– Может быть, лучше в лоб?

– Нет, пожалуйста, под левую мочку.

Она жестом показала всем отойти, сняла затвор с предохранителя, подняла винтовку, тщательно прижала приклад щекой, глубоко вдохнула, выдохнула, сделала упор на левую ногу и выстрелила. Пуля вошла точно в то место, где левое ухо срасталось с черепом. Ноги гну обмякли, а голова

слегка откинулась. Даже мертвый, он выглядел величественно, и я снова обнял Мэри и отвел ее в сторону, чтобы она не видела, как Чаро вонзит нож в сонную артерию (только после этого магометанам можно будет есть мясо самца).

– Отправляйся в машину, котенок, и глотни из фляжки с джином. Я помогу им погрузить тушу в кузов.

– Пойдем, выпей со мной. Я только что накормила своей винтовкой восемнадцать человек, и я люблю тебя и хочу выпить. Не правда ли, мы с Чаро подкрались очень близко?

– Восхитительно близко. Лучшего нельзя было и ожидать.

Фляжка «Джинни» лежала в одном из карманов старой испанской патронной сумки, и в ней была пинта «Гордон'с», который я купил у Салтана Хамуда. Она была названа так в честь другой, старой, знаменитой серебряной фляжки, которая однажды во время войны протекла по швам на высоте в бог знает сколько тысяч футов, да так, что мне показалось, будто меня ранили в зад. Старую фляжку так и не удалось толком починить, но мы назвали эту плоскую бутылку в честь старой, высокой, плотно прилегавшей к бедру фляжки, где на закручивающемся серебряном колпачке было выбито имя девушки, но не было ни названий сражений, свидетелем которых она являлась, ни имен тех, кто пил из нее и кого уже не было в живых. Названия сражений и имена погибших даже при убористой гравировке покрыли бы обе стороны старой фляжки. Но новая, хотя и невзрачная, была нам не менее дорога.

Мэри отпила из нее глоток, потом выпил я, и Мэри сказала:

– Знаешь, Африка – единственное место, где неразбавленный джин на вкус не крепче воды.

– Немножко покрепче.

– В фигуральном смысле слова. Я сделаю еще глоточек, если можно.

Джин был действительно очень хорош на вкус, чистый и приятно согревающий, и вовсе не как вода, и после него все казалось прекрасным. Я протянул Мэри бурдюк с водой, она сделала большой глоток и сказала;

– Вода тоже прекрасна. Несправедливо сравнивать ее с джином.

Я подошел к заднему борту машины, откинутому для облегчения погрузки гну... Втиснутый в кузов, самец уже не выглядел так величественно и лежал там с остекленевшими глазами, огромным брюхом, несуразно вывернутой головой и вывалившимся, как у повешенного, серым языком. Нгуи, который вместе с Матоккой поднимал его с самой тяжелой стороны, сунул палец в пулевое отверстие чуть повыше лопатки. Я кивнул, мы подняли борт, закрепили его, и я взял у Мэри бурдюк, чтобы вымыть

руки.

– Пожалуйста, выпей еще, Папа, – сказала она. – Почему ты такой мрачный?

– Я не мрачный. Но выпить мне все-таки дай. Хочешь еще поохотиться? Нам нужно подстрелить томми и импалу^[10] для Кэйти, Чаро, Муэнди, для тебя и меня.

– Я хотела бы убить импалу. Но стрелять мне уже сегодня не хочется. Не стоит портить этот выстрел. Я уже попадаю как раз туда, куда целюсь.

– И куда же ты целилась, малышка? – спросил я, пересилив себя. Мне очень не хотелось задавать этот вопрос, и, спрашивая, я сделал глоток, чтобы он прозвучал как можно безразличнее.

– Прямо в центр лопатки. Точно в центр. Ты же видел отверстие.

Большая капля крови скатилась из крошечного отверстия над лопаткой и застыла под ней. Я заметил ее, когда неуклюжая черная антилопа лежала в траве, и передняя половина туловища еще жила, хотя и не двигалась, а задняя уже омертвела.

– Хорошо, малышка, – сказал я. – Может быть, все-таки постреляешь еще?

– Нет. Теперь стреляй ты. Тебе тоже надо тренироваться.

«Да, – подумал я. – Может быть, и надо». Я сделал еще глоток джина.

– Отдай мне фляжку, – сказала Мэри. – Сегодня я больше не стреляю. Я так счастлива, что мой выстрел тебе понравился. Хорошо бы Старик был с нами.

Но Старика с нами не было, и, стреляя в упор, она все же попала на четырнадцать дюймов выше, чем целилась, случайно сразив животное удачным попаданием в хребет. Так что причины для беспокойства все еще оставались.

В лагере я нашел мисс Мэри, когда она, сидя на стуле под самым большим деревом, записывала что-то в дневник. Она подняла на меня глаза и улыбнулась, чему я очень обрадовался.

– Мне хорошо, – сказала она. – Утро такое прекрасное, я наслаждаюсь им и наблюдаю за птицами. Ты когда-нибудь видел такую великолепную сизоворонку? Я была бы счастлива просто так наблюдать за птицами.

– А может быть, тебе еще чего-нибудь хочется?

– Нет. Как по-твоему, могли бы мы до наступления жары отправиться в район, где водятся геренук, и немного поохотиться? Мне кажется, теперь я разбираюсь в этом чуточку больше.

Но район, где водились геренук, по-прежнему оставался труднодоступным. Мэри нисколько не подросла, а кустарник не стал

ниже. Она охотилась очень старательно, а Нгуи и я держались как можно дальше от нее, так далеко, что я волновался. Правда, накануне я не видел здесь ни одного носорога, и свежих следов мы не обнаружили. Мэри ужасно переживала, что ей не доверяют охотиться самостоятельно, и я расширил границу безопасности настолько, насколько мог отважиться. Потом я вспомнил обещание, данное Старику, и, рискуя попасть в немилость Мэри, сократил дистанцию. Но она, похоже, не возражала, и мы с Нгуи подошли еще ближе, так, чтобы исключить всякий риск. Немного погодя мы увидели след носорога, и я отправил Нгуи к машине, а сам с двустволкой пошел рядом с Мэри. Район этот был более надежен, чем район Магади, но все же достаточно опасен, чтобы заставить меня попотеть. Чаро и я слышали легкий звук, напоминающий тихое ворчание или шорох взлетающей куропатки. Я обернулся и увидел Нгуи. Он стоял на крыше охотничьей машины и показывал рукой влево от нас. Потом Чаро тронул мисс Мэри за руку, и все мы пошли вправо, стараясь держаться по ветру, и, выйдя на небольшое открытое место, подождали, пока подъехала машина.

– Думе! – сказал Нгуи. – Большой самец. А рог короткий и широкий.

– Можно взглянуть? – спросила Мэри.

Чаро и Нгуи помогли ей забраться на крышу, и в зарослях она увидела носорога, огромного и серого, почти белого от высохшей болотной грязи. Голова его была поднята, уши подались вперед, носом он старался поймать приносимые ветром запахи.

– Хочешь его сфотографировать?

– Нет. Он слишком далеко, чтобы казаться страшным.

– Мы не можем пригласить его подойти поближе. В этих зарослях на охотничьей машине от него не уйти. Я найду тебе другого там, где он будет преследовать нас на открытой местности.

– Всякий раз что-нибудь мешает охоте на геренук. Мы сейчас поблизости от одного из лучших мест.

Я был напуган, как и всегда, когда Мэри охотилась в густых зарослях и рядом оказывался носорог. Я знал нрав носорогов, они бросаются на запах, но зато глупы и их легко обмануть. Они почти слепые, но некоторые видят чуть-чуть получше, и, когда они мчатся через заросли, подобно взбесившемуся локомотиву, это производит сильное впечатление. Убить носорога нетрудно, но как-то раз я попал одному прямо в сердце, и он пронесся на полной скорости еще ярдов сто, прежде чем повалился замертво. Охотясь в одиночку, я был совершенно спокоен, потому что пуля всегда могла остановить носорога, даже если она не попадала в кость. Но в

густых зарослях никогда не знаешь, где находится второй носорог, а именно он и представляет смертельную опасность. Итак, я смотрел на одетое в невероятную броню, глупое, злое и несимпатичное животное, которое в своем покрытии из белой высохшей грязи все же выглядело удивительно прекрасным и воинственным, как сбитый с курса танк. «Всю жизнь им приходится быть начеку с задраенным башенным люком», – подумал я.

– Ты уверена, что фотография не получится? – спросил я.

– Уверена, – сказала мисс Мэри. – Для этого надо подойти поближе.

На том мы и порешили и перебрались подальше, на более открытую местность, где продолжили охоту на геренук. На этот раз мне было решительно наплевать, будут ли меня упрекать в том, что я играю роль няньки или вооруженной до зубов гувернантки, и оставался точно на положенном месте и действовал так, как учил Старик. Я уже давно понял, почему белым охотникам так хорошо платили и зачем они меняли место расположения лагеря: чтобы клиенты охотились там, где их можно было надежно защитить. Я знал – Старик никогда не позволил бы мисс Мэри охотиться здесь и не потерпел бы никакого сумасбродства. Но я также помнил, как женщины почти всегда влюблялись в своих белых охотников, и надеялся, что произойдет чудо, я стану героем в глазах своей подопечной и из бесплатного и действующего на нервы телохранителя превращусь в охотника-возлюбленного собственной жены...

Во время этого последнего этапа заранее обреченной на неудачу охоты на геренук – разве что газели посходили бы с ума или женщины научились ходить на ходулях – я пребывал в том отрешенном состоянии, какое бывает, когда не выспишься или выпьешь до завтрака. К тому времени, как мы прочесали весь район и повернули к лагерю, движения мои стали почти автоматическими и я полностью самоустранился от выполнения своих обязанностей. Казалось вполне естественным, что за это меня следовало отчитать и, уж конечно, не так должен был бы вести себя белый охотник, этот женский угодник со стальными нервами. Но вопреки обыкновению мисс Мэри была очень признательна мне и сказала, что охота прошла прелестно, и я вел себя молодцом, и к ней относился с пониманием, и держался не слишком близко, и носорог прекрасно выглядел в своей белой броне, и что, помимо всего прочего, нам не очень-то нужна эта газель геренук. Главное – это охота, а убивать совсем не обязательно, и как хорошо, что геренук счастливы и находятся в безопасности. Мне трудно было представить, как могут быть счастливы геренук, питаюсь полувysохшим кустарником, день и ночь находясь в

окружении врагов. Последний убитый мной самец геренук, обладатель, по самой скромной оценке, роскошной пары рогов, был таким старым, таким измученным, таким чахлым от всяких мерзких гнойных заболеваний, что его шкура ни на что не годилась, а мясо пришлось сжечь. Мы не хотели, чтобы стервятники разносили его болезни. Но в своем отрешенно-сонном состоянии я был в восторге от хорошей охоты и надеялся, что лев спустится в долину и станет наконец чуть увереннее и мы сможем с ним покончить.

Когда я проснулся, облака спустились с холмов Чиулус и повисли черной тучей вдоль склона горы. Солнце еще не взошло, но уже чувствовался ветер, который приносит дождь. Я крикнул Муэнди и Кэйти, и к тому времени, как дождь, пронесшись по долине и прорвавшись сквозь деревья, обрушился на нас сплошным белым неистовым занавесом, мы уже вколачивали колышки, отпускали и натягивали тросы и рыли канавы. Дождь был сильным, и ветер яростным. Какое-то мгновение казалось, что он сорвет основную спальную палатку, но мы вбили дополнительные колышки с подветренной стороны, и она устояла. Потом порывы ветра стихли. Дождь лил всю ночь и почти весь следующий день.

Приятно было читать в обеденной палатке под звук тяжелых ударов дождя, и я немного выпил и ни о чем не беспокоился. Все вокруг на какое-то время вышло из-под моего контроля, и я наслаждался отсутствием ответственности, восхитительным состоянием инертности, когда не надо было никого убивать, преследовать, оберегать, строить козни, защищать или участвовать в чем-либо, и с удовольствием предавался чтению. Мы перечитали почти все запасы из чемодана с книгами, но подчас нам все еще попадались скрытые сокровища. Здесь же были и двадцать томов Сименона на французском языке, которые я не читал. Если вам случится мокнуть под дождем в Африке, когда вы стоите лагерем, то знайте, что в этой ситуации нет ничего лучше Сименона. С ним мне было безразлично, сколько времени будет лить этот дождь. Из каждых пяти томов Сименона три были хорошими, но заядлый книголюб может проглотить и плохие в такую погоду. Я начинал все подряд, делил книги на плохие или хорошие (для Сименона не существует промежуточной оценки), а потом, перебрав с полдюжины книг и разрезав страницы, приступал к чтению, с удовольствием перекладывая все свои проблемы на Мегрэ, вместе с ним посмеиваясь над глупостью Quai des Orfevres,^[11] и восхищаясь его проницательностью и истинным пониманием французов, что доступно лишь людям его национальности, коль скоро французы оградилась от понимания самих себя неким туманным законом *sous peine de travaux force*

a la pertuite.^[12]

Мисс Мэри смирилась с дождем, ставшим еще монотоннее, но ничуть не слабее, забросила письма и читала какую-то интересную для нее книгу. Это был «Государь» Макиавелли.^[13] «Что, если дождь зарядит дня на три или четыре?» – спрашивал я себя. С такими запасами Сименона я мог продержаться около месяца, особенно если отвлекаться от чтения и размышлять о чем-нибудь после каждой книги, страницы или главы. Захваченный непрерывным дождем, я мог думать и между параграфами – не о Сименоне, а о разных других вещах – и полагал, что легко и с пользой протяну целый месяц, даже если кончится все спиртное и мне придется пользоваться нюхательным табаком Арапа Маины или перепробовать всевозможные отвары из лекарственных деревьев и растений, которые нам довелось узнать.

– Это компания грубых шутников, – сказала мисс Мэри. – Вы с С. Д. шутите очень грубо, и Старик не отстаёт. Я тоже шучу грубовато. Но не так, как вы.

– Некоторые шутки хороши лишь в Африке, потому что за ее пределами люди не могут представить себе ни этой страны, ни ее животных. Это мир животных, а среди них есть хищники. Люди, не встречавшие хищников, не понимают, о чем идет речь. Равно как и те, кому не приходилось убивать, чтобы добыть себе пищу. И они не знакомы с племенами и не знают, что для них естественно и обычно. Я выражаюсь очень туманно, малышка, но я постараюсь и напишу об этом так, чтобы все стало понятно. Правда, придется слишком многое объяснять из того, что людям трудно себе даже представить.

– Я знаю, – сказала Мэри. – Лгуны тоже пишут книги, а как ты можешь тягаться с лгуном? Как соперничать с тем, кто пишет, как охотился и убил льва, которого привезли в лагерь в грузовике, и неожиданно лев ожил? Как доказать правду человеку, который утверждает, что Большая Руаха^[14] кишит крокодилами? Но тебе это ни к чему.

– Нет, – сказал я. – Я и не собираюсь. Но не надо винить вралей. Ведь что такое на самом деле писатель, если не прирожденный враль, который все выдумывает, исходя из собственных или чужих знаний? Я писатель, а значит, и я лгун и выдумываю, основываясь на том, что знаю сам или слышал. Я враль.

– Но ты не стал бы врать С. Д., или Старiku, или мне, что выкинул лев, леопард или буйвол.

– Нет. Но это в узком кругу. Человек, который пишет роман или

рассказ, – выдумщик *ipso facto*.^[15] Он создает правду, и это его единственное оправдание, поскольку вымысел его кажется правдоподобнее, чем все, что произошло на самом деле. Именно так можно отличить хорошего писателя от плохого. Однако если он пишет от первого лица и объявляет это художественным произведением, то критики попытаются доказать, что ничего подобного с ним не происходило. Это так же глупо, как утверждать, что Дефо никогда не был Робинзоном Крузо, а следовательно, и книга никуда не годится. Прости меня за лекцию. Но в дождливый день мы можем это себе позволить...

– Совсем недавно ты сказал, что все писатели чокнутые, а теперь называешь их лгунами.

– Неужели я назвал их чокнутыми?

– Да. Вы с С. Д. говорили именно так.

– Старик был при этом?

– Да. Он сказал, что все инспектора по охране животных – чокнутые и с ними вместе все белые охотники, а белые охотники свихнулись из-за инспекторов, писателей и автомобилей.

– Старик всегда прав.

– Он советовал мне не обращать внимания на вас с С. Д., потому что вы оба с приветом.

– Так оно и есть, – сказал я. – Но никому об этом не говори.

– Ты правда считаешь всех писателей чокнутыми?

– Только хороших.

– Но ты рассердился, когда этот человек написал книгу о том, какой ты ненормальный?

– Да. Потому что он мало что знал обо мне и ничего не смыслил в писательстве.

– Ужасно сложно, – сказала мисс Мэри.

– А я и не стараюсь объяснять. Я попробую написать что-нибудь и показать тебе, как это получается.

– Старику всегда хотелось это понять. Он сказал, что ты есть и всегда был с приветом, и все же он полностью верит тебе, и я тоже должна верить. Иной раз мне делается грустно. Но я не унываю, и мне нравится наша жизнь. Можно я приготовлю тебе выпить? Ты читай. Совсем не обязательно разговаривать со мной.

– А тебе хочется читать?

– Да. Я не прочь. И мы оба выпьем и будем слушать дождь.

– Когда он кончится, мы прекрасно проведем время.

– Мы и сейчас прекрасно его проводим, и меня только беспокоит, что

все звери вымокнут.

Итак, я какое-то время сидел и перечитывал «La Maison du Canal» [\[16\]](#) и думал о том, каково животным мокнуть под дождем. Гиппопотамы сегодня порадуются, зато достанется другим зверям, особенно кошачьим. У животных так много всяких хлопот, что дождь страшен лишь тем, кто сталкивается с ним впервые, а значит, появился на свет за время, прошедшее с прошлого дождя. Интересно, думал я, охотятся ли в такой ливень крупнейшие из кошачьих? Наверное, им приходится это делать, чтобы жить. В дождь легче подкрасться к добыче, но льву, леопарду да и гепарду, должно быть, не по душе так мокнуть во время охоты. Возможно, гепарду это и не очень страшно, ведь он сродни собакам и его шкура приспособлена для сырой погоды. Змеиные норы зальет водой, и повсюду будут змеи, и после дождя появится много термитов.

Я думал, как повезло нам на этот раз в Африке, потому что мы достаточно долго охотились в одном районе и знали здесь каждое животное, и все змеиные норы, и всех живущих в них змей. Когда я впервые приехал в Африку, мы постоянно спешили, переезжали с места на место, охотились ради трофеев. Если нам попадалась кобра, то это было целое событие, как будто мы где-нибудь на дороге в Вайоминге наткнулись на гремучую змею. Теперь же мы узнали много мест, где водились кобры. По-прежнему мы встречали их чисто случайно, но они жили в одном районе с нами, и мы могли заняться ими позже. Когда мы случайно убивали змею, то это была змея, жившая в определенном месте и охотившаяся в своем районе, равно как и мы. Именно благодаря С. Д. нам была предоставлена привилегия узнать великолепный уголок страны, да к тому же выполнить работу, которая оправдывала бы наше присутствие здесь, и я всегда испытывал к нему чувство глубокой признательности за это.

Время, когда я стрелял животных ради трофеев, давным-давно прошло. Я по-прежнему любил охотиться, но теперь я убивал, чтобы добыть мясо или подстраховать мисс Мэри, я стрелял в зверей, которые оказывались «вне закона», и я убивал их ради общего блага, или, как это принято называть, в целях борьбы с животными-мародерами, хищниками и вредителями. Для трофея я подстрелил одну антилопу, а для пищи – сернобыка в районе Магади, рога которого оказались так красивы, что вполне сгодились в качестве трофея, и еще в один критический момент – единственного буйвола, который тоже пошел на мясо и чьи рога стоило оставить в память о той опасности, которая однажды грозила Мэри и мне. Сейчас я с удовольствием вспомнил этот случай... С воспоминаниями о

подобных мелочах всегда приятно засыпать и думать о них ночью, когда не спится, и, если необходимо, можно вызывать их в памяти, когда тебе становится худо.

– Помнишь то утро с буйволом, малышка? – спросил я.

Она посмотрела на меня из-за обеденного стола и сказала:

– Не спрашивай меня о таких вещах. Я думаю о льве.

Итак, теперь, как только кончится дождь, нас ждет ее лев да еще леопард, которого я дал слово достойно выследить и убить к определенному дню.

Это были единственные занесенные в книгу обязательства. Я знал, будет множество трудностей и заминок. Но эти два дела за нами...

Несмотря на мерный шум дождя, я спал плохо и дважды просыпался в холодном поту от кошмаров. Последний сон был особенно страшен, и я протянул руку под москитной сеткой и нащупал бутылку воды и фляжку с джином. Я втащил их к себе, а затем подоткнул сетку под одеяло и надувной матрац койки. В темноте я сложил подушку так, чтобы лечь на нее затылком, нашел маленькую подушечку с хвойными иголками и положил ее под шею. Потом нащупал возле ноги пистолет и электрический фонарик и открутил пробку на фляжке.

В темноте под тяжелый стук дождя я сделал глоток джина. Он был чистый и приятный на вкус, и я успокоился. Я понимал, что не могу пить во время охоты на льва мисс Мэри, но завтра мы вряд ли будем охотиться в такую мокрень. Сегодняшняя ночь почему-то была скверной. Я избаловался после стольких хороших ночей и решил, что кошмары мне больше не угрожают. Теперь я понял – это не так. Возможно, палатка была слишком плотно закрыта от дождя и мне не хватало воздуха. Возможно, я мало двигался днем. Я снова сделал глоток, и джин показался еще вкуснее... «Так себе кошмар, ничего особенного, – подумал я. – Бывали и похуже». Одно я знал: с теми, что подолгу вымачивают тебя в холодном поту, я разделался, и теперь остались только плохие или хорошие сны, и почти каждую ночь они были хорошими.

Неподалеку от пестревшего на фоне деревьев лагеря, дым костров которого поднимался высоко над верхушками, а белые и зеленые палатки выглядели по-домашнему уютно, из разбросанных по саванне лужиц пили воду куропатки. Пока Мэри оставалась в лагере, мы с Нгуи отправились подстрелить несколько штук для нашего повара. Куропатки сидели нахохлившись у самой воды или прятались в невысокой траве, там, где рос репейник. Они шумно взмывали вверх, и попасть в них было несложно, если стрелять быстро, влет. Это были средние куропатки, похожие на

маленьких пухлых, обитающих в пустыне голубей. Мне нравилась их странная манера летать, как голуби или обыкновенные пустельги, и то, как красиво они раскидывали свои длинные стреловидные крылья, когда парили в воздухе. Такая стрельба в упор не шла ни в какое сравнение с охотой рано утром в период засухи, когда они вереницей спускались к воде и мы с С. Д. стреляли лишь в замыкающих и платили по шиллингу штрафа всякий раз, когда на один выстрел падало больше одной птицы. Подкрадываясь к ним вплотную, ты лишался удовольствия слышать тот гортанный воркующий гам, с которым плыла по небу переговаривающаяся стая. Мне также не хотелось стрелять вблизи от лагеря, и я ограничился четырьмя парами, которых хватило бы нам с Мэри на два раза или на приличное угощение, случись кому-нибудь заглянуть к нам в гости.

Не всем в лагере нравились куропатки. Я тоже предпочитал им более мелкую дрофу, чирка, бекаса или быстрокрылую ржанку. Но и куропатки хороши на вкус и прекрасно пойдут на ужин.

Моросящий дождь опять прекратился, но к подножию горы спустились туман и облака.

Мэри сидела в обеденной палатке со стаканом кампари с содовой.

– Много настрелял?

– Восемь. Мне это напомнило стрельбу по голубям в клубе.

– Они взлетают куда быстрее голубей.

– Я думаю, это так кажется, потому что они мельче и громко хлопают крыльями. Ни одна птица не взлетает быстрее настоящего голубя.

– Подумать только! Я рада, что мы здесь, а не в клубе.

– Я тоже. Не знаю, смогу ли я вернуться туда.

– Вернешься.

– Не знаю, – сказал я. – Может быть, и нет.

– Есть уйма вещей, к которым и я бы не смогла уже вернуться.

– Хорошо бы нам вовсе не пришлось возвращаться. Было бы славно не иметь никакой собственности, никакого имущества и никаких обязательств. Я хотел бы, чтобы у нас были лишь снаряжение для сафари, хорошая охотничья машина да пара приличных грузовиков.

– Все знакомые валом повалят к тебе поохотиться на дармовщину, – сказала мисс Мэри. – Я превращусь в самую гостеприимную хозяйку палатки в мире. Я знаю, как это будет. Люди станут прибывать в собственных самолетах, и пилот выскочит из кабины и откроет дверцу, а гость скажет: «Держу пари, ты ни за что не угадаешь, кто я. Бьюсь об заклад, ты меня не помнишь. Ну, кто я?» В один прекрасный момент кто-нибудь скажет именно так, и тогда я попрошу Чаро дать мне мою

двустволку и пальну ему прямо в лоб. И Чаро сможет освежевать его, – добавила она.

– Они не едят людей.

– Когда-то уакамба ели. Это было в те самые времена, которые вы со Стариком называете добрыми. Ты тоже отчасти уакамба. Ты бы съел человека?

– Нет, – сказал я. – Решительно нет.

– Рада за тебя, – сказала мисс Мэри. – Ради таких стоит жить. Знаешь, я за всю свою жизнь не убила ни одного человека. Помнишь, когда я хотела быть с тобой во всем на равных, я так ужасно переживала, что не убила ни одного фрица?

– Очень хорошо помню.

– Теперь, пожалуй, я произнесу речь о том, как я убью женщину, которая украдет твою любовь. Я знаю, ты слышал эту речь неоднократно. Но мне она нравится. Мне полезно выговориться, а тебе послушать.

– О'кей. Начинай.

– Ага, – сказала мисс Мэри. – Так, по-твоему, ты будешь лучшей женой моему мужу, нежели я? Ах так, значит, вы идеально подходите друг другу и ему с тобой лучше, чем со мной? Ты думаешь, вы чудненько заживете вместе и он наконец удостоится любви женщины, разбирающейся в политике, психоанализе и истинном смысле слова «любовь»? Что ты знаешь о моем муже и о том, что мы пережили и что у нас общего?

– Правильно! Правильно!

– Дай мне высказаться. Послушай, ты, растрепанная, тощая там, где следует быть формам, и заплывшая жиром, где у породистых женщин его быть не должно. Послушай, ты, женщина. Я застрелила ни в чем не повинного оленя с расстояния в добрых триста сорок ярдов и съела его, не испытав при этом никаких угрызений совести. Я убила конгони^[17] и гну, на которую ты похожа. Я охотилась и убила огромного и прекрасного сернобыка, который красивее всякой женщины, и рога у него почище, чем у любого мужчины. На моем счету больше убийств, чем у тебя флиртов, и вот что я тебе скажу: ты исчезнешь, растворишься в своем сладкоречивом снадобье миллис^[18] и уберешься из этой страны, или я прикончу тебя.

– Великолепная речь. Ты бы никогда не отважилась произнести ее на суахили, не правда ли?

– Мне незачем произносить ее на суахили, – сказала мисс Мэри. Как обычно, произнеся речь, она чувствовала себя немного Наполеоном после Аустерлица. – Речь эта предназначена только для белых женщин и, уж

конечно, вовсе не относится к твоей невесте, коль скоро она претендует лишь на место второй жены. Моя речь направлена против любой белой дряни, которая возомнит, что с ней ты будешь счастлив больше! Против выскочек.

– Очаровательная речь. И с каждым разом она звучит все яснее и убедительней.

– Это совершеннейшая правда, – сказала мисс Мэри. – Именно так я и поступлю. Правда, я старалась, чтобы она не прозвучала слишком резко и вульгарно. Надеюсь, тебе не пришло в голову, что сладкоречивое снадобье имеет какое-нибудь отношение к водке-миллис?

– Нет, не пришло.

– Вот и хорошо.

– Я так хочу, чтобы мой лев объявился и в нужный момент у меня хватило роста разглядеть его в зарослях, – сказала мисс Мэри. – Знаешь, как много он для меня значит?

– Думаю, да. Это знают все.

– Кое-кто считает меня ненормальной. Но ведь в старину люди отправлялись на поиски Чаши Грааля или Золотого Руна, и никто не сомневался в их здравом уме. Настоящий огромный лев ничуть не хуже и куда опаснее любой чашки или овечьей шкуры, какими бы священными или золотыми они ни были. У каждого есть что-нибудь, чего ему по-настоящему хочется, а для меня важнее всего мой лев. Я знаю, с каким терпением вы все относились к моей охоте. Но после дождя я обязательно встречу с ним. Не дожусь, когда наконец услышу ночью его рык.

– У него великолепный рык. И скоро ты его встретишь.

– Непосвященные никогда не поймут меня. А он сторицей воздаст мне за все.

– Понимаю. Ты ведь не ненавидишь его, правда?

– Нет. Я люблю его. Он прекрасен и очень сообразителен, и мне не нужно объяснять тебе, почему я должна его убить.

– Нет. Конечно же нет.

– Старик знает. Он и мне все объяснил. Он даже рассказал мне о той ужасной женщине, и как всем пришлось стрелять в ее льва сорок два раза. Да что об этом говорить, все равно никто никогда не поймет.

– Мы понимаем, а тем, кому это непонятно, мы можем только посочувствовать.

Этой ночью, когда все уже легли, но еще не успели заснуть, мы слышали рычание льва. Лев находился где-то к северу от лагеря, и рык его, поначалу негромкий, постепенно набирал силу и закончился вздохом.

– Я лягу к тебе, – сказала Мэри.

Я обнял ее, и мы лежали, прижавшись друг к другу в темноте, и слушали рев льва.

– Его ни с кем нельзя перепутать, – сказала Мэри. – Хорошо, что мы вместе, когда он так рычит.

Лев, глухо ворча, уходил на северо-запад. Невозможно описать рычание дикого льва. Можно лишь сказать: я слушал, а лев рычал. Ничего общего с шумом, который издает перед началом фильма лев «Метро-Голдвин-Майер». От рыка дикого льва цепенеет все внутри.

– У меня будто все оборвалось, – сказала Мэри. – Он настоящий владыка ночи.

Мы слушали, и вскоре откуда-то издалека, с северо-запада донесся новый рык, только теперь он закончился кашлем.

– Надеюсь, он поохотится удачно, – сказал я Мэри. – Не думай о нем слишком много, постарайся уснуть.

– Я должна и хочу думать о нем. Он мой лев, и я люблю и уважаю его, но я вынуждена убить его. Он для меня важнее всего, не считая тебя и наших помощников.

– Но тебе нужно отдохнуть, дорогая. Может быть, это он нарочно рычит и не дает тебе спать.

– Что ж, пусть он мешает мне, – сказала Мэри. – Раз я собираюсь его убить, он имеет на это право. Я люблю его, и мне нравится все, что он делает.

– Тебе надо поспать хотя бы немножко. Ему бы не понравилось твое поведение.

– Ему наплевать на меня. А мне на него нет. Ты должен понять.

– Я понимаю. Но тебе необходимо хорошенько выспаться, малышка. Потому что завтра утром все и начнется.

– Я буду спать. Пусть только он поговорит еще немного.

Ей очень хотелось спать, и я подумал, что эта девочка, ни разу в жизни не испытывавшая желания убить кого бы то ни было, пока во время войны судьба не свела ее с сомнительными личностями вроде меня, слишком долго охотилась на львов, следуя безукоризненно честным правилам охоты, а это без должной страховки со стороны настоящего профессионала было не очень-то разумным делом и могло кончиться для нее плохо, и, возможно, все именно к этому и шло. Вскоре лев снова зарычал и кашлянул три раза. И кашель докатился от его логова к нам и заполнил палатку.

– Теперь я пойду спать, – сказала Мэри. – Надеюсь, он кашлял просто

так, или, может, он простудился?

– Не знаю, дорогая.

Потом она уснула. Я устроился на краю раскладушки и пытался услышать льва. Он молчал примерно до трех часов, пока его охота не увенчалась успехом. После этого заговорили гиены, а лев ел и время от времени угрюмо ворчал. Львиц его не было слышно. Одна, как я знал, ждала потомство и предпочитала держаться от него подальше, а вторая была ее подругой. Я подумал, что найти его, когда рассветет, будет трудно, уж слишком сырая погода, а впрочем, всегда есть шанс.

Задолго до рассвета Муэнди принес чай и разбудил нас. «Ходи», – сказал он и поставил чай на столик у входа в палатку. Я отнес чашку в палатку для Мэри и оделся на улице. Небо затянуло облаками, и звезд не было видно.

В темноте Чаро и Нгуи пришли за ружьями и патронами, а я взял свой чай и сел за столик. Рядом один из боев разводил костер. Мэри умывалась и одевалась, она все еще не отошла от сна. Я вышел за пределы лагеря. Земля по-прежнему оставалась очень сырой. Правда, за ночь немного подсохло, и, конечно, будет суше, чем накануне. Но все же я сомневался, что нам удастся проехать на машине к месту, где охотился лев. Там слишком сыро, особенно за болотом.

Болотом эту местность назвали явно по ошибке. Вот подальше на полторы мили в ширину и почти четыре мили в длину лежало настоящее папирусное болото. А в районе так называемого болота топь окружали большие деревья. Многие из них росли на сравнительно высоких местах и были очень красивыми. Полоса леса кольцом охватывала настоящее болото, но в некоторых местах слоны, добывая пропитание, устроили завалы, и участки эти стали почти непроходимыми. В том лесу жили несколько носорогов и всегда можно было встретить одного-двух, а то и целое стадо слонов. Захаживали туда и стада буйволов. Глубоко в лесной чаще жили леопарды, охотившиеся за пределами леса. Здесь же укрывался и наш лев, который время от времени спускался в долину в поисках добычи.

Этот лес с огромными высокими деревьями и множеством завалов служил западной границей открытой долины с редкими рощицами и роскошными полянами, окаймленными на севере солончаками и бугристой, скованной застывшей лавой местностью, за которой начиналось еще одно бескрайнее болото, отделявшее наш район от холмов Чиулус. К востоку лежала миниатюрная пустыня – район, где водились геренук, а еще дальше на восток громоздились поросшие кустарником холмы,

поднимавшиеся лесенкой к склонам горы Килиманджаро... Лев имел обыкновение охотиться ночью в долине или в поросших высокой травой прогалинах, а потом, насытившись, удаляться на запад в вытянувшийся полосой лес. По нашему плану мы должны были обнаружить его в момент, когда он будет расправляться с добычей, и осторожно подкрасться или, если повезет, перехватить его по пути к лесу. Если же он станет увереннее в себе и не уйдет глубоко в лес, мы сможем пойти по его следу до того самого места, где он, напившись воды, устроится на отдых...

Когда Мэри собралась, машина уже ждала нас. Матока сидел за рулем, а я проверил все ружья. Облака по-прежнему низко лежали на склонах горы, и, хотя постепенно рассветало, солнце еще не показалось. Я посмотрел в прицел моей винтовки, но было слишком темно, чтобы стрелять.

– Как ты себя чувствуешь, малышка? – спросил я.

– Прекрасно. Как, по-твоему, я должна себя чувствовать?

– Глотнула немного, чтобы прояснилось в голове?

– Конечно, – сказала она, – а вы?

– Да, мы как раз ждем, пока прояснится.

– Мне уже и так светло.

– А мне нет.

– Тебе нужно заняться глазами. Чаро взял для меня достаточно патронов?

– Спроси его сама... Ты просила меня напомнить, чтобы ты закатала правый рукав.

– Ни о чем я тебя не просила.

– Может быть, ты будешь злиться на льва, а не на меня?

– Я никогда не злюсь на льва. Теперь тебе достаточно светло?

– Куенда куа симба, – сказал я Матоке, а потом позвал Чаро: – Встань сзади и смотри внимательно.

Мы тронулись. Дорога подсохла, и колеса не буксовали. Дверцы мы сняли, и я свесил обе ноги за порожек. Холодный утренний воздух с горы обжигал лицо. Приятно было чувствовать в руках тяжесть винтовки. Я приложил приклад к плечу и несколько раз прицелился. Даже несмотря на большие очки с желтыми стеклами, мне все еще не хватало света, чтобы стрелять наверняка. Но до места нашего назначения было минут двадцать езды, и с каждой минутой становилось светлее.

– Похоже, будет достаточно светло, – сказал я.

– Я так и знала, – сказала Мэри. Я обернулся. Она сидела, необыкновенно величественная, и жевала жвачку.

Мы ехали вдоль импровизированной взлетной полосы. Повсюду было много животных, и трава по сравнению со вчерашним утром, похоже, поднялась на целый дюйм. Появились и белые цветы; росли они очень густо, и от этого целые поля казались белыми. В выбоинах дороги все еще было много воды, и я жестом велел Матоке держаться в стороне от колеи, чтобы не попасть в лужи с застоявшейся водой. Шины заскользили по цветущей траве. Постепенно светало.

Справа от нас, сразу же за двумя очередными болотистыми прогалинами, высоко на деревьях Матока заметил птиц и показал рукой в их сторону. Если птицы все еще на деревьях, значит, лев пока не оставил своей добычи. Нгуи тихонько постучал ладонью по брезентовому верху машины, и мы остановились... Он спрыгнул на землю и, крадучись, стараясь, чтобы его не было видно из-за кузова, обошел автомобиль. Потом тронул меня за ногу и показал налево в направлении леса.

Огромный черногривый лев, туловище которого казалось почти таким же черным, а голова и плечи слегка покачивались, неторопливо бежал к высокой траве.

– Ты видишь его? – спросил я Мэри шепотом.

– Вижу.

Лев уже вошел в траву, и теперь видна была лишь голова и верхняя часть туловища, потом только голова; примятая трава выпрямлялась и плотно смыкалась за ним. Очевидно, он услышал машину или еще раньше направился к лесу и увидел нас на дороге.

– Тебе нет смысла преследовать его там, – сказал я Мэри.

– Я все это знаю, – сказала она. – Если бы мы выбрались пораньше, то застали бы его у добычи.

– Было недостаточно светло, чтобы стрелять. А если бы ты ранила его, мне пришлось бы преследовать его в лесу.

– Нам пришлось бы.

– К черту это «нам».

– Тогда как же ты намерен заполучить его?

– Я хочу, чтобы он стал еще увереннее и привык к тому, что мы проезжаем мимо и даже не приближаемся к его добыче. – Я остановился и обратился к Нгуи: – Садись, Нгуи. Поехали, Матока. – Потом, когда машина медленно двинулась вперед по дороге и я чувствовал рядом двух друзей, следивших за усеявшими верхушки деревьев грифами, я сказал:

– Как, по-твоему, поступил бы Старик? Преследовал бы его в высокой траве и лесной чаще и завел тебя туда, где из-за своего роста ты ничего бы не увидела? Что же нам все-таки нужно? Убить тебя или льва?

- Не пугай Чаро своим криком.
- Я не кричу.
- Прислушайся как-нибудь к себе со стороны.
- Слушай, – прошептал я.
- Не говори мне «слушай» и не шепчи. И не нужно мне вашего «самостоятельно и когда все поставлено на карту».
- Вот уж точно охота на львов с тобой порой превращается в истинное удовольствие. И многие из нас не оправдали твоего доверия?
- Старик, и ты, и не помню, кто еще. Возможно, и С.Д. Коль скоро ты ас среди охотников на львов, знаешь все на свете, то почему птицы не спустились к добыче, раз лев ее оставил?
- Потому что одна, а то и обе его львицы продолжают расправляться с тушей или лежат неподалеку от нее.
- И мы не пойдем взглянуть?
- Только издалека, с дороги, да так, чтобы никого не испугнуть. Пусть все они чувствуют себя уверенно.
- Ну вот что, я уже немного устала от этой фразы: «Пусть они станут увереннее». Если уж ты не можешь изменить свою точку зрения, постарайся по крайней мере разнообразить свой лексикон.
- Ты давно охотишься на этого льва, дорогая?
- Похоже, всю жизнь, а я могла бы убить его три месяца назад, если бы вы с С. Д. позволили мне. У меня был для этого удобный случай, а ты не дал мне им воспользоваться.
- Тогда мы не знали, что это тот самый лев-мародер. Засуха могла пригнать его из Амбозели. У С. Д. есть совесть.
- Совесть у вас как у разбойников с большой дороги, – сказала мисс Мэри. – Может быть, если на обратном пути мы опять проедем мимо него, он наконец привыкнет к охотничьей машине?.. Недурно было бы позавтракать.

Именно этих слов я и ждал.

Арап Маина считал, что этой ночью лев не собирался охотиться. Я рассказал ему, каким сытым он выглядел утром, когда уходил в лес. Я спросил его также, не нужно ли мне приготовить для льва приманку, привязать ее к дереву или прикрыть ветками и попробовать привлечь его. Но Арап Маина сказал, что лев слишком умен для этого. Однажды мы уже приготовили для него приманку, и он ушел из этой местности. Потом он долгое время оставался с молодой львицей. Он был очарован ею и не обращал на нас никакого внимания. Лев был большим и красивым, и мы, не зная о нем ничего, приняли его за одного из тех львов, которых обычно

фотографируют туристы, и решили, что он случайно вышел за пределы национального заповедника и что охота на него будет просто убийством. Он лежал на открытом месте под деревом, и львица соблазняла его. Казалось, нам представляется прекрасная возможность пофотографировать, но, когда мы подбросили поближе к дереву кусок мяса, лев и львица скрылись за полосой леса и больше не возвращались. Это и был тот шанс, которым, по мнению Мэри, мы не дали ей воспользоваться. Но С. Д. не хотел рисковать и убивать безвинного льва, и я полностью соглашался с ним.

Так или иначе, теперь львы не испытывали недостатка в пище, ведь трава подросла и с холмов Чиулус спускалось все больше животных, и Арап Маина не сомневался, что лев мисс Мэри пробудет здесь по крайней мере недели две, если только его не вспугнуть. Конечно, придут и другие львы. Но спутать его с ними нельзя. Если мы убьем его, масаи будут довольны, а если какой-нибудь другой лев станет нападать на скот, что мало вероятно при таком обилии диких животных, то мы с Арапом Маиной убьем и его.

В Африке много времени тратится на разговоры. Так бывает везде, где люди неграмотны. Но стоит начаться охоте, и никто не проронит ни слова. Вы понимаете друг друга молча, и в жару язык присыхает к небу. Но вечером, пока вы разрабатываете план охоты, разговорам обычно нет конца, и очень редко все проходит так, как вы задумали, особенно если план слишком сложен.

Той ночью лев доказал, что все мы ошибались. Ночью мы слышали его рев к северу от нашей взлетной полосы. Потом рычание доносилось уже издалека. Потом мы слышали рык других львов, и это было менее впечатляюще. Затем какое-то время было тихо, мы услышали гиен, и по тому, как они звали друг друга, по их дребезжащему смеху я понял, что какой-то лев настиг свою жертву. Чуть позже мы слышали схватку львов. И как только она стихла, начались вопли и хохот гиен.

– Ты и Арап Маина обещали тихую ночь, – сказала Мэри сонным голосом.

– Кто-то кого-то убил, – сказал я.

– Что ж, для этого мы и приехали в Африку, – сказала Мэри.

– Я расскажу тебе, что, по-моему, они делают.

– Ты и Арап Маина расскажете это друг другу утром, а я должна спать и встать рано. Я хочу хорошенько выспаться и быть в форме.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мисс Мэри, которая встречает своего льва при далеко не идеальных обстоятельствах, чем ставит всех в опасное положение.

С. Д., главный егерь района, который готовит мисс Мэри к решающей схватке со львом. Гарри Стил, обремененный тяжелыми заботами служащий кенийской полиции, который, когда начинается охота, оказывается очень кстати. Нгуи, ружьеносец Эрнеста, который, когда подходит время праздновать, становится скорее товарищем по оружию.

Чаро, ружьеносец мисс Мэри, который пытается внушить ей, что чему быть, того не миновать.

Я сидел у костра в старой, купленной когда-то в Айдахо пижаме, поношенных противомосkitных ботинках из Гонконга, теплом шерстяном халате из Пендлтона, штат Орегон, и пил «виски с содовой», добавляя к виски из подаренной мистером Сингхом бутылки кипяченую воду горного ручья, пропущенную через сифон из Найроби.

«Чужой я здесь», – подумал я. Но виски возразило, а в это время суток правда всегда на его стороне. Виски может быть правым или ошибаться, но оно сказала, что я не чужой, и я знал – ночью с ним лучше не спорить. В любом случае мои ботинки у себя дома, потому что они сшиты из страусиной кожи, и я вспомнил лавку сапожника в Гонконге, где нашел эту кожу. Нет, нашел ее не я. И тогда я стал думать о том, кто же нашел эту кожу, и о тех временах, а потом о разных женщинах и о том, каково бы им было в Африке и как мне повезло, что я знал прекрасных женщин, влюбленных в Африку. Я знал и невыносимых женщин, из тех, что приезжали сюда лишь развлечься, и настоящих стерв, и нескольких алкоголичек, для которых Африка была просто-напросто еще одним местом для безудержного распутства и пьянства. Стервы охотились только за мужчинами, хотя, случалось, постреливали и в других животных, а алкоголички жаловались, что не могли не пить, лишь только поднимались выше уровня моря. Но и на уровне моря они напивались ничуть не меньше.

У алкоголиков всегда находился повод – какая-нибудь необыкновенная трагедия, но те, кого я знал, были пьяницами и прежде.

Белые самцы-пьяницы в Африке так же утомительны, как и бывшие алкоголики. За редким исключением, я не знаю никого скучнее бывшего алкоголика. По сравнению с ним все прочие достопримечательности: бывший фальшивомонетчик, сводник в отставке, исправившийся карточный шулер, бывший полицмейстер, бывший министр-лейборист, бывший неудавшийся посол в какой-либо из стран Центральной Америки, стареющий чиновник службы нравственного перевооружения,^[19] временно исполняющий обязанности премьер-министра Франции, бывшая коронованная особа, бывший политический радиокомментатор, удалившийся от дел миссионер, страстный рыболов, напичканный статистическими данными, лишенный духовного сана священник – ослепительно интересные и обаятельные личности.

Я вспомнил одного бывшего алкоголика, которого встретил последний раз в Найроби. Он очень обрадовался, увидев меня, и тут же предложил выпить. Они обычно торчат в барах в часы, когда там и так полно народу, занимают место какого-нибудь честного выпивохи и, потягивая свой томатный сок или ячменный отвар с мускатным орехом, бросают по сторонам взгляды, в которых сочетается убежденность сторонника «нравственного перевооружения», отрешенность аиста марабу и любопытство фешенебельного владельца похоронного бюро, превысившего свой банковский кредит.

– Хем, старина, – сказал мой «большой друг». – Дружище. Что будешь пить?

– То же, что и ты.

– Но это всего лишь ячменный отвар с мускатом.

– То, что нужно. Бармен, ячменный отвар с мускатом и двойной розовый джин.

– Я бы не стал их смешивать, дружище.

– Будь по-твоему. Выпью отдельно. Что слышно о старине Стивенсе?

– Плохо. Плохо. Хуже не бывает. Дрожит как лист. Отправился на озеро Тана и подстрелил великолепного буйвола. Говорит, двести фунтов, не меньше. Сам знаешь, как они привирают.

– Конечно.

– Промазал в слона с двадцати ярдов. С ним покончено. Сомневаюсь, чтобы он объявился снова.

– Есть что-нибудь от Дорча?

– И ему конец. Не знаю даже, где он и с кем. Трагический случай. Встретил его как-то на Ямайке. Смотрит невидящим взглядом. Думал, я твой брат.

– Бедняга Дорч. Можем мы что-нибудь для него сделать?
– Ты мог бы ему помочь.
– Надо подумать. Старина Дорч всегда нравился мне.
– Однако он пропал. Совсем угас. Боюсь, не отличит день от ночи.
– Это не удивительно, если он на Ямайке: здесь может быть ночь, в то время, когда там день.

– Точно. Только он уже не на Ямайке. Вернулся в Лондон.
Принесли ячменный отвар с мускатом, и я выпил. Напиток был пьянящий, но не очень крепкий.

– Неплохо. Теперь я понимаю тебя. – Я сделал глоток розового джина. – С ячменным отваром он на голову выше виски. Забыл, как оно застревает в горле.

– Теперь ты в норме? – спросил мой «милый старый друг».
– Вполне.
– Выглядишь ты лучше, чем мне рассказывали.
– Великолепно. Как бродячая сука.
– Я слышал, ты тут немного повеселился.
– Хочешь сказать, напился?
– Да нет. Просто немного погулял. Знаешь, виски действительно ужасная отравка.

– Кто тебе сказал?
– Старший официант.
– Верно. Я был здесь с молодым С. Д. Мы действительно отмечали кое-что.

– Годовщину?
– Нет. Одно событие.
– Можешь поделиться?
– Нет.
– Извини. Я не хотел быть навязчивым.
– Слышал что-нибудь о старине Хормонсе?
– Конец ему. И трех месяцев не протянет. Может быть, уже все кончено.

– Мы бы знали. Ты ведь получаешь «Телеграф» авиапочтой? Сообщение о его смерти наверняка было бы в газете.

– Твоя правда. Это моя любимая газета. Полно сообщений о ветеранах. Пропили свою жизнь.

– Не совсем так. Я бы не сказал, что старина Хормонс всю жизнь провел за бутылкой.

– Нет, – сказал он. – Нужно быть справедливым.

– «Темпест».^[20] не был рассчитан на пьяниц. Он весил семь тонн и шел на посадку почти со скоростью «спитти»^[21]

– Не совсем так, дружище. Не совсем так.

– Совсем не так. Я просто хотел напомнить тебе.

– Какие были времена, – сказал он. – Какие парни! Удивительно, как быстро они угасают теперь. А все эта отравка! Доказанный факт. Тебе еще не поздно бросить, старина Хем.

– По правде говоря, мне еще чертовски рано бросать. Мне это нравится и помогает. Ну что, ты будешь? А то мне пора бежать.

– То же самое. Послушай, ты не обиделся?

– Нисколько.

– Найдешь меня, если смогу быть чем-то полезен?

– Обязательно.

– Должно быть, ты и этот мальчишка, К. Д., что ли, отмечали здесь нечто особенное?

– Помянули слона, грозу мраморного карьера, откуда в Найроби поставляют камни для надгробий.

– Представляю себе зрелище. Ты бы прихватил меня в следующий раз? Сколько потянули бивни?

– Еще не взвешивал.

– Для такого спектакля нужно, конечно, разрешение департамента охоты. Наверное, там я и увижу эти бивни.

– Пожалуй, я попридержу их немного. Боюсь, ты меня неправильно понял.

– Ясно, – сказал он. – Но будь осторожен, дружище. Может, прихватишь меня как-нибудь?

– Полагаюсь на тебя, Фредди, – сказал я. Я заплатил за выпитое, и он сунул что-то в карман моей куртки.

– Что это?

– Прочти. Не повредит.

Это было три месяца тому назад душным полднем в переполненном баре «Нью-Стэнли», и теперь, сидя у костра, я думал: «Господи, пожалей выпивох, но, пожалуйста, спаси нас от бывших пьяниц, от проповедей за или против. Избавь».

Мы с Мэри очень обрадовались, когда С. Д. вернулся в лагерь. Он тоже был рад, потому что за это время стал почти что членом семьи и в разлуке нам всегда недоставало друг друга. Он любил свою работу и почти фанатически верил в ее важность. Он любил животных и хотел заботиться

о них и опекать, и я думаю, это единственное, что он ценил; это да еще, пожалуй, очень строгий и сложный моральный кодекс.

Он был немного моложе старшего из моих сыновей, и если бы в середине тридцатых годов я осуществил свой план и отправился на год-другой работать в Аддис-Абебу, то познакомился бы с ним, когда ему было двенадцать, потому что в то время он дружил с пареньком, у родителей которого я должен был остановиться. Но я не поехал. Вместо меня туда отправились вояки Муссолини. Приятеля, у которого я собирался остановиться, перевели на другую дипломатическую работу, и я упустил возможность познакомиться с двенадцатилетним С. Д. Когда мы встретились, у него за плечами уже была долгая, очень трудная и неблагодарная война да еще прекрасно начатая карьера в британском протекторате, которую он вынужден был оставить. Он командовал нерегулярными войсками, а это, если быть откровенным, самое неблагодарное занятие на войне. Если операция проведена успешно, так, что у вас почти нет потерь, а противнику нанесен большой урон в живой силе, то в штабе ее расценивают как неоправданную и предосудительную бойню. Если же вы вынуждены вести бой в скверных условиях со значительно превосходящими силами противника и при этом побеждаете, но представляете длинный список убитых, то в штабе критически замечают: «У него слишком большие потери». Честному человеку командование нерегулярными войсками не сулит ничего, кроме неприятностей. Сомневаюсь, чтобы по-настоящему честный и талантливый солдат мог ожидать от этой службы что-либо, помимо гибели.

Ко времени нашей встречи С. Д. успешно служил в другой британской колонии. Он не ожесточился и не думал о прошлом. Но он терпеть не мог дураков и английской белой швали, вроде тех чиновников, что время от времени наезжали в колонии. Таких много, и, должно быть, они успешно справляются со своими обязанностями, а иначе они бы никогда не закончили тех малахольных учебных заведений, где их выпекают. Но проводить с ними свободное от работы время не очень-то весело. Шутки они не понимают, и для С. Д. это было невыносимо. Он любил пошутить, как и все храбрые люди, был хорошо воспитан, а потому знал, что острые словечки можно употреблять даже в самом изысканном кругу.

Однажды за спагетти он рассказал нам, как некий вновь прибывший конторский очкарик отчитал его за то, что, вернувшись после объезда, в котором не обошлось без перестрелки, он позволил себе несколько непристойных слов, кои могла услышать жена молодого чиновника. Я знал жену и думаю, что, если бы ее супруг следовал в жизни тем принципам,

которые провозглашал в своих звучных выражениях С. Д., их браку это пошло бы только на пользу.

Я объяснил это С. Д., а Мэри дала ему список слов, которые надо произнести в присутствии жены, но тайком от мужа, и тогда она начнет расспрашивать его об их значении, и, возможно, тот перейдет от слов к достойным похвалы действиям. Мы представили себе смущение супруга, когда он попытается найти им благопристойное толкование. Это были вполне доброжелательные и давным-давно узаконенные в языке слова, и С. Д. было приятно слушать Мэри, произносившую их очень четко.

Мне очень не хотелось, чтобы подобные люди докучали С. Д. Описывать их бесполезно, все равно никто не поверит. Чиновники старой закалки, так называемые Паке Саиб – европеец-начальник, – давно описаны и высмеяны другими...

С. Д. мучала бессонница, и ночами он часто читал, лежа в постели. Дома, в Кайадо, у него была очень неплохая библиотека, да и я возил с собой огромный рюкзак с книгами, и мы, расставив книги по пустым коробкам, соорудили в обеденной палатке нечто вроде библиотеки.

В Найроби, недалеко от отеля «Нью-Стэнли», был превосходный книжный магазин, другой находился дальше, вниз по Гавернмент-роуд. Всякий раз, попадая в город, я покупал почти все новые книги, которые казались интересными. Чтение – лучшее лекарство от бессонницы для С. Д. Но и оно не помогало, и частенько я всю ночь видел свет в его палатке.

Мэри и С. Д. оживленно беседовали о городе Лондоне, который я знал в основном понаслышке, а если и бывал там, то лишь при чрезвычайных обстоятельствах, и потому с радостью предоставил им возможность поболтать без меня. Они говорили о самых разных районах города, которые я не знал вовсе. Так что я мог слушать их болтовню и думать о Париже. Этот город я знал в любых обстоятельствах. Но я так любил его, что мог говорить о нем только со знакомыми той поры. В те старые добрые времена у каждого из нас было свое кафе, где можно было работать и где мы не знали никого, кроме официантов. Мы хранили эти кафе в секрете. Они были лучше клубов, и нам даже приносили туда почту, которую нежелательно было получать на домашний адрес. Как правило, каждый имел два или три тайных кафе. В одном ты работал и просматривал газеты. Адрес этого кафе ты не давал никому. Ты отправлялся туда рано утром и, пока убрали твой столик в углу, возле самого окна, выпивал, сидя на террасе, кофе со сливками и булочкой, а потом перебирался внутрь и работал, а вокруг подметали, мыли и наводили лоск. Приятно было смотреть, как работают другие, и от этого самому хорошо работалось.

Когда в кафе появлялись первые посетители, ты расплачивался и шел вниз по набережной, туда, где можно было позавтракать. Для ленча тоже были свои тайные места и тихие ресторанчики, где собирались знакомые.

Лучше всех такие рестораны удавалось отыскивать Майку Уарду. Он знал и любил Париж больше других. Мы с Майком рыскали в поисках тайных ресторанчиков с хорошим, как правило пьяницей, поваром, двумя-тремя сортами доброго легкого вина и с хозяевами, едва сводившими концы с концами и готовыми в любой момент продать свое заведение или разориться. Нам не нужны были уединенные рестораны, которые начинали процветать и становились популярными. Именно так получалось с ресторанами, которые находил Чарли Суини. К тому времени, как он приглашал нас в свой ресторан, секрет становился столь широко известным, что приходилось подолгу ждать свободного столика.

Зато с тайными кафе у Чарли все обстояло благополучно, и здесь он соблюдал полнейшую секретность. Конечно же, это касалось только наших запасных, или, как мы их называли, полуденных и предвечерних кафе. В это время дня порой хотелось перекинуться с кем-нибудь двумя-тремя словами, и тогда я отправлялся в его запасное кафе или он в мое. Туда мы могли приходить с девушками. Девушки обязательно где-то работали, иначе их считали легкомысленными. Только дураки имели постоянных девушек. Днем девушка была ни к чему, так же как ни к чему были все ее проблемы. Если же она хотела быть твоей, она непременно должна была работать, и тогда все ночи принадлежали ей. Вот когда она была по-настоящему нужна, и ты водил ее вечерами в разные ресторанчики и дарил ей всевозможные вещицы. Я никогда не пытался хвастать своими подружками перед Чарли, у которого всегда были красивые, послушные и прекрасно воспитанные девушки, и все они обязательно работали. В то время моей девушкой была моя консьержка. Это была первая молодая консьержка в моей жизни, и приключение казалось мне очень волнующим. Главное ее достоинство было в том, что она все время работала и не могла выходить не только в общество, но и вообще никуда. Когда мы с ней познакомились, она была влюблена в кавалериста из *Garde republicaine*^[22] — такого украшенного плюмажем из конского хвоста усаха со знаками офицерского различия на груди, казарма которого находилась неподалеку от нашего дома. Он дежурил всегда в одно и то же время и вообще был красавцем мужчиной, и при встрече мы обращались друг к другу не иначе как по всей форме: «Monsieur».

Я не был влюблен в свою консьержку, но в ту пору ночами чувствовал себя очень одиноко, и, когда она впервые поднялась по лестнице, открыла

мою дверь, в которой торчал ключ, и проскрипела по ступенькам, ведущим на мой чердак, где возле окна с очаровательным видом на Монпарнасское кладбище стояла моя кровать, а затем сняла войлочные туфли, легла рядом и спросила, люблю ли я ее, я преданно ответил: «Конечно!»

– Я знала, – сказала она, – я так давно знала эта Она сказала, что шданда не смогла бы по-настоящему полюбить кавалериста из Garde republicaine. Я ответил, что считаю месье симпатичным человеком, un brave homme et tres gentil,^[23] и что, должно быть, он здорово смотрится верхом на лошади. Но она возразила, сказав, что она не лошадь, и к тому же с ним было много хлопот.

Итак, пока они говорили о Лондоне, я вспоминал Париж и думал, что все мы росли по-разному, и это счастье, что нам удастся ладить друг с другом, и я хотел бы, чтобы С. Д. не было одиноко по ночам, и что мне дьявольски повезло с женой, и что я исправлюсь и постараюсь быть хорошим мужем.

– Вы ужасно молчаливы сегодня, генерал, – сказал С. Д. – Мы нагоняем на вас тоску?

– С молодыми не бывает скучно. Мне нравится их беззаботная болтовня. Забываешь, что стар и никому не нужен.

– Чушь, – сказал С. Д. – О чем это вы думали с таким псевдоглубокомысленным видом? Философствуете или гадаете о завтрашнем дне?

– Когда я стану гадать о завтрашнем дне, в моей палатке всю ночь будет гореть свет.

– Снова химера, генерал, – сказал С.Д.

– Не нужно грубых слов, С. Д., – сказала Мэри. – Мой муж деликатный и легкоранимый человек. Они вызывают у него отвращение.

– Рад, что хоть это вызывает у него отвращение, – сказал С. Д. – Есть, значит, положительная черта в его характере.

– Он тщательно скрывает ее. О чем ты думал, дорогой?

– О кавалеристе из Garde republicaine.

– Видите, – сказал С. Д., – я всегда говорил – есть в нем нечто возвышенное. И проявляется весьма неожиданно. Что-то от Пруста. Скажите, этот кавалерист был очень привлекателен? Хочу расширить свой кругозор.

– Шла и Пруст жили в одной гостинице, – сказала мисс Мэри. – Но Папа почему-то утверждает, что в разное время.

– Бог его знает, как оно было на самом деле, – сказал С. Д. Сегодня вечером он был вполне счастлив и раскован, и Мэри с ее восхитительной

способностью все забывать тоже выглядела счастливой и беззаботной. Она могла неожиданно поссориться со мной, но через пару дней совершенно искренне забыть обо всем. Она обладала избирательной памятью, которая, правда, далеко не всегда срабатывала в ее пользу. Память прощала ее, а заодно и меня. Она была ужасно чудной, и я очень любил ее. В данный момент я находил у нее только два недостатка. Она была слишком хрупкой для настоящей охоты на львов и имела слишком доброе сердце, чтобы убивать, и вот почему, решил я, стреляя в животное, она либо вздрагивала, либо излишне поспешно спускала курок. Я находил это очаровательным и никогда не злился. Зато злилась она, потому что умом понимала, почему мы должны были убивать, и позднее даже вошла во вкус, решив, что никогда не поднимет руки на таких прекрасных животных, как импалу, а будет убивать лишь отвратительных и опасных зверей. За шесть месяцев непрерывной охоты она научилась любить этот спорт, постыдный по своей сути, но достойный, если заниматься им честно, и все же ее сердце помимо воли заставляло Мэри стрелять мимо цели. Я любил ее за это, и это так же верно, как и то, что я никогда не полюбил бы женщину, которая могла работать на бойне, умерщвлять заболевших кошек и собак или убивать лошадей, которые сломали ногу на скачках.

– Как звали кавалериста? – спросил С. Д. – Альберт?

– Нет. Месье.

– Он хочет сбить нас с толку, мисс Мэри, – сказал С. Д.

Они вернулись к разговору о Лондоне. И я тоже стал думать о Лондоне, и город больше не казался мне неприятным, разве что уж очень шумным и необычным. Я понял, что совершенно не знаю Лондона, и снова стал думать о Париже, но еще обстоятельнее, чем прежде. В действительности же меня, равно как и С. Д., беспокоил лев мисс Мэри, просто мы по-разному старались отвлечься.

Ночью я несколько раз слышал рев льва. Я уже засыпал, когда Муэнди потянул за одеяло на моей койке.

– Чай, бвана.

Снаружи была кромешная тьма, но кто-то разводил костер. Я разбудил Мэри и предложил ей чаю, но она неважно себя чувствовала. Ее мучили колики.

– Если хочешь, мы все отменим, дорогая.

– Нет. Мне скверно, но, может быть, после чая станет лучше.

– Можно промыть желудок. А лев пусть отдохнет еще денек.

– Нет. Я пойду. Попробую взять себя в руки и быть молодцом.

Я вышел, умылся холодной водой из кувшина, промыл глаза борной

кислотой, оделся и сел у костра. С. Д. брился возле своей палатки. Потом он оделся и подошел ко мне.

– Мэри совсем худо.

– Бедный ребенок.

– Она все равно хочет идти.

– Понятно.

– Как спалось?

– Хорошо. А тебе?

– Очень хорошо. Что, по-твоему, он делал ночью?

– По-моему, он просто расхаживал взад-вперед и громко ворчал.

– Он очень разговорчив.

– Да.

Мы стали ждать Мэри. Она вышла из палатки, спустилась по тропинке к отхожему месту, вернулась и тут же снова пошла вниз.

– Как самочувствие, дорогая? – спросил я, когда она подошла к костру с чашкой чая в руке.

– Я совершенно разбита. Есть у нас какое-нибудь лекарство?

– Да. Но после него чувствуешь себя вялым... Ей явно нездоровилось, и я видел, что у нее начался новый приступ.

– Дорогая, подождем еще одно утро, пусть он отдохнет. Так будет даже лучше. Ты успокоишься и подлечишься. С. Д. может остаться с нами еще пару дней.

С. Д. отрицательно помахал рукой. Но Мэри ничего не заметила.

– Это твой лев, и ты не торопись, придешь в норму – тогда пойдем; чем дольше мы не будем его беспокоить, тем он будет увереннее. Сегодня утром нам лучше остаться в лагере...

Я подошел к машине и сказал, что все отменяется. Потом я нашел Кэйти, он сидел у костра. Похоже, он все понимал и был очень тактичен и вежлив.

– Мемсаиб заболела.

– Я знаю.

– Наверное, спагетти. А может быть, дизентерия?

– Нет, – сказал Кэйти. – Скорее, спагетти.

Чуть позже, когда лев по нашим расчетам уже должен был бросить приманку, если только он вообще клюнул на нее, мы с С. Д. отправились в его лендровере осматривать окрестности. Звери привыкли к лендроверу, и мы подумали, что лев, если и заметит нас, едва ли встревожится, как при виде знакомого силуэта охотничьей машины. Много лет назад я обнаружил, может быть ошибочно, что львы близоруки и различают только

силуэты. Я проверил свою теорию и впоследствии, до того как Серенгети стал заповедником, на пари фотографировал диких львов с близкого расстояния и окончательно убедился в своей правоте. В ту пору я относился к львам без должного уважения, и Старик всегда находился поблизости на случай, если моя теория подведет. Теперь я знал и уважал львов гораздо больше, но мнения своего не изменил. Впрочем, С. Д. так или иначе хотел ехать на своем лендровере, и моя теория была ни при чем.

Мисс Мэри сказала, что хочет отдохнуть. Я дал ей раствор хлоридита, и она обещала пить больше чая. Я было остался с ней, но она терпеть не могла болеть и, коль скоро это случилось, предпочитала оставаться одна.

– Ты поезжай с С. Д. Пожалуйста. Муэнди присмотрит за мной. Только не спугните льва. Раз уж я заболела, пусть отдохнет немного.

Я обещал, что мы даже не подойдем к приманке. Мы с С. Д. сели в лендровер, а Нгуи со старшим проводником – высоким статным усачом с военной выправкой – устроились сзади. Старший проводник прекрасно знал свое дело и был фанатически предан С. Д. Он так же был предан мисс Мэри, и мне всегда казалось, что он считает меня недостаточно хорошей для нее парой. Ему бы хотелось видеть ее замужем по крайней мере за генерал-губернатором. Когда проводник и Нгуи были вместе, Нгуи обычно держался довольно резко.

За ночь трава стала вдвое выше. Стояло прекрасное утро, прохладное, ясное и почти без ветра. Трава была трех видов, один из которых, похожий на сорняк, рос быстрее других. Охотничий сезон был в самом разгаре, и повсюду, как в парке, виднелись следы колес.

Оказавшись почти напротив того места, где лежала приманка, мы заметили справа следы крупного льва; они пересекали колею и вели к лесу, который начинался слева, за высохшим полем. Следы были свежие, даже не покрытые росой. Похожая на сорняк трава была примята, и на сломанных стеблях виднелся свежий сок. В высокой траве на уровне лопаток льва роса облетела и остались сухие места.

– Как давно?

– Час, – сказал Нгуи. – Немного больше.

Он взглянул на старшего проводника, и тот кивнул.

– Очень свежие, – сказал он по-английски.

– Он оставался там лишний час, С. Д., – сказал я.

– Он почти наш, Папа, – сказал С. Д. – Нам не нужно ехать к приманке. Там пусто. Сегодня вечером мы подбросим ему что-нибудь в другом месте.

– Хорошо, Мэри не знает, что он прошел здесь среди бела дня.

- Это очень хорошо, – сказал С. Д. – Теперь мы переиграли его.
- Еще пару дней...
- Ты говорил, вы одолеете его сами.
- Придется – так одолеем.
- Не злись. Ведь ты хотел бы, чтобы я был с вами?
- Что зря говорить.
- Что ж, давай рассуждать здраво. Допустим, мисс Мэри попадет в него, но он к вам не выйдет. Если он выйдет, я допускаю, что ты убьешь его, но тебе надо думать о жене, а она должна стоять на месте, потому что стоит ей побежать, и он бросится вслед. Все это прекрасно. Ты, как подобает герою, уложишь его прямо у своих ног. Или он прихватит тебя за одно место и нарушит все твои планы. Кажется, так говорят американцы.
- Совершенно верно. Только теперь они говорят «и ты будешь по уши в дерьме».
- Я непременно запишу это.
- Бесполезно. В следующий раз, когда тебе достанутся американцы, они выдадут что-нибудь другое. Специальные люди выдумывают подобные выражения. Их называют темачами.
- О'кей, – сказал С. Д. – Ты мой темач. И вот ты по уши в дерьме.
- Спасибо.
- Я не философ. Я стратег.
- Черта с два. Ты эмоциональный, мгновенно принимающий решения тип, который и жив-то только потому, что стреляет в два раза быстрее, чем Уайет Эрп и Док Холлидей вместе взятые.
- Лендровер остановился в тени зеленых и желтых деревьев с длинными раскидистыми ветвями, впереди лежали серые, растрескавшиеся от солнца грязевые отмели, за которыми начиналось зеленое папирусное болото и еще дальше – зелено-бурые холмы.
- Ладно, – сказал С. Д. – Ничего нового я не услышал. Итак, я стреляю быстрее тебя. Рад, что ты признаешь это. Зато ты у нас бесцеремонная, старомодная, почти героическая личность, человек, который косит львов почище лучников под Креси.^[24] Но предположим, мисс Мэри ранила льва, а он оказался чуть умнее и, вместо того чтобы выйти, укрылся в чаще леса, и тебе придется отправиться по следу и выковыривать его оттуда, а все твои чудо-выстрелы лишь поднимут пыль под его пятками.
- Тогда ты знаешь, что мне остается.
- И тебе это по душе?
- Нет, даже если ты будешь со мной.
- Но нам иногда приходится это делать.

– Я пойду за ним с зарядом картечи, а ты встанешь там, где он скорее всего может появиться, и Арап Маина напротив, и мисс Мэри, хочет она того или нет, – на крыше грузовика. Нгуи пойдет со мной и выследит его, если только успеет.

– Ну и как тебе это нравится?

– Годится.

– Что, если все начнется за полчаса до наступления темноты?

– Может быть, хватит каркать?

– Ладно, – сказал С. Д. – Я просто позволил себе порассуждать.

– Надо помочь ему стать самоуверенным, и тогда он выйдет в любое время.

– Ничего не имею против. Как по-твоему, мы заслужили пива?

– Пива? Неужели прихватил?!

Я попросил у Нгуи бутылку. Она была завернута в мокрую тряпку и сохранила прохладу ночи, и мы сидели в лендровере в тени деревьев, пили пиво и смотрели на высохшую серую низину, черные силуэты гну и стадо серо-белых на этом фоне зебр, которые торопливо пересекали низину в направлении поросших травой подножий холмов Чиулус. В то утро холмы были темно-синего цвета и казались очень далекими. А позади, почти сразу за нашим лагерем, возвышалась огромная гора с тяжелой, ослепительно сверкающей на солнце снежной шапкой.

– Мисс Мэри может охотиться на ходулях, – сказал я. – Тогда она легко увидит его в высокой траве.

– Что ж, правилами охоты это не запрещается.

– Или Чаро мог бы нести стремянку, вроде тех, что стоят в библиотеках.

– Прекрасная мысль, – сказал С. Д. – Мы бы подбили верхнюю ступеньку подушечкой, и она смогла бы сидеть на ней с винтовкой и отдыхать.

– Ты думаешь, это сооружение будет достаточно мобильным?

– Чаро позаботится об этом.

– Роскошное зрелище, – сказал я, – еще бы приспособить там электровентилятор.

– Всю конструкцию можно выполнить в форме электрического вентилятора, – засмеялся С. Д. – Но тогда получится транспортное средство, а это уже незаконно.

– А если катить эту штуковину так, чтобы мисс Мэри бегала в ней, как белка в колесе, будет законно?

– Все, что катится, относится к транспортным средствам, – рассудил

С. Д.

– Я тоже хожу покачиваясь.

– Значит, и ты – транспортное средство. Я арестую тебя и посажу месяцев на шесть, а потом выпущу из колонии.

– Нужно быть осторожным, С. Д.

– Скромность и осторожность – наш девиз, не так ли? Есть еще что-нибудь в этой бутылке?

– Поделим осадок.

– Пара любителей осадка в голубом просторе.

– Холмы Чилис голубые.

Они и на самом деле были очень голубыми и очень красивыми.

– Чиулус, – поправил С. Д. – Что это за «непокоренная голубая даль», о которой поют ваши летчики?

– Это о Вызове, который природа бросает Человеку.

– Я знаю одну красавицу стюардессу, так вот она-настоящий Вызов Человеку.

– Очень может быть, что про нее они и поют.

Когда мы вернулись в лагерь, Мэри чувствовала себя гораздо лучше. Правда, она ослабла и ей все еще нездоровилось, и вполне естественно, что настроение У нее было скверное. В Африке она почти всегда была в прекрасном расположении духа, и мы не ссорились с тех самых пор, когда стояли лагерем под огромным фиговым деревом недалеко от Магади, и я, включив на полную громкость коротковолновый приемник, уснул под репортаж с чемпионата по бейсболу. Что и говорить, это могло вызвать раздражение, особенно если учесть, что надо было хорошенько выспаться и отдохнуть, потому что на рассвете нам предстояло охотиться на льва, которого Мэри начала выслеживать уже тогда, а вместо этого я преспокойно спал с включенным радио, а Мэри всю ночь ворочалась. Кто-то (конечно же, я) сломал антенну. Злые, мы отправились на свидание, на которое лев почему-то не явился. Пару недель спустя я все-таки узнал результат чемпионата. На сей раз я вытащил свою раскладушку из палатки и спал на улице. Это было славно. Но Мэри заметила совершенно справедливо, что я бросил ее на милость любого случайно забредшего зверюги. В конце концов мы сошлись на том, что поставили раскладушку снаружи, но поперек входа, так, чтоб звери могли войти только через меня...

На этот раз Мэри сердилась на меня, и я знал – ничто не поможет мне замолить все грехи, которые я, должно быть, совершил за свою жизнь. В таких случаях оставалось только не замечать или делать вид, что не

замечаешь ее настроения, и тогда спустя некоторое время, тебя, может быть, вновь сочтут достойным членом рода человеческого. Правда, не следует слишком обольщаться, потому что тебя еще могут обвинить во всех зверствах, совершенных по отношению к предыдущей жене. Некоторым образом эти преступления (по правде говоря, я на их счет придерживался несколько иного мнения, но мисс Мэри располагала достоверной информацией, полученной непосредственно от бывшей супруги) можно было считать если не искупленными покаянием, то, во всяком случае, прощенными за сроком давности. Но не тут-то было. Они были свежи как новости, полученные с утренней почтой, если здесь могла быть утренняя почта. Зверства эти не блекли и не тускнели, подобно ужасам Первой мировой войны, и независимо от того, сколько раз ты был осужден и наказан за них, всегда оставались свежими в памяти, как первая штыковая атака бельгийских новобранцев.

Итак, это был один из дней, когда я слышал только: «Ты не отдашь мне эту книгу? Я ее читаю».

Или: «Разве ты не знаешь, что в лагере совершенно нет мяса? А все из-за твоего безразличия и беспомощности. Все уже жалуются на твое легкомыслие. Мы ведь можем позволить себе иметь немного мяса для боев, не так ли, С. Д.?»

Или: «Ты взял маленькие конверты из ящика? А?»

Все это сопровождалось демонстрацией усердия и очевидного трудолюбия, чтобы показать, что в лагере есть еще деловой человек, способный серьезно, а не спустя рукава относиться к своим обязанностям. Затем начинались частые походы в зеленую палатку, установленную, что правда, то правда, без учета возможности возникновения дизентерии, вдалеке, потому что ближе не нашлось тени или укрытия, если не считать нескольких деревьев, под которыми расположился лагерь. Я страшно переживал болезнь Мэри и не обижался на ее плохое настроение, но ничего не мог поделать. Лучше всего было убраться с ее глаз, но в полдень в Африке негде спрятаться, кроме как в тени, и я уселся на стул в обеденной палатке с откидным полотнищем. Ветерок продувал палатку насквозь, и здесь было прохладно и уютно. Хорошо бы подняться по дороге вверх, по склону горы, в Лойтокиток, посидеть в задней комнате закуской и бара мистера Сингха, почитать и послушать, как гудит лесопилка. Но это уже расценивалось бы как дезертирство.

Потом наконец состоялся один из тех ленчей, когда хозяйка одновременно жертвенно величава и мила с гостями, а мужу впору есть на кухне. Тень моих прошлых, настоящих и будущих грехов злое ще лежала

на столе, и даже кетчуп и сыр с горчицей не могли поправить положения. Мои подлинные грехи доставили мне в свое время немало удовольствия; те, что действительно на мне, а не те, в которых меня обвиняли, и я никогда не стал бы сокрушаться о содеянном, потому что мог бы совершить их заново. Я не каялся в своих грехах публично, и сегодня они меня не очень-то беспокоили. Я знал, что мы хорошо подготовили льва для мисс Мэри и что, когда спадет жара, я должен буду добыть и разделать мясо и подстрелить приманку. С. Д. должен писать свой месячный отчет. А Мэри поможет его отпечатать.

Состояние Мэри начинало беспокоить нас. Мы с С. Д. считали, что у нее, помимо дизентерии, было отравление птомаином.

Я подошел узнать, как она себя чувствует, и Мэри спросила, не привезли ли мы продукты для лагеря. Привезли, ответил я, и рассказал, что именно.

- Ты хорошо стрелял?
- Средне.
- Ты можешь восторгаться своей пальбой, если хочешь.
- Я всего-навсего набил немного мяса для лагеря.
- Зачем тогда так много говорить об этом? Неужели все не были восхищены, удивлены и потрясены твоими великолепными выстрелами?
- Они промолчали. Арап Маина поцеловал меня.
- Должно быть, ты напоил его?
- Не было нужды. Он сам нашел фляжку.
- Ты, наверное, тоже пьян?
- Нет. Решительно нет.
- С. Д. еще не принес печатать свой отчет.
- Еще один сукин сын, – сказал я. – Лагерь просто кишит ими. У тебя температура?
- Нет. Только сильные колики и ужасное недомогание.
- Как ты думаешь, ты сможешь пойти завтра?
- Я пойду, как бы я себя ни чувствовала.

Я пошел к С. Д. Он сидел и од откидным полотнищем своей палатки и писал отчет. У нас был уговор о ненарушении уединения, и я решил уйти.

- Постой, – сказал С. Д. – Чего ради мы торчим в лагере?
- Лично я стараюсь подбодрить мисс Мэри. Но похоже, ей это не нужно.
- Бедная девочка.
- Завтра она подстрелит шельмеца.
- Она все-таки собирается пойти утром?

– Да, при всех регалиях.

– Здорово, – сказал С. Д. – Очаровательная мисс Мэри.

И на следующий день мисс Мэри убила своего льва.

В день, когда Мэри убила своего льва, была прекрасная погода. Правда, кроме погоды, ничего прекрасного в нем не было. Ночью распустились белые цветы, и на рассвете, когда солнце еще не поднялось, казалось, будто на покрытые первым снегом луга через туман пробивается нежный лунный свет. Мэри проснулась и собралась задолго до восхода солнца. Правый рукав ее охотничьей куртки был закатан, и она тщательно проверила все патроны в своем манлихере. Она сказала, что чувствует себя неважно, и это была правда. Она сдержанно ответила на наши приветствия, и мы с С. Д. старались не шутить. Я не знал, что она имела против С. Д., быть может, ей не нравилась его беспечность перед лицом несомненно серьезной опасности. То, что она сердилась на меня, было вполне оправданно. Если у Мэри плохое настроение, думал я, и она чувствует себя скверно, она будет стрелять с той беспощадностью, на какую редко бывает способна. Некоторые люди стреляют легко и непринужденно, другие стреляют с невероятной быстротой, но при этом владеют собой настолько, что их выстрелы точны, как первый надрез опытного хирурга; третьи стреляют автоматически и наверняка, если только что-нибудь не помешает выстрелу. Казалось, этим утром мисс Мэри будет стрелять с мрачной решимостью, презрением ко всем, кто не относится к делу с должной серьезностью, под защитой своего плохого самочувствия, на которое всегда можно сослаться, если промахнешься, преисполненная непреклонного стремления победить или погибнуть. Это был новый подход. И он мне нравился.

Торжественные и мрачные, мы собрались возле охотничьей машины и ждали, пока рассветет настолько, чтобы можно было ехать. В такую рань Нгуи, как правило, пребывал в зловещем расположении духа, так что он был торжествен, мрачен и угрюм. Чаро тоже был торжествен и мрачен, но не унывал. Он походил на человека, который собирается на похороны, но не очень-то сокрушается об усопшем. Матока, как всегда, был весел и с нетерпением вглядывался в отступающую темноту.

Все мы были охотниками, и нам предстояло великолепное дело – охота. Об охоте написано множество всякой мистической чепухи, но она, возможно, значительно древнее самой религии. Одни рождаются охотниками, другие нет. Мисс Мэри была охотником, и при этом храбрым и очаровательным, но она занялась охотой слишком поздно, и многие вещи явились для нее откровением.

Все мы были свидетелями происходивших в Мэри перемен. В течение нескольких месяцев мы, подобно квадрильям начинающего матадора, следили, как она настойчиво и серьезно овладевала новой наукой. Если матадор был серьезен, то и квадрильи относились ко всему очень серьезно. Они знали все слабые стороны матадора, и усердие их так или иначе вознаграждалось. Не раз теряли они веру в своего матадора и обретали ее вновь. И вот теперь, сидя в машине, я с нетерпением ожидал наступления рассвета, и все это напоминало мне начало корриды.

Наш матадор был торжествен, состояние это передалось и нам, потому что мы по-настоящему любили его. Наш матадор был нездоров. И мы обязаны были во всем его поддерживать. Но пока мы сидели и ждали, чувствуя, как проходит сонливость, мы были счастливы, как могут быть счастливы только истинные охотники в ожидании нового, полного неожиданностей дня. Именно таким охотником и была Мэри. Подготовленная, обученная и воспитанная на чистых, добродетельных принципах Старика, передавшего ей, своей последней ученице, основы охотничьей этики, которые он безуспешно старался вложить в других женщин, Мэри твердо знала, что охота на льва – это не просто убийство. Старик в конце концов открыл в хрупком женском теле Мэри дух боевого петуха, дух верного, но поздно пробудившегося охотника, у которого был только один недостаток: никто не мог предсказать, куда полетит ее пуля. Теперь она овладела этикой охотника, но рядом были только я и С. Д., и ни одному из нас она не доверяла так, как Старика.

Итак, сегодня был день ее корриды, которая уже столько раз откладывалась.

Когда стало достаточно светло, Матока кивнул мне и мы медленно тронулись в путь по усыпанным белыми цветами лугам. Возле самого леса, слева от которого начиналось поле с высокой высохшей травой, Матока бесшумно остановил машину. Он молча повернулся к нам, и я увидел у него на щеке прямой как стрела шрам и несколько рубцов. Я проследил за его взглядом. Прямо на нас шел огромный лев, его громадная черногровая голова, казалось, плыла по неподвижному желтому полю.

– Что, если мы тихонечко повернем в лагерь? – шепнул я С. Д.

– Согласен, – прошептал он в ответ.

Пока мы говорили, лев повернул назад и двинулся к лесу. Видно было лишь, как колышется высокая трава.

Только в лагере, уже после завтрака, Мэри поняла нас и согласилась, что мы поступили правильно. И все-таки коррида вновь была отложена, а она так долго и с таким нетерпением ждала ее начала, что не смогла

пересилить своего предвзятого отношения к нам. Меня очень огорчало ее плохое самочувствие, и я хотел бы, чтобы она отвлеклась, если может. Но никакие разговоры об ошибке, которую наконец совершил лев, не помогали. Ни я, ни С. Д. не сомневались, что теперь ему от нас не уйти. Он ничего не ел всю ночь и лишь утром отправился искать приманку. Сейчас он снова вернулся в лес. Целый день он пролежит голодный в своем укрытии, а рано вечером, если только его ничто не вспугнет, вновь выйдет на поиски пищи. По нашим расчетам он должен повести себя именно так. В противном случае на следующий день С. Д. во что бы то ни стало уедет и нам с Мэри придется обходиться своими силами. Но лев неожиданно изменил тактику и допустил серьезную ошибку, и теперь я был уверен в успехе. Возможно, я был бы не против устроить засаду вдвоем с Мэри, но мне нравилось охотиться с С. Д., и к тому же я опасался, что, останься мы одни – какая-нибудь нелепая случайность может привести к трагедии. С. Д. очень правдоподобно нарисовал мне эту картину. Я льстил себя надеждой, что Мэри непременно уложит льва с первого выстрела, и он опрокинется в прыжке, рухнет замертво и застынет, как застывают только подкошенные пулей львы. А в крайнем случае, если он попытается подняться, я прикончу его двумя выстрелами, и амба. Мисс Мэри наконец убьет своего льва и будет счастлива, а я лишь чуть-чуть помогу ей, и, зная это, она навеки проникнется ко мне беспредельной любовью, и да будет так.

Арап Маина со старшим проводником отправились на разведку. Я хотел было пойти с С. Д., но смысленный лев мог уловить запах двух белых людей и заподозрить неладное. Некоторые утверждают, что у львов отсутствует обоняние, но, по-моему, они ошибаются. Мы остались в лагере, обсудили свои планы, побалагурили и разошлись. С. Д. принялся за отчет, а я пошел к мисс Мэри, но ей по-прежнему нездоровилось, и она не нуждалась ни в чьем обществе. Я обошел лагерь и возле палаток со снаряжением увидел Кэйти и повара. Мы поболтали немного. Ночью Кэйти слышал, как со стороны леса доносился рев нашего льва. Он также слышал рев других львов, охотившихся к северу от лагеря, как ему казалось, в районе солончаков. Кэйти не сомневался, что огромный лев теперь в наших руках, и я сказал, что мое виски того же мнения и мисс Мэри непременно подстрелит льва, если не в полдень, то вечером. Он улыбнулся и промолчал. А потом сказал: «М'узури».

Все, кто рано встал, легли поспать, а я устроился в обеденной палатке и стал читать книгу об одном человеке, который в свое время героически командовал подводной лодкой, был страшно везучим, а под конец очень непокорным и написал эту полную ложной скромности и горечи книгу. В

тот год вышло много книг о беглецах, альпинистах, водолазах, бывших летчиках, подводниках всех национальностей, искателях приключений в Африке, людях «Мау-мау» и одна необычайно хорошая книга полковника Линдберга,^[25] читая которую можно было ясно представить себе Линдберга-человека и вместе с ним совершить опасный, удивительный и интересный перелет через Атлантику. Было также множество историй о тех, кто побывал в японском плену, правдивые и невероятные рассказы о слонах и о тех, кто на них охотился. В общем, что касается книг, то год был урожайный. Художественная литература в основном была никудышной, если не считать книг о тошнотворных личностях, страдавших сердечными приступами или задержанных английской полицией, да еще профессорах и преподавателях американских университетов, которые добивались или не добивались осуществления своих идеалов, а в конце пути все оказывались сломленными какими-то комиссиями. Чеймберс выплескивал свои помои, человек по имени Маккарти собирал сторонников и подвергался критике, некий Лорд выступил не то за, не то против некоего Хисса...^[26] Трудно было разобраться во всем этом. Но нам, читателям, не было дела до этих хиссов, маккарти и чеймберсов. Особенно здесь, в Африке.

Как раз в этот момент новенький лендровер, более крупная и скоростная модель, какой мы до сих пор не видели, пересек поле белых цветов, которое всего месяц назад было полем пыли, а неделю назад полем грязи, и въехал в расположение лагеря. За рулем сидел краснолицый, среднего роста человек, одетый в выгоревшую, цвета хаки форму кенийской полиции. Он весь был покрыт дорожной пылью, и только в уголках глаз виднелись белые, оставленные улыбкой морщинки.

Он вошел в обеденную палатку, снял фуражку и спросил:

– Есть кто-нибудь дома?

Через открытую, завешанную миткалью стенку палатки, обращенную к горе, я видел, как подъехал автомобиль.

– Все дома, – сказал я. – Как поживаете, мистер Гарри?

– Я в полном порядке.

– Садитесь, я приготовлю вам что-нибудь выпить. Вы ведь сможете остаться на ночь?

Гарри Стил был застенчив, утомлен работой, добр и неумолим. Он любил и понимал африканцев, и ему платили за то, что он насаждал закон и выполнял приказы. Он был столь же обходителен, сколь и суров, и его также нельзя было назвать мстительным, злопамятным, недалеким или сентиментальным. Он не держал ни на кого зла даже в этой кишащей злом

стране, и я не помню, чтобы он когда-либо показал себя мелочным человеком. Он следил за соблюдением закона в условиях коррупции, ненавистничества, садизма и глубокой истерии; он постоянно работал на износ и никогда не стремился к продвижению по службе, так как знал, что он нужнее на своем месте. Мисс Мэри однажды назвала его передвижным человеком-крепостью.

Сегодня он выглядел как уставшая крепость, и я вспомнил о нашей первой встрече, когда он был для меня всего лишь безликим человеком, сидевшим за рулем автомобиля, который не ответил на оклик после наступления комендантского часа, и С. Д. приказал мне: «Стреляй в того, что за рулем». Я взял его на мушку, но на всякий случай окликнул еще раз, и это оказался Гарри Стил с тремя «Мау-мау», перешедшими на сторону властей. Он не обиделся на нас и даже похвалил С. Д. за расторопность. Но он был единственным из всех, в кого я чуть было не выстрелил с расстояния в двенадцать ярдов и кто воспринял это совершенно спокойно.

Я знал, что на прошлой неделе он потерял своего сержанта, к которому относился так же, как я к Нгуи; сержанта искалечили, а потом разрубили на куски. Мы не вспоминали об этом, и вовсе не потому, что так требовали правила хорошего тона или мы боялись пасть духом, просто не стоило говорить о смерти тех, кого любим и кто нам по-настоящему дорог. Если бы он хотел поделиться с нами, то заговорил бы об этом сам...

– Хорошо проводите время?

– Очень.

– Я кое-что слышал. Что за история с леопардом, которого вам пришлось подстрелить накануне Рождества?

– Это для фоторепортажа в журнале «Лук». Мы снимали для него в сентябре. С нами был фоторепортер, и он сделал уйму снимков, а я написал к ним подписи и небольшую статью. Они поместили роскошную фотографию леопарда. Я действительно убил его, только это не моя заслуга.

– Как так?

– Мы охотились на крупного льва, и он оказался крепким орешком. Это было по ту сторону Эуазо Нгиро, ^[27] за Магади, ^[28] под откосом горы.

– Далековато от моего района.

– Мы пытались обложить льва, и мой приятель вместе с ружьеносцем забрался на каменистый холмик посмотреть, не видно ли его поблизости. Лев предназначался Мэри, потому что мы с ним уже убили по одному. Поначалу я ни черта не понял, когда вдруг услышал выстрел, а потом увидел что-то рычащее и барахтающееся в пыли. Это был леопард. Слой

пыли оказался таким глубоким, что он был окружен ею, словно облаком. Леопард продолжал рычать, и никто не знал, в каком направлении он выскочит из этого облака. Мой приятель, Мейито Менокаль, дважды выстрелил в него с холма, я тоже пальнул в крутящийся клубок, нырнул в сторону и встал справа от него, с той стороны, куда должен был бы броситься леопард. Наконец из пыли на какое-то мгновение показалась голова леопарда, продолжающего яростно рычать. Я выстрелил ему в шею, и пыль начала оседать. Все это напоминало перестрелку близ салуна, как когда-то на Диком Западе. Только что у леопарда не было винтовки, зато он находился так близко, что мог покалечить любого из нас. Фотограф снял Мейито с леопардом, потом всех нас, потом меня с леопардом. Это был леопард Мейито, потому что именно он попал в него первый и второй раз. Но лучше всех получилась моя фотография, и журнал хотел ее напечатать, а я сказал нет, разве что я сам, один, убью стоящего леопарда. И до сих пор я трижды терпел неудачу.

– Я и не знал, что правила охоты так строги.

– К сожалению, так. Это тоже закон. Сначала кровь и длительная погоня.

– Неудивительно, что я не совсем понимаю вас с С. Д.

– Было бы странно, если бы вы понимали, Гарри. Попробуйте как-нибудь спросить С. Д., понимает ли он сам себя.

– А разве вы его не понимаете?

– Черта с два. Его моральные принципы слишком сложны для меня.

– Бог мой, у всех есть свои бзики, – сказал Гарри. – Но вы писатель. Писатели должны все понимать. Так сказано в словаре.

– Африка – это загадка, Гарри.

– Вы знаете, – сказал он, – мне это тоже приходило в голову. Возможно, я бы и сам додумался до этого. Но как хорошо, что вы так толково все объяснили.

Я частенько предчувствую события, которые никогда не происходят. Но мне и в голову не приходило, что день этот будет еще хуже, чем обещал. Арап Маина и старший проводник сообщили, что выше по источнику, возле самой отмели, охотились две львицы и молодой лев. Наша приманка осталась нетронутой, если не считать следов, оставленных гиенами, и разведчики тщательно замаскировали ее. На деревьях вокруг приманки сидели грифы, и они обязательно привлекут льва, но птицы не могли добраться до останков зебры, которые были спрятаны так, чтобы лев смог их учуять. Он не ел и не охотился ночью, и, поскольку он голоден и его никто не вспугнул, вечером мы почти наверняка застанем его на

открытом месте. Все шло нормально, и мое предчувствие исходило от чего-то другого.

– Как ты себя чувствуешь, дорогая? – спросил я Мэри.

– Мне очень жаль, мой мальчик, – сказала она. – Я посижу с вами за ленчем, но мне действительно плохо.

– Сегодня прекрасный день, и лев наверняка должен выйти из укрытия.

– Я знаю. Это-то и плохо. Чувствую себя ужасно. Я так больше не могу. Вокруг такие красивые цветы, и гора великолепна, а мне так скверно...

Мы пообедали, и Мэри была весела и добра к нам. Если не ошибаюсь, она даже спросила меня, не положить ли мне еще холодного мяса. А когда я сказал: «Спасибо, я съел достаточно», заметила, что мне это будет только на пользу и что всем, кто пьет, нужно как следует есть. Это была не просто старейшая из истин, а идея, которую мы все почерпнули из статьи в «Ридерс дайджест». Этот номер «Дайджеста» к тому времени уже покоился в зеленой палатке. Я ответил, что намерен баллотироваться на выборах, выдвинув пьянство в качестве предвыборной платформы, и не хочу подводить своих избирателей. Черчилль, если верить рассказам, пил в два раза больше меня и только что получил Нобелевскую премию по литературе. Я всего-навсего хотел добрать до разумного уровня, тогда и я мог бы надеяться на получение премии: чем черт не шутит.

С. Д. сказал, что я вполне достоин премии и должен получить ее уже за одно хвастовство, поскольку Черчилль был награжден, по крайней мере частично, за свое красноречие. Гарри сказал, что он не очень внимательно следил за присуждением премий, но, по его мнению, мне следовала премия за мою работу в области религии и за заботу о туземцах. Мисс Мэри предположила, что если бы я еще и писал что-либо хотя бы изредка, то, может быть, получил бы ее даже и за литературное произведение. Слова ее глубоко тронули меня, и я обещал, как только она убьет своего льва, бросить все и начать писать хотя бы для того, чтобы доставить ей удовольствие. Гарри поинтересовался, не собираюсь ли я писать о загадочности Африки на языке суахили, и предложил достать мне книгу о диалектах, которая окажет мне неоценимую помощь. Мисс Мэри сказала, что у нас уже есть эта книга, но все-таки лучше, если я попробую писать на английском. Я предложил переписать некоторые параграфы из книги для приобретения навыка свободного письма с использованием диалектов суахили. Мисс Мэри заметила, что я не смогу без ошибок не только написать, но и произнести ни одной фразы на суахили, и, как это ни

печально, я вынужден был с ней согласиться.

– Старик, С. Д. и Гарри прекрасно говорят на суахили, а ты позоришь нас. Не понимаю, как можно так плохо говорить на каком бы то ни было языке.

Я хотел возразить, что много лет назад я чуть было не научился говорить на суахили вполне прилично, но сделал глупость и, вместо того чтобы остаться в Африке, уехал в Америку, где всячески старался заглушить свою ностальгию. А когда я наконец собрался вернуться, началась война в Испании, и, хорошо это или плохо, я оказался вовлеченным в гущу происходивших в мире событий и сумел освободиться лишь теперь. Вырваться оказалось не так-то просто, так же как не просто было разорвать цепи обязательств, которые плетутся легко и незаметно, как паутина, но держат покрепче стальных канатов...

Сейчас они веселились и шутили, подтрунивая друг над другом, и я тоже попробовал было пошутить, но очень сдержанно и кающимся тоном, в надежде вновь завоевать расположение мисс Мэри и подбодрить ее на случай, если лев все же объявится. Я пил сухой балмеровский сидр, который, как выяснилось, оказался прекрасным напитком, и С. Д. успел пополнить его запасы в магазинах Кайадо. Напиток был очень легким и освежающим и никак не сказывался на реакции, столь необходимой на охоте.

Двоюродный брат Мэри, очень приятный человек, подарил нам две квадратные, обтянутые мешковиной подушечки, набитые хвоей. Ложась спать, я всегда подкладывал эту подушку под голову. Запах хвои напоминал мне о Мичигане, где я провел свое детство, и мне бы очень хотелось иметь корзину с душистой травой, чтобы ночью ставить ее себе в кровать под москитную сетку. Вкус сидра также напоминал мне о Мичигане, и я вспоминал яблочный пресс и дверь, запиравшуюся только на крючок, и деревянную задвижку, и запах мешков из-под яблок, когда их раскладывали для просушки после пресса, а потом накрывали ими глубокие бочки, на которых мужчины, привозившие яблоки, оставляли причитающиеся за отжим деньги. За плотиной яблочного пресса был глубокий пруд, и в нем, если набраться терпения, всегда можно было поймать форель. Поймав рыбку, я убивал ее, прятал в большую плетеную корзину, стоявшую в тени, сверху наваливал слой листьев папоротника, а потом шел к прессу, снимал с гвоздя на стене оловянную кружку и, приподняв с одной из бочек тяжелые мешки, зачерпывал полную кружку сидра и выпивал ее. И вот теперь сидр да еще эти подушки напомнили мне Мичиган...

Сидя за столом, я радовался, что Мэри стало получше, и надеялся, что лев еще до наступления сумерек выйдет из укрытия и Мэри убьет его и будет счастлива. И еще я надеялся заполучить в ближайшее время леопарда, и тогда мы все сможем расслабиться и развлечься, а уж мы-то знали, как это делать. Вот только покончим со львом мисс Мэри... Я знал по крайней мере о трех леопардах в этом районе, и очень может быть, что их здесь еще больше, и если я буду охотиться с умом, то непременно выслежу хотя бы одного, а если нет, то придется вернуться к фиговому дереву, месту нашей прежней стоянки, где точно обитал леопард, считавший себя властелином округи. Я собирался отправиться туда вместе с Нгуи и, возможно, прихватить одного' из ружьеносцев Старика. Нам не потребуется разбивать лагерь, просто будем охотиться, пока не выследим его. Если бы я мог задержаться там еще на денек, я обязательно убил бы леопарда. Но в Африке не существует «если...».

Ленч закончился. Настроение у всех было прекрасное, и мы решили вздремнуть, и я пообещал разбудить Мэри, когда настанет время отправиться на свидание со львом.

Мэри заснула сразу же, как только легла. Задняя стенка палатки была откинута, и с горы через палатку дул приятный прохладный бриз. Обычно мы спали лицом к открытому входу, но я переложил подушки на другую сторону, чтобы свет падал сзади, скинул ботинки и брюки и, подложив под голову набитую хвоей подушечку, улегся читать. Я читал очень хорошую книгу Джералда Хэнли.^[29] В этой книге рассказывалось про льва, который доставил много неприятностей и поубивал практически всех персонажей. С. Д. и я по утрам, сидя в зеленой палатке, черпали из этой книги вдохновение. Там осталось, правда, еще несколько чудом не убитых львом героев, но и их ожидал не самый веселый поворот судьбы, так что мы не беспокоились. Хэнли прекрасно писал, и книга получилась великолепная и очень вдохновляющая, особенно если читать ее во время охоты на львов. Мне случалось видеть льва, несшегося с невероятной быстротой, и надо сказать, я до сих пор нахожусь под впечатлением этого зрелища. И в тот день я старался читать эту книгу как можно медленнее, уж больно хороша она была, и мне не хотелось расставаться с ней. Я все еще надеялся, что лев убьет главного героя или Старого майора, уж слишком благородными и благовоспитанными людьми они были, а я так привязался ко льву, и мне очень хотелось, чтобы он убил кого-нибудь из этих представителей высшего света. Впрочем, лев вполне успешно справлялся со своими обязанностями и только-только убил очередного весьма симпатичного и важного персонажа, и тогда я решил продлить удовольствие, отложил

книгу, натянул брюки, надел, не зашнуровывая, ботинки и пошел взглянуть, не проснулся ли С. Д. У входа в его палатку я кашлянул, как обычно кашлял возле обеденной палатки наш разведчик.

– Входите, генерал, – сказал С. Д.

– Нет, – сказал я. – Дом человека – его крепость. Ты созрел для встречи с дикими зверями?

– Слишком рано. Мэри спала?

– Она еще спит. Что читаешь?

– Линдберга. Дьявольски интересно. А ты?

– «Год льва». Страшно переживаю за него.

– Скоро месяц, как ты читаешь эту книгу.

– Полтора месяца.

Поболтав с С. Д., я отправился провести Мэри.

– Хочешь поехать с нами, малышка? Мы собираемся проехаться в новом большом лендровере Гарри и посмотреть, как дела.

– Мне нездоровится.

– Ладно. Мы будем осторожны, чтобы не испугнуть его, и, если он покажется, вернемся за тобой.

– Я никуда не поеду, – сказала она. – Мне так скверно.

– Постарайся отдохнуть и не принимай все так близко к сердцу.

– Как я могу спокойно отдыхать, когда мой лев вот-вот выйдет из укрытия, а меня там не будет!

– Мы вернемся за тобой, если он выйдет.

– А он тем временем скроется в лесу.

Новый лендровер стоял в тени дерева, и С. Д. с Гарри уже ждали меня. Я сел вместе с ними на переднем сиденье. С. Д. был за рулем, и мы плавно тронулись через поле белых цветов к посадочной площадке. С. Д. свернул на поросшую цветами колею и вел машину вдоль взлетной полосы по направлению к Килиманджаро, а потом развернулся и поехал назад. Цветы доставали до ступиц колес. Был конец дня, и, когда мы ехали вверх по полосе, гора казалась огромной и белой на фоне темно-зеленых деревьев нашего лагеря. Теперь же мы ехали в сторону заходящего солнца, и гора осталась позади...

С. Д. весь светился от удовольствия, управляя новенькой машиной, и мы на полной скорости съехали с полосы и выскочили на так называемую Великую северную дорогу – наезженную колесами колею, которая шла параллельно лесу и вела через грязевые отмели к источнику и болоту буйволов. Нгуи и старший проводник С. Д. сидели сзади, и все мы внимательно высматривали льва.

– Если он вышел, – сказал я Гарри, – действительно вышел, то нужно искать его там, вон в тех деревьях справа.

Мы поехали очень медленно, в полной тишине, затаив дыхание. Солнце висело слева, прямо над начинавшимися за лесом холмами. Старший проводник наклонился вперед и положил руку на плечо С. Д. Он не проронил ни слова, пристально вглядываясь в заросли, и С. Д. очень осторожно остановил машину.

– Вот он, Гарри, – еле слышно проговорил он.

– Я вижу.

Увидев его, я не поверил своим глазам. Нгуи тоже замер от удивления. Лев лежал на термитнике и смотрел в другую сторону. Это был серый бугор с широкой площадкой наверху, и лев возлежал на ней, словно отлитое изваяние. Термитник находился в тени высокого терновника, и никогда еще лев не казался мне таким огромным и черным. Большая голова его была абсолютно черной, и грива спадала черными космами на спину и темно-серые бока. Я никогда не видел таких львов, разве что на картине и в древнегреческой скульптуре. Как он здесь оказался? Ведь он всегда был таким осторожным и разумным. Почему же он вдруг вот так выставил себя на всеобщее обозрение?

Ветер дул в нашу сторону, и лев не слышал и не видел нас.

С. Д. тихонечко переключил скорость, развернул машину и, как только мы отъехали достаточно далеко, на полном ходу помчался к лагерю.

– Какого дьявола он забрался туда? – спросил я С. Д.

– Он стал уверен в себе. Он наконец-то стал уверен в себе и забрался туда, чтобы посмотреть на свои владения. Это он здесь владыка.

– Чертовски хороший лев, – сказал Гарри. – Теперь я понимаю, почему Мемсаиб так хочется заполучить именно его. Он и правда убивает скот или вы выдумали это, чтобы поддержать ее боевой дух?

– Он убивает скот, – сказал я.

В лагере я бросился поднимать Мэри, а тем временем ружьеносец достал из-под коек ее винтовку в мою двустволку, проверил патроны и побежал к большому лендроверу.

– Он там, малышка, там. И теперь он твой.

– Уже поздно. Почему ты не убил его? Чертовски поздно.

– Не думай ни о чем. Давай побыстрее в машину.

– Я должна надеть ботинки. Я помог ей натянуть ботинки.

– Где моя проклятая шляпа?

– Вот твоя проклятая шляпа. Иди к ближайшему лендроверу, только не беги. Думай лишь о том, как подстрелить его.

– Не давай мне столько советов. Оставь меня в покое.

Мэри, С. Д. и Гарри сели на переднее сиденье, и Гарри повел машину. Нгуи, Чаро, проводник и я устроились сзади. Я проверил патроны в стволе и магазин винтовки, потом патроны, которые были расставлены по карманам, и счистил охотничьим ножом грязь с глазка прицела. Мэри держала свою винтовку прямо перед собой, и я видел сверкающий черный ствол и прихваченную скотчем опущенную прицельную рамку, ее затылок и ее злополучную шляпу. Солнце стояло прямо над холмами, и мы, миновав поросшее цветами поле, выехали на знакомую, параллельную лесу дорогу. Где-то справа находился наш лев.

Вскоре показался высокий округлый конус термитника, но льва на нем не было. Машина остановилась, и все вышли, только Гарри остался за рулем. Львиные следы вели вправо, в направлении группы деревьев, возвышавшихся над низким кустарником. С той же стороны стояло одинокое дерево, под которым лежала заваленная ветками приманка. Льва не было и там. Птицы тоже не добрались до приманки и сидели высоко на деревьях. Я обернулся на солнце: не пройдет и десяти минут, как оно скроется на западе, за далекими холмами. Нгуи забрался на термитник и внимательно огляделся вокруг. Он еле заметным движением руки показал направление и быстро спустился.

– Йуко хапа, – сказал он. – Он там. М'узури мотокаа.

Мы с С. Д. снова посмотрели на солнце, и он подал Гарри знак рукой, чтобы тот подъехал. Мы сели в машину, и С. Д. объяснил Гарри, как нужно ехать.

– Но где же он? – спросила Мэри.

С. Д. дотронулся до локтя Гарри, и тот остановил машину.

– Машину оставим здесь, – сказал С. Д. Мэри. – Он должен быть в кустарнике под теми деревьями. Папа возьмет на себя левый фланг и не даст ему удрать обратно в лес. Мы с вами пойдем прямо на него.

Когда мы подошли к месту, где укрылся лев, солнце еще стояло над холмами. Нгуи шел следом за мной, а справа от нас, немного впереди, С. Д., Мэри и за ними Чаро. Они шли прямо к деревьям, вокруг которых рос редкий кустарник. Теперь я уже видел льва и продолжал пробираться влево, двигаясь наискосок от него. Солнечные лучи пробивались через кустарник и освещали льва; он казался то огромным и черным, то темно-серым с золотым отливом и внимательно следил за нами. Он следил за нами, а я думал о том, какое неудачное он себе выбрал укрытие. С каждым шагом я все больше и больше отрезал ему путь к спасению, к лесу, который уже столько раз выручал его. У него не было иного выбора, кроме

как броситься на меня или на Мэри и С. Д., если он будет ранен, или попытаться добраться до следующего островка деревьев и густого кустарника, находившегося в четырехстах пятидесяти ярдах к северу. А чтобы сделать это, он должен будет пересечь открытую плоскую равнину. Я решил, что уже достаточно удалился влево, и стал двигаться прямо на льва. Кустарник доставал ему до бедра, и я видел, как его голова повернулась было ко мне и тут же снова качнулась в сторону Мэри и С. Д. Голова была огромная и черная, но, когда он повернул ее, она не показалась мне слишком большой для его туловища. Оно было тяжелое, крупное и длинное. Я не знал, насколько близко С. Д. подведет Мэри ко льву. Я не следил за ними. Я смотрел на льва и ждал выстрела. Я был теперь на достаточном расстоянии, чтобы уложить его, если он кинется в мою сторону, и я не сомневался, что, окажись лев ранен, он бросится именно сюда, так как ближайшее укрытие находилось за моей спиной. «Мэри скоро выстрелит, – думал я. – Она не может подойти ближе». Я взглянул на них краешком глаза, не поднимая головы, стараясь не выпустить льва из виду. Мэри уже хотела стрелять, но С. Д. остановил ее. Они стояли на месте, и я решил, что Мэри мешали ветки кустарника. Я следил за львом и видел, как изменилась его окраска, когда солнце коснулось кромки холма. Было еще достаточно светло, чтобы стрелять, но мы знали, что здесь темнеет быстро. Лев сделал еле заметное движение вправо и снова посмотрел на Мэри и С. Д.; на какое-то мгновение я увидел его глаза. Мэри по-прежнему не стреляла. Потом лев сделал еще одно едва уловимое движение, и я услышал винтовку Мэри и сухой жесткий удар пули. Мэри попала в него. Лев метнулся глубже в кустарник и затем выскочил с противоположной стороны в направлении ближайшего островка густой растительности. Мэри продолжала стрелять, и я был уверен: ее пули достигали цели. Лев удалялся длинными прыжками, его большая голова раскачивалась из стороны в сторону. Я выстрелил – и позади него взметнулся ком грязи. Я качнулся в ритме его движения и, поймав льва в прицеле, снова выстрелил, но снова опоздал. Грохнула двустволка, и я увидел поднятые выстрелом фонтанчики грязи. Я выстрелил еще раз, взяв немного вперед, и такой же фонтанчик поднялся впереди льва. Он бежал тяжело делая отчаянные усилия, но с каждым прыжком удалялся все дальше и дальше, и, когда я наконец поймал его в прицеле, он был едва различим и, казалось, вот-вот достигнет укрытия. Я подался немного вперед, целясь чуть повыше головы, и спустил курок – не было никакого фонтанчика, и я увидел, как лев, опустив голову, скользнул вперед, пропахав передними лапами грязь; только потом мы слышали

шлепок пули. Нгуи хлопнул меня по спине и обнял. Лев попытался подняться, но С. Д. выстрелил, и он опрокинулся набок.

Я подошел к Мэри и поцеловал ее. Она была счастлива, но что-то смущало ее.

– Ты выстрелил раньше, чем я, – сказала она.

– Зря ты так, малышка. Ты стреляла первой и попала в него. Когда я мог выстрелить, ведь мы все ждали тебя?

– Ндио. Мемсаиб пига, – сказал Чаро. Он все время стоял за спиной Мэри.

– Конечно же, ты попала в него. Оба раза, только первый, наверное, в лапу.

– Но убил его ты.

– Все мы старались не дать ему добраться до зарослей, он же был ранен.

– Но ты стрелял первым. Ты и сам это знаешь.

– Ничего подобного. Спроси С. Д.

Лев лежал далеко от нас, и, по мере того, как мы приближались, он казался все более крупным и безжизненным. Солнце скрылось, и темнело очень быстро. Во всяком случае, стрелять уже было нельзя. Я чувствовал себя совершенно выжатым и уставшим. Мы с С. Д. были мокрые от пота.

– Конечно же, ты попала в него, Мэри, – сказал ей С. Д. – Папа выстрелил не раньше, чем лев выскочил на открытое место. Ты дважды попала в него.

– Почему ты не дал мне выстрелить, когда он стоял не двигаясь и смотрел на меня?

– Тебе мешали ветки, они могли изменить направление полета пули и ослабить удар. Поэтому я заставил тебя выждать.

– А потом он шевельнулся.

– Все правильно, иначе ты бы не выстрелила.

– Но я действительно попала в него первой?

– Абсолютно точно. Никто не стал бы стрелять в него раньше тебя.

– А ты не обманываешь, чтобы успокоить меня? Чаро уже неоднократно был свидетелем подобных сцен.

– Пига! – сказал он с убежденностью. – Пига, мемсаиб. Пига!

Я легонько шлепнул Нгуи ладонью и взглядом показал на Чаро.

– Пига, – резко выпалил Нгуи. – Пига, Мемсаиб. Пига мбили.

С. Д. прибавил шаг и пошел рядом со мной.

– Ты-то чего взмок? – спросил я.

– На сколько же выше ты целился, сукин ты сын?

- Фута полтора-два. Я стрелял как из лука.
- Когда пойдем обратно, посчитаем шаги.
- Никто не поверит.
- Мы поверим. И это самое главное.
- Пойди к ней и заставь ее поверить, что она попала в него.
- Она верит боям. Ты перебил ему позвоночник.
- Знаю.
- Слышал, как долго возвращался звук попавшей пули?
- Слышал. Пойди поговори с ней. А вот и Гарри с машиной.

Лендровер остановился за нами. Теперь мы все стояли возле льва, льва мисс Мэри, и она уже не сомневалась в этом и смотрела на него; он был удивительный: длинный, темный и красивый. Тело его облепили верблужьи мушки, желтые глаза еще не потухли. Я провел рукой по его густой черной гриве. Гарри вышел из лендровера, подошел к Мэри и пожал ей руку. Мэри опустила на колено рядом со львом.

– Прекрасный экземпляр, – сказал Гарри. – Никогда не видел такого крупного и такого темного льва.

По равнине со стороны лагеря к нам приближался грузовик. Они услышали выстрелы, и Кэйти с остальными людьми отправился на поиски, оставив в лагере двух сторожей. Они пели песню льва, и, когда они спрыгнули на землю, Мэри уже окончательно перестала сомневаться в том, кто убил льва. Мне не раз случалось видеть убитых львов и праздновать победу. Но ничего подобного я не встречал. Я хотел, чтобы Мэри испытала все до конца. Я понял, что она уже успокоилась, и пошел к островку деревьев и густого кустарника, куда так стремился лев. Ему это почти удалось, и я представил себе, как бы оно было, если бы С. Д. и мне пришлось отправиться в заросли, чтобы выманить его оттуда. Пока не стемнело, я хотел посмотреть на все собственными глазами. Ему оставалось всего ярдov шестьдесят, и, когда мы добрались бы сюда, стало бы совсем темно. Я представил себе, что могло произойти, и пошел назад праздновать и фотографироваться. Фары грузовика и лендровера были направлены на Мэри и льва, и С. Д. снимал их. Нгуи принес мне из лежавшей в лендровере сумки для патронов фляжку «Джинни», я сделал небольшой глоток и отдал фляжку Нгуи. Он тоже сделал глоток, покачал головой и снова передал ее мне.

– Пига, – сказал он, и мы оба засмеялись. Я сделал длинный глоток и почувствовал, как усталость незаметно выходит из меня, подобно змее, оставляющей свою кожу. До той минуты я еще не осознавал по-настоящему, что лев убит. Я чисто механически воспринял это, когда мой

невероятный, как из лука, выстрел поразил его и бросил на землю и Нгуи хлопнул меня по спине. Но потом было беспокойство Мэри и ее разочарование, и, пока мы шли ко льву, мы чувствовали себя такими бесстрастными и отрешенными, какими можно быть лишь после окончания атаки. Сейчас, когда вокруг все праздновали и фотографировались (проклятая и неизбежная процедура в такое позднее время, без вспышки, без профессионалов, которые могли бы со знанием дела увековечить на пленке льва мисс Мэри), глядя на ее сияющее в свете фар счастливое лицо и на огромную голову льва, которую она не смогла бы даже поднять, гордясь ею и любя льва, чувствуя себя опустошенным, видя искаженную шрамом улыбку Кэйти, наклонившегося, чтобы потрогать поразительную черную гриву льва, слушая воркующих, словно птицы, мужчин, каждый из которых гордился нашим львом; нашим, принадлежавшим всем нам и Мэри, потому что она несколько месяцев охотилась за ним и сама попала в него, говоря казенным языком, самостоятельно и в решающий момент, любясь этим нашим львом и ею, счастливой, и сияющей, и похожей при свете фар на маленького, не такого уж смертоносного, всеми любимого ангела, я постепенно расслабился и тоже стал веселиться.

Чаро и Нгуи рассказали Кэйти, как было дело, и он подошел ко мне, пожал руку и сказал:

- М'узури сана, бвана. Шайтани ту.
- Просто повезло, – сказал я, и, бог свидетель, так оно и было.
- Нет, не повезло, – сказал Кейти. – М'узури. М'узури. Шайтани мкубва сана.

И тогда я вспомнил, что именно в этот полдень я предрекал смерть льва, и что теперь все позади, и Мэри победила, и я поговорил с Нгуи, Матокой, ружьеносцем Старика и другими о нашей религии, и они качали головами и смеялись, а Нгуи предложил мне сделать еще глоток из фляжки. Сначала они хотели было подождать, пока мы вернемся в лагерь и выпьем пива, но потом уговорили меня выпить с ними сейчас же. Сами они лишь коснулись бутылки губами. Мэри, закончив фотографироваться, встала с земли, попросила фляжку и передала ее С. Д. и Гарри. От них фляжка снова перешла ко мне, и я выпил еще, а потом лег рядом со львом и очень тихо заговорил с ним по-испански, и попросил у него прощения за то, что мы убили его, и, лежа рядом с ним, я попробовал нащупать раны. Их было четыре. Мэри попала ему в лапу и в ляжку. Поглаживая его по спине, я нашел место, где моя пуля угодила ему в хребет, и еще дыру побольше, оставленную пулей С. Д., которая попала в бок, прямо под лопатку. В это время я не переставая говорил с ним по-испански, но

плоские твердые верблюжьи мушки стали перебираться с него на меня, и тогда я нарисовал указательным пальцем рыбу на земле перед ним и стер изображение ладонью.

По дороге в лагерь Нгуи, Чаро и я молчали. Я слышал, как Мэри спросила С. Д., действительно ли я стрелял после нее, и С. Д. ответил, что лев этот принадлежит только ей. Она первой попала в него, но охота не всегда проходит идеально, и раненое животное нужно обязательно убить, и нам чертовски повезло, и она должна быть довольна. Но я знал – радость Мэри была недолгой, потому что все получилось не совсем так, как она надеялась и мечтала, чего опасалась и ждала все эти месяцы. Я страшно переживал за нее и понимал, что никому нет до этого дела, но для нее это сейчас самое главное событие в мире. Случись нам начать все сначала, и мы ничего не смогли бы изменить. Никто не дал бы ей подойти ближе, чем С. Д., но такой прекрасный стрелок, как он, мог себе это позволить. Если бы раненый лев бросился на них, С. Д. успел бы выстрелить всего один раз. Его двустволка бьет наверняка и насмерть только вблизи и совершенно бесполезна, если стрелять с расстояния в двести или триста ярдов. Оба мы прекрасно понимали это и даже в шутку не касались этой темы. Стреляя в льва с такого расстояния, Мэри подвергала себя большой опасности, и малейшая ошибка могла стоить ей жизни. Теперь было не время говорить об этом, но Нгуи и Чаро отлично все понимали, и кто знает, скольких бессонных ночей стоила мне эта мысль. Решив дать бой в густых зарослях, где у него были все шансы прикончить одного из нас, лев сделал выбор и едва не победил. Он не был ни глупым, ни трусом. Он просто хотел дать бой в выгодной для себя позиции. Мы вернулись в лагерь, поставили стулья вокруг костра, сели, вытянув ноги и расслабившись. Нам недоставало только Старика, и именно Старика не было с нами. Я велел Кэйти дать боям пива и ждал начала празднества. Праздник начался неожиданно, он обрушился на нас, словно пенящийся ревущий поток, несущийся после ливня по сухому руслу ручья. Едва они решили, кто понесет мисс Мэри, как неистовая стремительная вереница танцующих людей уакамба вынырнула из-за палаток. Все они пели песню льва. Высокий повар и водитель грузовика принесли стул, поставили его недалеко от костра, а Кэйти, танцуя и хлопая в ладоши, усадил на него Мэри, и они подняли ее и стали танцевать – сначала вокруг нашего костра, потом двинулись к палаткам со снаряжением и вокруг лежавшего на земле льва, и дальше, вокруг костра повара, и костра сторожей, и вокруг машин и повозки с дровами, и по всему лагерю. Все, кроме пожилых мужчин, разделись по пояс. Я смотрел на белокурую головку Мэри и на черные

сильные красивые тела людей, которые несли ее над собой, приседая и притопывая в танце, и протягивая к ней руки.

Это был превосходный бешеный танец льва, и под конец они опустили стул рядом с ее складным стульчиком, стоявшим у костра, и по очереди пожали ей руку. Праздник окончился.

Ночью я внезапно проснулся и долго не мог уснуть. Вокруг была мертвая тишина. Потом я услышал ровное легкое дыхание Мэри и успокоился – нам больше не придется каждое утро настраивать ее против льва. Я снова огорчился, что лев умер не так, как хотела и планировала Мэри. После празднования и настоящего, неистового танца, когда она видела, как любят и как привязаны к ней друзья, ее чувство разочарования немного притупилось. Но после стольких дней охоты оно наверняка вернется. Она и не подозревала, какой опасности подвергалась. А может быть, она прекрасно все знала, просто я ничего не замечал. Ни я, ни С. Д. не хотели говорить ей об этом, потому что слишком хорошо представляли себе степень риска, и мы недаром так взмокли этим прохладным вечером. Я хорошо помнил глаза льва, когда он взглянул на меня, отвернулся, а затем посмотрел на Мэри и С. Д. и больше уже не отрывал от них взгляда. Я лежал в кровати и думал о том, что лев, рванувшись с места, может в три секунды покрыть расстояние в сто ярдов. Он бежит, низко пригнувшись к земле, быстрее любой борзой, и не прыгает, пока не достигнет своей жертвы. Лев Мэри весил добрых четыреста фунтов, и он мог легко перепрыгнуть через высокий терновник, неся в пасти корову. На него охотились не один год, и он был далеко не глуп. Но мы усыпили его бдительность и вынудили совершить ошибку. Я был рад, что перед смертью он успел поваляться, свесив хвост и удобно вытянув огромные лапы, на высоком круглом термитнике и еще раз взглянуть на свои владения, и голубой лес, и ослепительно белые снега на вершине горы. Мы с С. Д. хотели, чтобы Мэри уложила его с первого выстрела или чтобы он бросился на нас, если будет ранен. Но он решил поступить по-своему. Первая пуля была для него не более чем острым, внезапным укусом. Вторая, та, что прошла через ляжку, пока он бежал к густым зарослям, где собирался дать бой, стеганула как следует. Мне не хотелось думать, что он почувствовал, когда в него попала моя пуля, пущенная на бегу и издалека, которой я надеялся сбить его на землю и которая случайно перебила ему хребет. Пуля весила двести двадцать гран, и мне ни к чему было представлять себе, какую она могла причинить боль. Я никогда не ломал позвоночника и не мог этого знать. Хорошо, что С. Д. тут же прикончил его своим великолепным выстрелом. Сейчас лев мертв, и нам будет жаль

окончившейся охоты. Правда, останься он в живых – и сегодня мне пришлось бы охотиться на него без С. Д., вдвоем с Мэри, и не было бы никого, кто блокировал бы его с той стороны, где вчера стоял я. Лев был так ловок, что всегда мог выкинуть что-нибудь неожиданное.

Мэри по-прежнему дышала ровно, а я смотрел, как вспыхивали угли, когда бриз шевелил золу, и радовался, что страх за Мэри уже позади. Я ничем не смогу облегчить ее разочарования, когда она проснется. Может быть, оно пройдет само по себе. А если нет, когда-нибудь она убьет другого крупного льва. Но только не теперь, думал я, пожалуйста, только не теперь.

Я попытался заснуть, но стал думать о льве и о том, что бы мне пришлось предпринять, если бы он добрался до зарослей, и вспомнил, как вели себя в такой ситуации другие люди, а потом подумал: к черту все. Это мы обсудим с С. Д. и Стариком. Мне очень хотелось, чтобы утром Мэри проснулась и сказала: «Я так рада. Я убила своего льва». Но на это было мало надежды, а время – три часа утра. Кажется, Скотт Фицджеральд писал, что где-то-где-то в душе всегда что-то-что-то около трех часов утра. Порывшись в памяти, я вспомнил эту цитату.

Там было: «В темных глубинах души время всегда останавливается в три часа утра, и так изо дня в день».

Проснувшись посреди африканской ночи и сидя в кровати, я думал о том, что ничегошеньки не знаю о душе. О ней много говорят и пишут, но кто знает, что это такое? Я не знаю никого, кто слышал что-либо о душе, хотя бы существует ли она вообще. Это очень странное поверье, и, пожалуй, я не смог бы объяснить его толком Нгуи и Матоке, даже если бы сам сумел в нем разобраться. До того как я проснулся, я видел сон, и во сне у меня было туловище лошади, а голова и плечи – человека, и я удивлялся, почему раньше никто не замечал этого. Сон был очень последовательный, как раз о том моменте, когда мое туловище постепенно изменялось и превращалось в тело человека. История эта показалась мне вполне правдоподобной и поучительной; интересно, что все подумают, когда утром я расскажу ее? Сейчас я не спал, и сидр был прохладен и свеж, но я по-прежнему ощущал мышцы, которые снились мне, когда мое тело еще оставалось лошадиным. Однако все это не помогло мне разобраться с душой, и я попытался представить себе, что же это такое, с помощью доступных для меня понятий. Возможно, родник прозрачной свежей воды, не пересыхающий в засуху и не замерзающий зимой, ближе всего к тому представлению о некоей душе, о которой столько говорится. Помню, когда я еще был мальчишкой, в чикагской бейсбольной команде «Уайт сокс»

играл Гарри Лорд, подачи которого достигали третьей стартовой линии, и так до тех пор, пока питчер из команды противника не падал замертво или наконец темнело и матч прекращали. Я был тогда очень молод и все воспринимал слишком серьезно, но я хорошо помню, как темнело (в то время в парках не было фонарей) и Гарри все еще подавал мячи, а толпа орала: «Лорд, Лорд, спаси свою душу!» Пожалуй, это и было мое ближайшее общение с душой. Когда-то я думал, что в детстве меня лишили души, но потом она снова вернулась. В ту пору я был очень эгоистичен, и много слышал и читал о душе, и возомнил, что она имеется и у меня. И тут я подумал: а если кто-нибудь из нас, мисс Мэри или С. Д., Нгуи, Чаро или я, был бы убит львом, вознеслись бы наши души куда-либо? Я не мог в это поверить и решил, что мы просто были бы мертвы, возможно, даже мертвее льва, а ведь никто не беспокоился о его душе. В худшем случае предстояло бы путешествие в Найроби и расследование, хотя все было бы проще, ведь Гарри Стил присутствовал на охоте, а он сам полицейский. Но я твердо знал, что погибни я или Мэри, и это скверно отразилось бы на карьере С. Д. Да и С. Д. страшно не повезло бы, будь он убит сам. И уж конечно, окажись убитым я, это нанесло бы непоправимый вред моему писательству. Чаро и Нгуи смерть явно пришлась бы не по вкусу, а для Мэри она бы явилась большой неожиданностью. Пожалуй, лучше держаться подальше от смерти, и хорошо, что нет больше необходимости изо дня в день играть с нею.

Но какое это имеет отношение к темным глубинам души, в которых «время всегда останавливается в три часа утра, и так изо дня в день»? Есть ли душа у мисс Мэри и С. Д.? Насколько мне известно, у них нет религиозных убеждений. Но если у кого и есть душа, так это у них. Чаро истинный магометанин, и нам придется поверить, что душа у него есть. Значит, остаемся только Нгуи, я и лев.

Однако сейчас три часа утра, и я вытянул свои недавно еще лошадиные ноги и решил встать, выйти, посидеть возле тлеющего костра и насладиться остатком ночи и первыми лучами рассвета. Я натянул противомосkitные ботинки, надел купальный халат, подпоясался портупеей и вышел к погасшему костру. С. Д. уже сидел там в своем кресле.

- Ты почему не спишь? – спросил он тихо.
- Мне приснилось, что я лошадь. Как наяву.
- Ты слушался объездчика? Или тебя отправили на племенную ферму?
- Что-то было и про ферму. Но я проснулся.
- Мне снились жуткие кошмары.

- Какие?
- Я их не запоминаю.
- По-моему, мы постепенно приближаемся к слабонервно-раздражительному типу людей.
- Ты может быть. Я – никогда.
- Ты домашний, преданный, этаким немногословный тип.
- Разве? – сказал С. Д. – И кому же это я предан?
- Мужу мисс Мэри.
- Этому ублюдку? Кем ты был во сне? Лошадиной задницей?
- Нам будет недоставать охоты на старого шельмеца.
- Да...

Мы сидели и смотрели на костер: он разгорался, и пламя ярко освещало палатки и деревья. Была половина четвертого или без четверти четыре, а то и четыре часа. Я рассказал С. Д. о Скотте Фицджеральде и о вспомнившейся мне цитате и спросил, что он об этом думает.

– Когда не спится, любой час ночи кажется отвратительным, – сказал он. – Не понимаю, почему он выбрал именно три часа. Хотя звучит неплохо.

- По-моему, это страх, беспокойство и угрызения совести.
- Мы оба прошли через это, не так ли?
- Конечно, по пустякам. Но мне кажется, он имел в виду свою совесть и отчаяние.

- Тебя никогда не охватывает отчаяние, правда, Эрни?
- Пока что нет.
- Значит, не суждено, иначе бы ты давно испытал его.
- Я бывал на волосок от него, но всякий раз одерживал верх.

Позже, гораздо позже, я пошел в палатку взглянуть, не проснулась ли Мэри. Но она по-прежнему крепко спала. Она проснулась, глотнула чая и снова заснула.

– Дадим ей поспать, – сказал я С. Д. – Ничего страшного, если мы начнем свежевать его и в половине десятого. Ей нужно как следует выспаться.

С. Д. читал книгу Линдберга, а я в то утро не испытывал ни малейшего желания читать «Год льва» и принялся за книгу о птицах. Это была хорошая новая книга «Птицы Восточной и Северо-Восточной Африки», и, охотясь все время на одного зверя, сосредоточив на нем все свое внимание, я многое упустил, потому что недостаточно наблюдал птиц.

Не будь животных, мы бы вполне довольствовались наблюдением птиц, но я непростительно пренебрегал ими. С Мэри дело обстояло иначе.

Она всегда видела птиц, которых я даже не замечал, и сосредоточенно рассматривала их, пока я сидел на своем складном стуле и просто любовался окрестностями. Читая эту книгу, я понял, каким был легкомысленным и сколько потерял времени даром.

Дома, сидя в тени возле бассейна, я с наслаждением смотрел, как ныряют за насекомыми райские птички и вода бросает зеленый отсвет на их серо-белые грудки. Я любил наблюдать за голубями, свивающими гнезда в тополях, и за поющими пересмешниками. Осенью и весной я с волнением смотрел на хлопоты перелетных птиц и радовался, когда видел, как маленькая выпь пьет из бассейна или ищет в сточной канаве древесных лягушек. Сейчас здесь, в Африке, вокруг лагеря всегда было много красивых птиц. Они сидели на деревьях и на колючих ветках терновника и просто разгуливали по земле, а я едва замечал эти движущиеся цветные пятнышки, в то время как Мэри любила и знала их всех. Я не мог понять, почему относился к птицам так глупо и равнодушно, и мне было стыдно.

Долгое время для меня существовали лишь хищники, животные, питающиеся падалью, и птицы, пригодные в пищу или для охоты. Я попытался вспомнить, сколько птиц я знал, и перечень получился такой длинный, что я немного успокоился и решил больше наблюдать птиц у нашего лагеря и чаще спрашивать о них Мэри, а главное, научиться замечать их, а не смотреть мимо. «Смотреть на вещи и не видеть их – большой порок, – думал я, – и поддаться ему очень легко. Именно с этого начинается все плохое, и мы недостойны жить в этом мире, если не умеем его видеть». Я попробовал проанализировать, как могло случиться, что я перестал замечать маленьких птиц близ лагеря, и решил, что отчасти тому виной чтение, которое отвлекало меня от мыслей о серьезной охоте, и отчасти, конечно же, виски; а как иначе расслабиться, когда возвращаешься в лагерь? Я восхищался Мейито, который почти не пил, потому что хотел запомнить все увиденное в Африке. Но мы с С. Д. были не против выпить, и я знал – это не просто привычка или способ уйти от действительности. Мы умышленно притупляли восприимчивость, такую сверхчувствительную, какая возможна лишь на фотопленке, и если бы она постоянно оставалась на этом уровне, то стала бы невыносимой. «Ты придумываешь себе весьма благородное оправдание, – подумал я, – ведь ты прекрасно понимаешь, что вы с С. Д. пьете, потому что вам это нравится, и Мэри это тоже нравится, и вам так весело бывает выпить вместе. Лучше походи и посмотри, не проснулась ли она».

Итак, я вернулся в палатку, а Мэри все еще спала. Во сне она всегда была прекрасна. Лицо ее не было ни счастливым, ни несчастным. Оно

просто было. Но сегодня его черты казались особенно изящными. Мне так хотелось бы сделать Мэри счастливой, но единственное, что я мог придумать, – это не будить ее.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Мисс Мэри, чье отсутствие позволяет Эрнесту предпринять несколько рискованных авантур или просто идти на поводу у своих слабостей. Нгуи, великолепно справляющийся с обязанностями ружьеносца, когда преследуют леопарда, но, к сожалению, отсутствующий, когда преследуемым становится сам Эрнест.

Чаро, слишком старый, чтобы еще раз попробовать на себе клыки леопарда, и слишком храбрый, чтобы удержаться от риска.

Мистер Сингх, хозяин небольшой винной лавки в Лойтокитокке, чья утонченная дипломатия подкрепляется пистолетом.

Я оказался один на один с грустью мисс Мэри. Я не был одинок, ведь со мной оставались мисс Мэри, и лагерь, и наши друзья, и огромная гора Килиманджаро, которую все называли Кибо, и животные, и птицы, и поля вновь распустившихся цветов, и гусеницы, взявшиеся откуда-то из-под земли и набросившиеся на цветы. На гусениц слетелись орлы; их было столько, что они удивляли нас не больше, чем цыплята. Бурые орлы, в коричневых штанах из перьев, и другие, белоголовые орлы, расхаживали вместе с цесарками, деловито пожирая гусениц. Гусеницы на время примирили всех птиц. Европейские аисты тоже прилетели полакомиться гусеницами, и по всему пространству усыпанной белыми цветами саванны медленно передвигались с места на место большие стаи аистов...

У каждого человека, в теории, может быть лишь один-единственный прекрасный город или великое произведение искусства, которые в его восприятии наделены особой чистотой. Это всего-навсего теория, и я с ней не согласен. Все, что я любил, я всегда наделял этой особой чистотой, но до чего хорошо, когда удается передать свое восприятие кому-нибудь еще; и тогда чувствуешь себя не таким одиноким. Мэри любила мою Испанию и Африку и постигала все тайны так легко, что почти не замечала этого. Я никогда не раскрывал ей своих секретов и объяснял лишь чисто технические или комические стороны вещей, получая величайшее удовольствие от ее собственных открытий. Смешно ждать, чтобы любимая тобой женщина любила все то, что близко тебе самому. Но Мэри любила

море, и ей понравилось жить на небольшом катере и ловить рыбу. Ей нравилась живопись, и она полюбила западную часть Соединенных Штатов, когда мы впервые побывали там вместе. Она никогда не притворялась, и это был большой дар, потому что я долгое время общался с великой притворщицей, а жизнь с настоящей притворщицей заставляет мужчину мрачно смотреть на многие вещи, и он теряет желание разделять с женщиной что-либо и даже начинает лелеять мечту об одиночестве.

Этим утром, пока жара набирала пары, а прохладный ветер с горы все еще не подул, мы прокладывали новую лесную тропу через оставленные слонами завалы. Прорубив путь сквозь особенно трудные участки и выбравшись на открытую местность, мы увидели первую большую стаю настоящих европейских аистов, черных и белых, на красных ногах, и они так усердно трудились над гусеницами, как будто это были немецкие аисты, получившие соответствующий приказ. Мисс Мэри нравились аисты, и она была рада увидеть их, поскольку нас обоих очень беспокоила одна статья, где говорилось, что аисты вымирают, и вот теперь мы убедились, что у них, как и у нас, просто хватило здравого смысла перебраться в Африку; но и аисты не рассеяли ее грусть, и мы отправились дальше к лагерю. Я не знал, как подступиться к грусти мисс Мэри. Казалось, ее не трогали ни орлы, ни аисты, против которых даже я не мог устоять, и тогда я начал понимать, как ей было тоскливо.

Нгуи заметил что-то неладное, достал из испанской кожаной сумки для патронов фляжку и протянул ее мне. Я передал фляжку Мэри, которая с довольно мрачным видом смотрела на аистов.

– Не слишком ли рано ты пьешь? – спросила она. Я с надеждой заметил, что она оставила фляжку у себя.

– По-моему, нет, – сказал я. – Немного для аппетита.

Она все еще держала фляжку, и мне показалось, я слышал, как она открыла ее. Нгуи незаметно кивнул.

– Залей свою проклятую грусть, и я тоже сделаю глоток.

– Я уже выпила немного, – сказала она и вернула мне фляжку. – О чем это ты думал все утро? Ты был так необычно молчалив.

– О птицах, и о разных местах, и о том, какая ты славная.

– Очень любезно с твоей стороны.

– Я делал это не ради гимнастики души.

– Скоро я приду в себя. Не так-то просто провалиться в преисподнюю и снова выбраться оттуда.

– Этот вид спорта войдет в олимпийскую программу.

– В таком случае ты бы, наверное, победил.

– Конечно. Я же должен думать о тех, кто на меня ставит.

– Все, кто ставил на тебя, уже на том свете, как и мой лев. Ты, должно быть, пристрелил их всех в один прекрасный день, когда пребывал в особенно хорошем расположении духа.

– Взгляни, вот еще одно поле, сплошь покрытое аистами.

– Да, – сказала она. – Взгляни, вот еще одно поле, сплошь покрытое аистами.

Африка – опасное место для затяжной грусти, особенно когда в лагере всего два человека, а после шести часов вечера быстро темнеет, даже если грусть эта вызвана охотой на льва мисс Мэри, убитого не совсем так, как нам бы хотелось... Мы сидели в палатке одни за столом, и тысячи насекомых рвались в завешенную сеткой дверь, к гибельному огню керосиновой лампы, а мы говорили о том, какое это счастье, что вот уже больше пяти месяцев мы не видели ни одного зануды и что, очень может быть, это рекордный срок, ведь в этом мире зануды так быстро переезжают с места на место. Конечно же, мы встречали их всякий раз, когда обстоятельства вынуждали нас выбираться в город. Но никого из них мы не принимали у себя и не сидели с ними за одним столом. Мы говорили также о том, как важно не делить пищу с врагами. В целях самообороны с ними можно выпить, но делить с ними пищу глупо, и за это следует наказывать так же строго, как и за неудачное самоубийство. Приятно было думать о том, что целых пять месяцев мы ни разу не разделили хлеб-соль ни с одним из богатых зануд, и я знал: в значительной степени мы обязаны этим «Мау-мау». В тот вечер в палатке мисс Мэри вновь была счастлива; мы почти всегда были счастливы, когда нам удавалось оставаться вдвоем.

Утром Нгуи и я охотились на леопарда. Это был новый день, как всегда неожиданный и непохожий на другие дни охоты. Никто из нас не верил в приманки, и я было вспомнил, как однажды леопард все же польстился на мертвого бабуина, но больше он к нему не возвращался. Вряд ли стоило винить леопардов, я лично относился к этой привычке с восхищением. Я шел домой по мокрой от росы траве и думал о всевозможной чепухе, которую читал сам или слышал об охоте на леопардов.

Теперь, когда они стали благородными животными (охраняемыми государством), а не просто зверьем, которое, как в былые времена, убивали ради шкуры, белые охотники создали им славу действительно страшных животных. Это были крупные кошки. Возможно, самые лучшие, быстрые и сильные из всех кошек такого размера, и, раненные, они становились очень опасными. Старик неоднократно вдабливал мне это. Он думал, я

недостаточно серьезно воспринимаю леопардов, потому что я разбирался в кошках и любил их. Львица тоже была кошкой, притом настоящей, и мне всегда казалось, я могу читать ее мысли. Кошек считают таинственными животными, но это не так, особенно если в вас есть хотя бы немного кошачьей крови. У меня ее было много, слишком много, чтобы пойти мне на пользу, но зато это здорово помогало в общении с кошачьей породой. Была во мне и медвежья кровь, и я мог читать мысли медведя, беседовать с ним и заставить вести себя благоразумно. Медведям нравился мой запах, а мне их, и не было такого медведя, с которым я не смог бы подружиться.

Возвращаясь домой утром, положившим начало новому дню, и чувствуя приятную прохладу промокших полуботинок и влажную ткань шаровар цвета хаки на икрах, забавно было думать о разных кошках и медведях. Лев-самец никогда не казался мне настоящей кошкой. В нем текла какая-то другая кровь, и из основных кошачьих черт в нем были только две – лень и внезапная страшная скорость. Гепард тоже мало походил на кошку. В нем текла кровь собаки, и его манера бежать скорее напоминала бег борзой. Леопард же, напротив, был настоящей и великолепной кошкой. Белые охотники рассказывали клиентам, что их невозможно или почти невозможно встретить на открытой местности, разве что они выйдут на приманку. Конечно же, благодаря этим рассказам встреча с леопардом на открытой местности превращалась для клиента в редчайшее и огромное событие, воздававшее должное как репутации белого охотника, так и необыкновенной везучести клиента.

Нынешние белые охотники, проводившие сафари, развешивали по деревьям приманки для леопарда, обычно тушу небольшого самца антилопы, бородавочника или любого другого животного, и оставляли гнить. Вечером они объезжали приманки, рассаживали клиентов по заранее подготовленным укрытиям, и с наступлением темноты, когда сумерки быстро угасали и леопарды взбирались на деревья, клиенты стреляли, целясь в свои телескопические прицелы. В этом и заключалась современная охота на леопардов, и клиентов всячески уверяли, что другого способа не существует. Больше всего впечатлял тот миг, когда леопард каким-то чудом появлялся в развилине дерева, там, где была привязана приманка. Момент этот был столь загадочным, что навсегда врезался в память. Это, да еще злой взгляд и пятнистая шкура животного и производили мистическое впечатление. Все делал белый охотник, клиенту оставалось лишь спустить курок – и леопард падал замертво или, раненный, исчезал в зарослях, где его пожирали гиены.

Я думал обо всех леопардах, на которых случайно натыкался со

времен своего первого приезда в Африку, и о том, что ни одного из них не убил с помощью приманки, и никогда не видел, как они бесшумно, в мгновение ока появляются в злополучной развилине дерева, и никогда не испытывал этого душещипательного, мистического для клиента ощущения. Приятно было вспомнить моего первого леопарда. Я увидел его в Танганьике, когда в одиночестве прогуливался по берегу реки, так похожей на пересекающую луг, богатую форелью речушку у меня дома. Леопард задрал небольшого самца антилопы и лакомился им, припав к земле и по-кошачьи сжавшись. Он первый почуял или заметил меня, и какую-то сотую долю секунды я видел две слившиеся воедино формы, пятнистую и рыжевато-коричневую, да еще голову и глаза леопарда, смотревшего на меня с расстояния в двадцать футов. Я не успел заметить, был ли его взгляд злым, как не успел сделать и какие-либо иные литературные умозаключения, потому что леопард взвился в прыжке, который отнес его далеко от самца антилопы, прямо в траву, и потом, слегка изогнув хвост и приподняв голову, он бросился прочь по низкой траве, да так быстро, что я не успел даже вскинуть винтовку. Пока он несся по направлению к зарослям, я трижды выстрелил ему вслед, и всякий раз пуля поднимала комья сырой красной земли позади него. В ту пору я еще не умел вскидывать винтовку достаточно быстро, чтобы стрелять наперерез, и леопард казался мне самым проворным животным; его длинный прыжок и бешеная скорость произвели на меня тогда неизгладимое впечатление. К тому же это был очень крупный леопард, и мне повезло, что я повстречал его именно при таких обстоятельствах.

В то время мне еще не доводилось видеть гепарда, и я не знал, что на открытой местности гепард бежит куда быстрее леопарда. Тогда мы были новичками в этой стране и охотились на гепардов. Теперь, узнав этих животных поближе, я ни за что не убил бы гепарда, но в то время мы были если не глупее, то, во всяком случае, невежественнее. Я тоже стрелял гепардов ради шкурок для шубы моей жены, а она умела одеваться...

Мэри спала, и мне незачем было ее будить. Я пошел в обеденную палатку, вынул из брезентового ведра холодную бутылку пива и сел читать... Я читал, пока в палатку не вошла мисс Мэри. Она прекрасно выглядела, весело поздоровалась со мной и спросила, почему я не разбудил ее раньше. Она чувствовала себя получше, но еще не совсем оправилась от болезни, и мы решили вызвать самолет и отправить ее в Найроби. Мэри была счастлива и с нетерпением ожидала предстоящую поездку, но в то же время не хотела расставаться с лагерем и нашей необычной жизнью здесь и сказала, что соскучилась по всему этому уже теперь, до отлета.

Нгуи и я охотились на леопарда в глухих местах заповедника и вдоль реки. Мы старались ступать бесшумно и внимательно осматривали ветви всех деревьев, где мог укрыться леопард. Мы охотились так, чтобы свет падал сзади. Ветер еще не поднялся, и, когда солнце было над самым пологим склоном горы, оно жгло нам спины...

Мы охотились спокойно, без напряжения, и я старался поставить себя на место крупного леопарда, в чьем распоряжении было полно диких животных, четыре шамбы с козами, собаками и цыплятами, лагерь с подвешенными на деревьях тушами, которые легко стащить, шесть или восемь стад бабуинов да к тому же, насколько ему было известно, никого в округе, кто охотился бы за ним, если, правда, не считать одного случая с месяц тому назад. Я решил, что, будь я на месте леопарда, я не был бы чересчур осторожен. В тот раз я заметил этого огромного леопарда на расстоянии примерно футов в тридцать. Шел проливной дождь, и он лежал вытянувшись на суку дерева, росшего на самом краю болота. Я был в очках, и дождь хлестал мне в лицо. Я хотел было протереть очки и вдруг, глядя через стекла, как сквозь залитое дождем ветровое стекло, я увидел глаза леопарда, прижатого дождем и ветром к стволу дерева. Голова его показалась мне большой – размером с голову львицы, и мы смотрели прямо в глаза друг другу и очнулись одновременно. Вскидывая винтовку, я мгновенно, как при стрельбе по взлетающей птице, оттянув тугой затвор, взвел курок, а он, повернувшись так быстро, что его очертания расплылись в одно большое пятно, подобно змее, сполз по противоположной стороне ствола, показав мне лишь самый краешек своего пятнистого брюха. Я обежал дерево с правой стороны, и в ту же секунду одним прыжком он скрылся в высоких папирусных зарослях болота. Не будь дождя, я смог бы выстрелить навскидку. Не будь очков, я мог бы выстрелить, несмотря на дождь. Но как бы там ни было, выстрела не получилось, и самый крупный из попадавшихся мне леопардов оказался самым быстрым и смышленным из всех кошачьих...

Ранним утром, отправляясь на охоту, мы видели на небольшой лужайке гепарда, и, когда мы возвращались, он все еще лежал в траве. Гепард приподнял голову и внимательно следил за пасшейся неподалеку небольшой антилопой с подергивающимся хвостиком, уже успевшей стать его собственностью. Я посмотрел на его хорошенькую мордочку и порадовался, что больше не охочусь на гепардов. Я вспомнил шубу, сшитую у Валентина из шкурок убитых мною гепардов, и как подбирали кольца шерсти вокруг шеи от разных шкурок, чтобы воротник правильно лежал на плечах женщины, и как прекрасно, как непохоже на другие

пальто выглядела эта шуба одну осень в Нью-Йорке. И я подумал о том, что почти все женщины считают подобные подарки уклонением от выполнения взятых обязательств, ведь это не норка и не соболь, и такую шубу нельзя рассматривать как капиталовложение и нельзя перепродать. Это все равно что подарить подделку вместо настоящих драгоценностей. Подарив добротную, соответствующей длины шубу из темной дикой норки, мужчина может позволить себе кое-какие иллюзии, но никак не раньше; и я смотрел на гепарда и принадлежащую ему антилопу и надеялся, что как-нибудь вечером мне удастся подсмотреть, как он охотится вместе со своими братьями.

Теперь, когда я начал думать о той осени в Нью-Йорке и о том, чем кончила гепардовая шуба, мне не хотелось беспокоить ни этого гепарда, ни стадо животных, которые кормили его самого и двух его братьев. Мне доставляло большое удовольствие смотреть, как они охотятся, на их невероятный последний рывок и видеть эти шкуры на их собственных спинах, а не на плечах какой-либо женщины.

После отлета мисс Мэри и Роя^[30] я чувствовал себя очень одиноким. Я не хотел отправляться в город и знал, как хорошо мне будет наедине с туземцами, всевозможными проблемами и со страной, которую я любил, но мне было одиноко без Мэри, и я скучал по Рою и тосковал по самолету.

После дождя мне всегда бывает одиноко, но сейчас, к счастью, были письма, которые в первый момент, когда Рой только что привез их, ничего для меня не значили. Я разложил их по порядку, а заодно привел в порядок все бумаги. Здесь были «Ист Африкен стандартс», зарубежные издания «Таймс» и «Телеграф» на их напоминающей луковую шелуху бумаге, литературное приложение «Тайме» и рассылаемое авиапочтой издание «Тайма». Прочтя письма, я порадовался, что нахожусь в Африке...

Беренсон^[31] был здоров, что уже прекрасно, и находился в Сицилии, что беспокоило меня, и совершенно напрасно, поскольку ему лучше знать, что делать. У Марлен^[32] были проблемы, но ее великолепно приняли в Лас-Вегасе, и она прилагала вырезки из газет... Эта девочка, которую я знал вот уже восемнадцать лет, а встретил впервые, когда ей самой было восемнадцать, которую я любил и другом которой был и которую продолжал любить, даже когда она дважды выходила замуж, и благодаря собственному уму четырежды наживала состояния, и, надеюсь, сумела их сохранить, и приобрела всевозможные блага и самые разнообразные носильные вещи, которые можно заложить или продать, и потеряла все остальное, написала мне письмо, полное новостей, сплетен и глубокой

печали. Новости были настоящие, да и печаль неподдельная, и еще были обычные для всех женщин жалобы. Письмо это огорчило меня больше других, потому что она не могла приехать в Африку, где, пусть даже всего пару недель, ей было бы по-настоящему хорошо. Теперь, когда она не сумела приехать, я понял, что никогда больше не увижу ее, разве что муж пошлет ее ко мне с каким-либо деловым поручением. Она еще побывает во всех тех местах, которые я обещал ей показать, но меня с ней не будет. Она может поехать с мужем, и они будут по-прежнему действовать друг другу на нервы. Он повсюду будет привязан к междугородному телефону, без которого не может обойтись, равно как я не могу обойтись без восхода солнца или Мэри – без ночных звезд. Она могла тратить деньги, и покупать вещи, и накапливать имущество, и обедать в очень дорогих ресторанах, и Конрад Хилтон открывал, отделявал или проектировал отели для нее и ее мужа во всех городах, которые мы некогда собирались посетить вместе. Теперь у нее не было проблем. Теперь, благодаря Конраду Хилтону, эта поблекшая красавица всегда сможет возлечь в удобном номере на расстоянии вытянутой руки – не далее – от междугородного телефона. А проснувшись ночью, отчетливо представит себе, что такое пустота и почему она сегодня, и станет пересчитывать собственные деньги, чтобы снова заснуть, и проснуться попозже, и хоть немного оттянуть свидание с очередным днем. Может статься, подумал я, Конрад Хилтон откроет отель в Лойтокитокке. Тогда она выберется сюда и увидит гору, и гостиничные гиды отвезут ее к мистеру Сингху, где она сможет купить копия в качестве сувенира на память. И повсюду будут услужливые белые охотники с леопардовой лентой на шляпе, и на каждом ночном столике вместо гидеоновских библий^[33] рядом с междугородным телефоном будут разложены экземпляры «Белого охотника», «Черного сердца» и «Нечто ценное» с автографами авторов, отпечатанные на специальной универсальной бумаге.

У пива было характерное, соответствующее племенным обычаям название; по-моему, среди прочих ритуальных напитков оно было известно как «Пиво, чтобы Спать в Постели Тещи», и здесь оно имело не меньшее значение, чем кадиллак в кругах вроде тех, где вращался О'Хара, если только таковые еще существуют. Я страстно желал, чтобы подобные круги не исчезли, и думал об О'Хара, толстом, как питон, проглотивший журнал, именуемый «Колльерс», и мрачном, как мул, которого укусила муха цеце, а он, ничего не замечая, продолжает слепо брести куда-то, и желал ему удачи и всяческого счастья. Я вспомнил, не без улыбки, его вечерний, с белой каймой галстук, в котором он появился в Нью-Йорке во время одного из

своих выходов в свет, и нервозность хозяйки дома, когда она, представляя Джона гостям, высказала ему вежливое пожелание не развалиться на части. Как бы скверно ни оборачивались события, любой человек может утешиться, вспоминая О'Хара в пору его расцвета.

Я думал о наших планах на Рождество, которое я очень любил, и хорошо помнил, как встречал его в разных странах. Это Рождество обещало быть либо прекрасным, либо воистину ужасным, потому что мы решили пригласить всех масаи и всех уакамба, и такой нгома, если его не организовать правильно, мог положить конец всякому веселью. К тому же будет волшебное дерево Мэри... Я не знал, стоит ли рассказывать ей, что это в действительности не что иное, как разновидность сильнодействующего дерева марихуаны. И вот почему: во-первых, Мэри твердо решила выбрать именно это дерево, а кроме того, уакамба полагали, что это, как и необходимость убить льва, один из таинственных обычаев ее племени. Арап Маина доверительно сообщил мне, что с одного такого дерева мы с ним могли бы быть навеселе несколько месяцев и что если бы слон съел облюбованное мисс Мэри деревце, то он, слон, захмелел бы на несколько дней. Он спросил также, приходилось ли мне видеть пьяного слона. «Конечно», – ответил я, хотя ничего подобного раньше даже и не слышал. Тогда он поведал мне, что только таких слонов бвана и могли убивать. Еще он сказал, что никогда не встречал бвану, который мог бы отличить пьяного слона от трезвого, и что, увидев слона, бвана очень волновались и даже не замечали, есть ли у него бивни. Все бвана, сказал он по секрету, пахнут так ужасно, что животные никогда не подпускают их близко, и что любой охотник, связавшийся с бваной, всегда мог легко определить его местонахождение, стоило только поймать его запах по ветру и затем двигаться против ветра, пока запах бваны не станет невыносимым.

– Это правда, бвана, – сказал он мне и, когда я посмотрел на него, добавил: – Брат, я назвал тебя так, не подумав и не желая обидеть. Ты и я пахнем одинаково, сам знаешь.

Положение белого в Африке всегда казалось мне глупым, и я вспомнил, как двадцать лет назад меня пригласили послушать миссионера-мусульманина, который объяснил нам, своей аудитории, преимущества темной кожи и недостатки пигментации белого человека. Сам я достаточно загорел, чтобы сойти за метиса.

– Посмотрите на белого человека, – сказал миссионер. – Он ходит под солнцем, и солнце губит его.

Стоит ему открыть свое тело солнцу, как оно сгорает, покрывается

волдырями и гниет. Бедняга вынужден укрываться в тени и убивать себя алкоголем, коктейлями и смесями вроде «чота пег»,^[34] потому что он в ужасе от мысли о предстоящем солнечном дне. Понаблюдайте за белым человеком и его мванамке,^[35] его мемсаиб. Женщина, если она выходит на солнце, покрывается коричневыми пятнышками, как при проказе. Если она продолжает оставаться на солнце, то кожа слезает с нее, как с человека, прошедшего сквозь огонь... Бедняга белый боготворит лошадь. Но стоит его лошади попасть в местность, где водятся мухи, и она умирает, равно как и его собака.

– Бедный белый человек, – говорил миссионер, – кожа у него на ступне ненастоящая, потеряв ботинки, он погибает, ведь он не может ходить босиком. Им правят женщины. Даже во главе его племен попадают женщины. Посмотрите на лицо мванамке на таллере времен Марии Терезии.^[36] Вот такие мванамке и правят белым человеком. На протяжении целой человеческой жизни англичанами правила старуха, до сих пор на некоторых шиллингах можно видеть ее изображение. И все же белому не стыдно, что им правят женщины. Только немцами правили мужчины, и вы знаете, какие они, эти немцы. По сравнению с англичанами они все равно что морани.^[37] по сравнению с мтото^[38] Но и немец, как бы он ни был хорош, не может устоять против солнца – кожа его тоже становится красной, еще краснее, чем у англичанина.

– Белый человек краснеет, когда живет с нами и попадает под солнце, а когда он у себя на родине, то лицо у него цветом походит на лизунец. Лишенный пива и виски, он не может держать себя в руках и начинает ругать своего бога, младенца Христа. А теперь я расскажу вам о младенце Христе, – продолжал миссионер. – В поклонении этому младенцу и проявляется инфантильность белого человека. Эта болезнь гложет мозг белого человека, подобно червю, и заглушить ее он может только пивом, виски и джином с содовой, и так, пока снова не начинает проклинать дитя, которое боготворит. Братья, у этого самого младенца была мать, но не было отца. Белый человек допускает это, о чем мне самому довелось услышать в так называемой «школе для обращенных», которую я посещал, дабы лучше познакомиться с их верой и успешнее противостоять ей. Родился младенец в семье плотника, достойного человека, которому в жизни выпал всего лишь один осел да еще жена, которая произвела на свет младенца Христа и при этом не спала со своим мужем. Клянусь вам, белые люди верят во все это. О предстоящем рождении младенца этой непорочной жене доложил человек с крыльями ндеге.^[39] Настоящей ндеге,

а не самолета. Птичьи крылья с перьями. И белый человек всему верит, а истинную религию считает языческой и ошибочной.

В то чудесное утро я не пытался вспомнить всю проповедь миссионера. Это было давно, и я успел забыть ее наиболее яркие места...

Утром, когда Муэнди принес чай, я уже встал, оделся и сидел у потухшего костра в двух свитерах и шерстяной куртке. Ночь оказалась очень холодной, и я не знал, распогодится ли днем.

Птица, знамение.

– Развести костер? – спросил Муэнди.

– Небольшой, на одного человека.

– Вы бы поели, – сказал Муэнди. – Мемсаиб уехала, и вы забываете поесть.

– Я не хочу есть до охоты.

– Охота может быть долгой. Поешьте теперь.

– Мбебиа не проснулся?

– Все старые люди проснулись. Спят только молодые. Кэйти сказал, чтобы вы поели.

– Ладно, поем.

– Что вам принести?

– Фрикадельки из трески и мелко нарезанный жареный картофель.

– Съешьте печень антилопы и бекон. Кэйти сказал, мемсаиб велела вам принимать таблетки от лихорадки.

– Где таблетки?

– Вот. – Он достал пузырек. – Кэйти сказал, чтобы вы съели их при мне.

– Хорошо, – сказал я и проглотил таблетки.

– Что вы надели? – спросил Муэнди.

– Полуботинки и теплую куртку для начала и нательную рубашку на случай, если станет жарко.

– Я потороплю остальных. Сегодня очень хороший день.

– Да?

– Все так думают.

– Тем лучше. Мне тоже кажется, что день будет хорошим.

– Вам что-нибудь снилось?

– Нет, – сказал я. – Правда нет.

– М'узури, – сказал Муэнди. – Я расскажу Кэйти.

В полдень стало очень жарко, и, хотя мы ничего не подозревали, впереди нас ждала удача. Мы ехали по территории заповедника, внимательно осматривая деревья, на которых мог укрыться леопард.

Леопард этот доставил много неприятностей, убить его меня просили жители шамбы, где он задрал семнадцать коз, и я охотился по поручению департамента охоты, так что, преследуя его, мы могли пользоваться машиной. Леопард, некогда официально считавшийся вредным животным, а теперь находящийся под охраной государства, ничегошеньки не знал о своем переводе в другую категорию, а не то он никогда не убил бы семнадцать коз, из-за которых стал преступником и вновь оказался в прежнем положении. Семнадцать коз за ночь, пожалуй, многовато, тем более что больше одной ему все равно никогда не съесть...

Мы выехали на великолепную поляну. Слева от нас стояло высокое дерево, две толстые ветви которого расходились параллельно земле: одна влево и другая, более тенистая, вправо. Это было раскидистое дерево с густой кроной.

– Вот идеальное место для леопарда, – сказал я Нгуи.

– Ндио, – сказал он очень тихо. – Он как раз на этом дереве.

Матока поймал наш взгляд и, хотя он не мог нас слышать и не видел леопарда, остановил машину. Я вышел из машины, прихватив старый спрингфилд, который держал на коленях, и, встав твердо на ноги, увидел леопарда, длинного и тяжелого, распластавшегося на уходившей вправо толстой ветви дерева. Очертания его длинного пятнистого тела растворялись в тени дрожащих на ветру листьев. Он лежал на высоте в шестьдесят футов в идеальном для такого чудесного дня месте, и с его стороны это было большей ошибкой, чем бессмысленное убийство семнадцати коз.

Я поднял винтовку, сделал глубокий вдох, выдохнул и выстрелил, целясь точно в загривок. Я взял высоко и промахнулся, и он, длинный и тяжелый, прижался к ветке, а я перевел затвор и выстрелил ему под лопатку. Послышался гулкий шлепок пули, и леопард, изогнувшись, как молодой месяц, упал, глухо стукнувшись о землю.

Нгуи и Матока хлопали меня по плечу, а Чаро жал руку. Ружьеносец Старика также жал мне руку и плакал, потрясенный зрелищем падающего леопарда. Минуту спустя я перезаряжал винтовку, и мы с Нгуи, от волнения прихватившим вместо дробовика ружье калибра 0,577, осторожно направились взглянуть на убийцу семнадцати коз, чья цветная фотография появилась на страницах центрального журнала задолго до его кончины, очистившей наконец мою совесть.^[40] Но тела леопарда мы не нашли.

Там, где он упал, осталась лишь ложбинка да следы крови, которые вели к островку густых кустарниковых зарослей слева от дерева. Кусты

стояли сплошной стеной, как мангровые заросли, и рукопожатий больше не было.

– Друзья мои, – сказал я по-испански. – Положение резко изменилось.

Оно действительно изменилось. Я знал, что делать дальше, Старик хорошо вымуштровал меня, но никогда нельзя предугадать, как поведет себя раненый леопард в густых зарослях. В таком случае у каждого леопарда свои повадки, но они обязательно нападают и при этом готовы на все. Вот почему первый раз я стрелял в загривок. Но теперь было слишком поздно анализировать промахи.

Больше всего меня беспокоил Чаро. Трижды его калечил леопард, и он был далеко не молод: никто не знал, сколько ему лет, но наверняка он годился мне в отцы. Чаро рвался в бой с одержимостью охотничьей собаки.

– Шел бы ты к дьяволу отсюда, залезь лучше на крышу машины.

– Хапана, бвана. Нет, – сказал он.

– Ндио, черт побери, ндио, – сказал я.

– Ндио. Хорошо, – сказал он, не добавив «нддио, бвана», что, как мы оба знали, звучало оскорбительно.

Нгуи заряжал винчестер крупной дробью. Мы еще ни разу не пользовались крупной дробью, а мне совсем не хотелось попасть в переделку, и я вытряхнул картечь, зарядил ружье свежими, прямо из коробки патронами с дробью № 8 и оставшиеся патроны рассовал по карманам. На близком расстоянии заряд мелкой дроби из плотно набитого дробовика не менее надежен, чем пуля, и я хорошо помнил, какое впечатление производит рана на теле человека, когда изнутри на кожаной куртке остается лишь сине-черный овал по краям небольшого отверстия, а весь заряд глубоко в груди.

– Квенда, – сказал я Нгуи, и мы пошли по кровавому следу. Я с дробовиком прикрывал прокладывающего путь Нгуи, а ружьеносец Старика стоял в кузове с ружьем калибра 0,577. Чаро не полез на крышу кабины, он сидел на заднем сиденье, держа наготове лучшее из наших копий.

Нгуи поднял из сгустка крови острый осколок кости и передал его мне. Это был обломок лопатки, и я сунул его в рот. Это невозможно объяснить. Я сделал это не задумываясь. Но теперь мы были связаны с леопардом более тесными узами, и я попробовал кость на зуб и почувствовал вкус свежей крови, мало чем отличающейся от моей, и понял, что леопард не просто потерял равновесие. Нгуи и я шли по следам, пока они не скрылись в густой части зарослей. Листья здесь были ярко-зеленого цвета и блестели на солнце, и следы леопарда, отпечатавшись на

земле, с каждым неровным прыжком уходили в толщу кустарника, и там, где он прополз, на листьях, на высоте его лопаток, остались капли крови.

Нгуи пожал плечами и покачал головой. Сейчас мы оба были сосредоточенными уакамба, и рядом не было ни одного умудренного жизненным опытом белого, который мог бы спокойно дать совет или яростно раздавать приказы, поражаясь тупости боев, и осыпать их проклятиями, словно непослушных гончих псов. С нами был лишь один, находящийся в ужасно неблагоприятном для него положении, раненый леопард, которого сбили выстрелом с высокой ветви дерева, и он, перенеся смертельное для любого из людей падение, занял оборону в укрытии, где, если ему удалось сохранить свою восхитительную, невероятную кошачью жизнеспособность, он мог изувечить каждого, кто рискнет отправиться за ним. Мне так хотелось, чтобы не было ни этих семнадцати коз, ни моего обязательства убить леопарда и сфотографироваться с ним для какого-либо из центральных журналов, и я с чувством удовлетворения укусил осколок лопаточной кости и подал рукой знак шоферу. Острый край расщепленной кости порезал мне щеку изнутри, и я почувствовал знакомый вкус моей крови, смешавшейся теперь с кровью леопарда.

Медленно и бесшумно подъехала машина, и никто не проронил ни слова. Нгуи показал на место, где укрылся леопард; мы с ним сели на крыло и на тихом ходу осторожно объехали островок зарослей. Следов, ведущих из островка, не оказалось, и стало ясно – леопард, если только он уже не умер, решил дать последний бой именно здесь.

Был разгар дня и очень жарко, и крохотный островок густых кустарниковых зарослей показался мне едва ли не более зловещим, чем все опасности, с которыми мне когда-либо приходилось встречаться. Конечно, находишься там вооруженный человек, это было бы значительно опаснее. Но тогда бы мы действовали иначе, и человек был бы убит или взят в плен.

Старик всегда учил меня не спешить, дать зверю время набраться уверенности и перед тем, как взяться за дело, выкурить по крайней мере одну трубку. Совет этот мало чем помог мне, ведь я не курил, а пить при таких обстоятельствах просто не решился бы. Так что я, нарочно оттягивая время, велел Матоке поставить машину с противоположной стороны островка и дал ему и Чаро по копыю. Если леопард выскочит с их стороны, им следовало завести мотор и сигналить: гудки мы услышим наверняка. Я также велел им громко разговаривать и вообще производить побольше шума. Но дольше тянуть было нельзя, и потому, как только Матока объехал заросли и заглушил двигатель, я сказал Нгуи и ружьеносцу Старика: «Квенда ква чуй» – «Мы идем к леопарду».

Пробраться к леопарду оказалось не так просто. У Нгуи были спрингфилд и отличное зрение. Ружьеносец Старика шел с ружьем, которое при выстреле опрокинуло бы его навзничь, правда, видел он ничуть не хуже Нгуи. Я взял издававший звуки любимый, однажды сгоревший, трижды восстановленный, потрепанный, гладкий, привычный винчестер, который в деле был проворнее змеи и, оставаясь неразлучным со мной вот уже тридцать пять лет и верно храня молчание обо всех наших секретах, успехах и неудачах, стал таким близким другом и спутником, каким может стать только человек...

Мы прочесали запутанные, переплетающиеся корни зарослей от начала кровавых следов, обозначивших место входа леопарда в чащобу, в левом, западном направлении, пока не показалась машина, но леопарда не обнаружили. Мы повернули назад и, крадучись, заглядывая в темень низких корневых лабиринтов, прошли в противоположную сторону. Леопарда не было, и мы пробрались обратно, к поблескивавшим на темно-зеленых листьях свежим следам крови.

Ружьеносец Старика стоял у нас за спиной, держа наготове двустволку, а я, сидя на корточках, начал горизонтальный обстрел корневых лабиринтов патронами с дробью № 8. На пятом выстреле леопард яростно зарычал. Рык донесся из глубины зарослей, слева от следов крови на листьях.

– Ты его видишь? – спросил я Нгуи.

– Хапана.

Я перезарядил магазин и быстро дважды выстрелил в ту сторону, откуда услышал рычание. Леопард вновь зарычал и затем кашлянул два раза.

– Пига ту, – сказал я Нгуи, и он выстрелил в том же направлении.

Леопард зарычал еще раз, и теперь уже Нгуи сказал: «Лига ту».

Я дважды выстрелил на рык.

– Я его вижу, – шепнул ружьеносец Старика. Мы встали, и Нгуи тоже увидел его, а я по-прежнему нет.

– Пига ту, – сказал я.

– Хапана, – ответил он. – Квенда ква чуй.

И мы снова вошли в заросли, но на этот раз Нгуи знал, куда идти. Мы продвинулись не более чем на ярд и уткнулись в небольшой земляной бугор, из которого торчали корни. Мы пробирались на корточках, и Нгуи подсказывал мне, куда двигаться, слегка дотрагиваясь то до левой, то до правой ноги. Наконец я разглядел ухо леопарда и пятнышки на загривке и лопатке. Я выстрелил ему в шею, у самого основания, и тут же выстрелил

еще раз; рыка не последовало, и мы, так же на корточках, выбрались из зарослей, я перезарядил ружье, и мы быстро обогнули островок с западной стороны и подошли к машине.

– Амекуфа, – сказал Чаро. – М'узури мкубва сана.

– Амекуфа, – сказал Матока. Они оба сумели разглядеть леопарда, а я нет. Они вышли из машины, и мы снова направились в заросли, и я велел Чаро держаться в стороне с копьем наготове. Но он сказал: «Нет, он мертв, бвана. Я видел, как он умер».

Я с дробовиком прикрывал Нгуи, пока он прорубал себе путь, снося ножом корни и кусты, словно это были наши враги, а потом он и ружьеносец Старика вытащили леопарда и мы вместе забросили его в кузов. Леопард был хорош, пусть не больше того, что убил Мейито, но мы охотились на него по всем правилам, как подобает братьям, и весело, и без белых охотников, егерей и следопытов, и к тому же он был приговорен к смерти за бессмысленное убийство в деревне уакамба, и все мы были выходцами из этого племени и умирали от жажды.

Крытые листовым железом крыши Лойтокитока поблескивали на солнце, и, когда мы подъехали ближе, показались эвкалипты и спланированная на английский манер улица, омраченная тенью британского могущества. Улица вела к небольшому форту, тюрьме и пансионам, где могли отдохнуть отправлявшие британское правосудие чиновники и клерки, если у них не хватало средств вернуться на родину. Мы не собирались нарушать их покоя, хотя для этого пришлось отказаться от прекрасного зрелища – садов с декоративными каменными горками и текущего по проложенному руслу порожистого ручейка, который ниже по течению превращался в речку.

В универсальной лавке толпились бойкие и ничего не покупающие женщины племени масаи, а чуть выше по улице их обманутые мужья попивали привезенный из Южной Африки херес «Голдн джип», держа в одной руке копье, а в другой бутылку... Я знал, где они собираются, и, стараясь не привлекать к себе внимания, прошел по узкой тенистой улице, заглянул в бар масаи, где сказал всем «соба», пожал несколько холодных рук и вышел, ничего не выпив. Пройдя восемь шагов, я свернул вправо, к мистеру Сингху. Мы обнялись, и я сначала пожал, а потом поцеловал руку миссис Сингх, что всегда доставляло ей большое удовольствие, поскольку она была из племени туркана,^[41] а я здорово научился целовать ручки. Это напомнило мне о путешествии в Париж, о котором она никогда не слышала, но украшением которого могла бы стать. Потом я послал за боем-переводчиком из миссии, и он, войдя, снял свои миссионерские ботинки и

отдал их одному из многочисленных, увенчанных опрятным тюрбаном и ядовито вежливых боев мистера Сингха.

– Как поживаете, мистер Сингх? – спросил я через переводчика.

– Ничего. Пока. Торгую потихоньку.

– А очаровательная мадам Сингх?

– Через четыре месяца должна родить.

– Felicidades, [\[42\]](#) – сказал я и снова поцеловал ее ручку, только теперь в стиле Альварито Каро, маркиза Вилламера, города, который мы некогда заняли, но вынуждены были оставить...

– Что нового скажете, мистер Сингх?

– Ровным счетом ничего, – сказал мистер Сингх, – разве что в зале вас поджидает некий сомнительный субъект.

– Кто такой?

– Один из ваших братьев масаи. Его жена спуталась с кем-то из ваших людей, если вам это интересно.

– Нисколько, – сказал я, и мистер Сингх остался доволен. Мы оба понимали, что в наших интересах давно уже следовало бы разобраться с этим малым.

Я вышел в салон для посетителей, где, опираясь одной рукой на не знавшее еще крови копьё, а в другой держа бутылку «Таскера», стоял крепко сбитый коричнево-желтый масаи, которому перевалило за тридцать два, а он все еще носил спадающий на глаза головной убор морани.

– Как дела, Симеон? – спросил я, заметив по мелким капелькам пота на верхней губе, плечах и подмышках, что это была его первая бутылка.

– А ваши, сэр?

– Отлично.

– Мы приняли к сведению, что Мемсаиб убила опасного льва.

– Очень мило с вашей стороны, – сказал я. – Пожалуйста, передайте старейшинам, что я приехал в город, дабы доложить об этом при первой же возможности.

– Поздравляю вас с последним чуи, сэр.

– Леопард – это пустяки.

– Вы застрелили его из пистолета или просто задушили?

– Тебя бы я мог пристрелить или просто повесить в один из прекрасных дней твоей жизни, а леопарда я убил из дробовика.

– Кажется, с ним охотятся на птиц.

– Точно.

– Очень странно.

– Сам ты немного странный, – сказал я. – Копье отравлено?

- Как и все копыя масаи.
- Сунь его знаешь куда?
- Я вас не понимаю.

Я выразился точнее и почувствовал, как мистер Сингх принял вторую позицию леопарда, а мадам Сингх, достойная дочь племени туркана, достала из-под прилавка дротик.

Перед тем как выйти в салон, я расстегнул кобуру. Мистер же Симеон, как говорят французы, то ли страдал комплексом неполноценности, то ли разыгрывал спектакль, в чем я сомневался, но в этом случае он, имея длинное копьё со стальным наконечником, делался непобедимым.

– Дайте мистеру Симеону жевательную резинку, – сказал я мадам Сингх, решив ускорить развязку. Я быстро опустил руку и слегка выгнул вверх бедро, на котором висела кобура, а миссис Сингх протянула коробку с жевательной резинкой. Она проделала это очень учтиво. Вообще-то все это выглядело нарочито и напоминало не совсем удачную комедию нравов, но мы имели честь знать Симеона еще с сентября, и потому я сказал:

– Симеон, может, лучше действовать, чем жевать резинку? Жена твоя жуёт резинку, когда некто спит с ней?

Но он не взял резинку и даже не пошевелился, и я повернулся к нему спиной и подождал, пока не ощутил холодок в паху, и не спеша направился к деревянной стойке и прилавку с галантереей. Я почувствовал, что покрылся испариной, и не без удовольствия заметил крупные капли пота под тюрбаном мистера Сингха. Такие же капли покрывали его щеки, чуть повыше бороды.

– Мистер Сингх, – сказал я. – Мы должны повысить уровень торговли в этом дука.

Я все еще опасался, что Симеон рискнет бросить копьё от двери, но он по-прежнему колебался, и в этом была его большая ошибка.

– Это трудно, – сказал мистер Сингх. – Торговля здесь так многообразна...

Мы вошли в заднюю комнату, и мистер Сингх протянул мне бутылку «Белого вереска», и я налил нам обоим. Никогда еще шотландское мужество, разбавленное простой водой, не было таким приятным на вкус.

– Жаль, что вы не пьете, мистер Сингх.

– Я всегда сожалел об этом, – сказал он. – Могу я позволить себе одно замечание?

– Ну что за вопрос!

– По-моему, не все в нашем недавнем спектакле было так уж необходимо.

- Вы совершенно правы. Не откажите в критике. Рад буду выслушать.
- Мне кажется, упоминание о недостойном поведении жены подвергло опасности оба ваши фланга.
- И тыл.
- В Лойтокитоке так мало развлечений. Позвольте поблагодарить вас за эту забаву. Я держал его на мушке.
- Ого!
- У меня есть на то разрешение, – сказал он. – Или не у меня. Какая разница? Кому хочется оказаться на виселице в наше-то время?
- Он повел плечом, и каким-то чудом в его левой руке оказался пистолет. Это был старый «уэбли».
- Восхитительно. А теперь обратно. Пистолет так же молниеносно исчез.
- Обычный эластичный шнур, – сказал мистер Сингх. – Нужно только, чтобы прочность и степень растяжения шнура точно соотносились с весом оружия.
- Просто замечательно.
- Мистер Сингх передал мне бутылку, я налил совсем немного, и мы оба добавили воды.
- Если хотите, я могу служить вам бесплатно, как доброволец, – сказал мистер Сингх. – Я теперь состою осведомителем сразу трех правительственных служб, которые совершенно не координируют информацию и плохо взаимодействуют.
- Не все так просто, как вам кажется, и эта империя существует не первый день.
- А вам она по душе?
- Я иностранец и гость и критикой не занимаюсь.
- Так вы хотите, чтобы я работал на вас?
- Это будут копии донесений для других служб?
- Нельзя сделать копию устной информации, разве что с помощью магнитофона. У вас есть магнитофон?
- С собой нет.
- Четырех магнитофонов достаточно, чтобы повесить половину Лойтокитока.
- У меня нет на это ни малейшего желания.
- У меня тоже. Кто тогда станет покупать в дука?
- Мистер Сингх, если бы мы делали все так, как положено, это вызвало бы экономическую катастрофу.
- Вместо нынешней катастрофы, – сказал мистер Сингх.

- А теперь мне пора вернуться к машине.
- Я провожу, если не возражаете. Три шага сзади и по левую руку.
- Пожалуйста, не беспокойтесь.
- Какое тут беспокойство!

Я попрощался с миссис Сингх, сказал ей, что мы подъедем на машине забрать три ящика «Таскера» и ящик кока-колы, и вышел на живописную главную и единственную улицу Лойтокиток.

Города с одной улицей вызывают то же чувство, что и небольшая лодка, узкий пролив, истоки реки или убегающая вверх по ущелью тропинка. Временами, после болота, пересеченной местности, пустыни и недоступных холмов Чиулус, Лойтокиток казался важной столицей, порой же он напоминал мне рю Ройаль. Сегодня это был просто Лойтокиток с оттенками Кода, Вайоминга в былые времена или Шеридана. Я внимательно, как на охоте, искал глазами Симеона, но под прикрытием мистера Сингха это была приятная беззаботная прогулка, и мы оба получили от нее удовольствие. Дойдя до универсальной лавки с широкими, как перед большим универмагом, ступенями, я подошел к охотничьей машине, вокруг которой толпились масаи, и сказал сидевшему за рулем Камау, что постерегу с винтовкой, пока он зайдет в магазин. Но он предпочитал сам остаться с винтовкой. Я поднялся по ступенькам в переполненную лавку и пробрался к вытянутому буквой «г» прилавку, чтобы купить медикаменты и мыло...

Нгуи пошел к мистеру Сингху. Он купил красивый порошок, чтобы покрасить мои рубашки и охотничьи жилеты в цвета масаи.

В присутствии мистера Сингха Нгуи спросил меня на камба, не хочу ли я переспать с миссис Сингх, и я с восхищением отметил, что либо мистер Сингх великий актер, либо у него не было времени или возможности выучить камба...

Когда я снова подъехал к ступенькам лавки, у входа собралось несколько масаи. Они ждали, не подвезу ли я их на машине вниз с горы.

– А ну их всех... – сказал Нгуи. Это было его любимое английское выражение. Во всяком случае, единственное, которое он часто повторял, поскольку с некоторых пор английский считался языком палачей, правительственных чиновников, служащих и вообще всех бвана. Это был прекрасный язык, но в Африке он постепенно отмирал и его терпели, но не любили. Но так как Нгуи, считавшийся моим братом, употребил его, то я ответил ему тем же и сказал: «И худых, и низких, и высоких...»

Нгуи посмотрел на назойливых масаи, которыми, родись он в былые и не столь уж отдаленные времена, он не отказался бы полакомиться, и

сказал на камба: «Только высоких».

Я попросил Нгуи достать мои копья и с появлением луны собирался отправиться на охоту. Это, конечно, здорово смахивало на мелодраму, но таков уж наш Гамлет. Все мы были очень взволнованы. И возможно, я больше других, ведь, дав волю языку – моя обычная ошибка, – я теперь вынужден был охотиться с копьем и без собаки. Но у меня был пистолет, и это было очень приятно, я любил пистолет и ощущение его тяжести у пояса и продолжал спокойно читать. Ждать оставалось недолго. Не пройдет и десяти минут, как взойдет луна, и Нгуи, должно быть, уже смазывает копья. Он не умел точить их, зато Чаро, не поехавший в Лойтокиток, любил копья и все, что с ними связано, и ухаживал за ними не хуже, чем за ружьями. Но перед тем как отправиться на охоту, копье нужно проверить и смазать.

Я уже забыл, когда впервые начал охотиться с копьем. Помню, мы обучались владеть копьями на нашей первой стоянке в Селенгаи. Тогда я охотился на птиц с группой морани из племени масаи, и это были лучшие из воинов – молодые, неизбалованные и совершенно неиспорченные. Мы познакомились с ними в джунглях на острове, расположенном между двумя рукавами высохшей реки, чуть дальше за Селенгаи. Они возвращались после какого-то обряда, состоявшегося в глубине острова. По ритуалу во время этого ежегодного обряда полагалось есть мясо, и после торжественной церемонии они были веселы и возбуждены, как хорошая футбольная команда сразу после мессы.

Я был один, да к тому же незваный гость в их стране, и не говорил на языке масаи, и они, разыгравшись, держались несколько воинственно. Но они никогда не видели дробовика и не понимали, как можно подстрелить летящую птицу, и, пока мы стояли и присматривались друг к другу, я, не сходя с места, выстрелил по двум шумно вспорхнувшим куропаткам, и, увидев, как птицы глухо рухнули в кустарник, они пришли в совершеннейший восторг. Они нашли и принесли птиц, и восхищенно поглаживали их, и с тех пор мы стали охотиться вместе. Нас было слишком много, чтобы охотиться на крупных зверей, но они высматривали усевшихся на деревьях цесарок, которых я ни за что бы не заметил. Крупные птицы, нахохлившись, сидели высоко на ветках, и стоило им показать мне одну, как тут же рявкал дробовик, и птица, ударяясь о ветви, падала вниз, и затем раздавался последний глухой удар. Случалось, что и вторая птица, встревоженная выстрелом, взмывала вверх и, в последний раз мелькнув на фоне ясного неба, неожиданно, с таким же глухим стуком, падала на землю (однажды угодив прямо на одного из морани), и тогда мы

обнимали друг друга.

В этом районе водились носороги, и я попытался объяснить, что нам следовало бы быть осторожнее, но морани решили, что я хочу убить носорога, а с дробовиком это практически невозможно, и тут они показали мне, на что способны их копья. Именно тогда, думаю, я и увлекся охотой с копьем. Меня беспокоил такой метод охоты на носорога, когда дробовик должен был взаимодействовать с копьями масаи, но я полагал, что, случись нам встретиться с носорогом, лучше всего стрелять по глазам или, для верности, в один глаз, а там – будь что будет. Потом я подумал, что носорог все равно едва видит, зато его нос действует безотказно, но, возможно, вторым выстрелом я смогу поразить и нос, если только у меня хватит духа не смазать пятки, а это совершенно недопустимо на глазах у моих новых друзей, так что мы охотились весьма беззаботно.

Очевидно, в то время масаи в возрасте моих друзей не были обременены какими-либо обязанностями, кроме охоты, и мы отправлялись в лес всякий раз, как у меня было свободное время, и я попытался выучить язык масаи, а заодно и овладеть искусством охоты с копьем, к чему относился с большим уважением, и наш небольшой отряд истребителей куропаток и потенциальных борцов с носорогами был известен как «Честные Эрни»... Вскоре «Честные Эрни» должны были оставить меня. Я так и не узнал почему; каким-то образом это было связано с тем же ритуальным праздником, который однажды послужил нашей удачной встрече в лесу. Все они унесли на память по патрону дробовика и по одноцентовой монете с дырочкой, простреленной пулей из пистолета, причем каждый держал монету, крепко зажав ее между большим и указательным пальцем правой руки. Пожалуй, это было единственной традицией отряда, и нам так и не довелось сразиться с носорогом или подстрелить что-нибудь покрупнее цесарки. Я не успел толком научиться владеть копьем и осилил не более двенадцати слов на языке масаи, но время это не пропало для меня даром.

Луна показалась из-за склона горы, и я пожалел, что со мной нет хорошей большой собаки и что я не сумел сдержать свой язык. Однако горевать об этом было поздно, и я проверил копья, надел бесшумные мокасины, поблагодарил Нгуи и вышел из палатки. Двое моих людей с винтовками и запасом патронов стояли на часах, над палаткой висел фонарь, и я, оставив позади огни лагеря, отправился в путь.

Приятно было ощущать в руке тяжесть копья. Чтобы рука не скользила, древко было обтянуто пластырем. Зачастую, когда пользуешься копьем, подмышки и предплечья покрываются обильным потом, и он

стекает на черенок. Идти по скошенной траве было легко, и вскоре я почувствовал под ногой укатанную колею ведущей ко взлетной полосе дороги и чуть позже вышел на другую дорогу, которую мы величали Великим Северным путем. Это был мой первый самостоятельный ночной выход с копьем, и мне очень не доставало кого-нибудь из «Честных Эрни» или хотя бы большой собаки. Немецкая овчарка всегда предупреждает, не прячется ли кто-нибудь в очередном островке зарослей, она тут же забегает сзади и тычется мордой в ногу на уровне коленки. Но как бы мне ни было страшно, охота ночью с копьем – это большое удовольствие, за которое надо платить, и, подобно всем истинным удовольствиям, оно, как правило, стоило того. Мэри, С. Д. и я позволяли себе много удовольствий, и некоторые из них потенциально могли дорого обойтись нам, но они всегда оправдывали риск. Остужение скучных, разлагающих будней куда опаснее, думал я, и вновь принялся осматривать всевозможные заросли и высохшие деревья, в которых, как мне казалось, обязательно должны быть змеиные норы, а мне бы не хотелось наступить на выползших на охоту кобр...

Еще в лагере я слышал двух гиен, но сейчас они стихли. Я слышал льва и решил держаться от него подальше... Кроме того, в этой местности водились носороги. Впереди, на равнине, я увидел в лунном свете какую-то спящую тушу. Это оказался самец гну, и я повернул в сторону от него и снова вышел на тропинку.

Вокруг было много ночных птиц и ржанок, и мне попало несколько лисиц и зайцев, но глаза их не светились, как это бывало, когда мы проезжали на лендровере, – фонаря у меня не было, а лунный свет не давал отражения. Луна теперь стояла высоко и светила довольно ярко, и я шел вдоль колеи, радуясь своей ночной прогулке, и совершенно не боялся встречи с любым зверем. Я посмотрел назад: огней лагеря не было видно, осталась лишь огромная квадратная, поразительно белая в лунном свете гора, и мне вовсе не хотелось никого убивать. Я мог бы, возможно, убить гну, но тогда мне пришлось бы свежевать тушу и сторожить ее от гиен или поднять лагерь, и вызвать грузовик, и быть в центре всеобщего внимания, и я подумал, что только шестеро из нас будут есть мясо гну, а к приезду мисс Мэри мне хотелось добыть что-нибудь получше.

Итак, я продолжал идти, прислушиваясь к движениям мелких животных и крику взлетающих из пыли птиц, и думал о мисс Мэри и о том, что она делает в Найроби, и как она будет выглядеть с новой прической, и что через день она опять будет со мной. К тому времени я почти дошел до места, где мисс Мэри убила своего льва, и отсюда услышал рычание леопарда, охотившегося слева от меня на краю большого болота. Я решил

было пойти к солончакам, но там какое-нибудь животное непременно ввело бы меня в соблазн, и я повернул назад к лагерю и пошел по проторенной тропинке, любуясь горой и совершенно не думая об охоте.

Лежа в постели, приятно было вспомнить замечательных и уважаемых вралей и кое-что из их наиболее впечатляющих небылиц. Форд Мэдокс Форд был, пожалуй, величайшим вралем из всех известных мне штатских, и я думал о нем если не с любовью, то по крайней мере с уважением. Когда однажды поздним вечером в старой студии Эзры Паунда на рю Нотр-Дам-де-Шан я впервые услышал его поразительные и откровенные рассказы, я был шокирован и даже оскорблен. Передо мной стоял человек, годившийся мне в отцы, самозванный мастер английской прозы, который врал так явно, что мне было стыдно. После того как Форд и его очередная подруга жизни, на которой он не мог жениться, потому что никак не мог толком развестись, ушли, я спросил, часто ли этот странный человек с тяжелым, противнее, чем у гиены, дыханием, плохо пригнанными зубами и напыщенными манерами, напоминающими пыхтение первых и неудачных моделей гусеничных бронемашин, так много врет людям, хорошо знакомым с предметом его разглагольствований...

В ту пору Эзра еще пытался воспитывать меня (занятие, которое он позже оставил как безнадежное), а я учил его боксировать. Правда, здесь я был вынужден отступить, и он занялся игрой на фаготе. Я не мог слушать его игру на фаготе и попытался заинтересовать Эзру контрабасом или тубой – двумя не слишком сложными инструментами, которые, я полагал, он сможет осилить, но по тем временам ни один из нас не располагал средствами, чтобы купить столь громоздкие инструменты, так что мне просто пришлось умерить свои визиты в студию, и мы с Эзрой встречались каждый полдень во время игры в теннис.

В этом виде спорта мы одинаково не преуспевали. Мы играли на платном корте, расположенном как раз напротив места, где установлена гильотина и где устраивались по-прежнему любимые французами утренние представления, и потому время от времени тротуар оказывался свежевывытым. Накинув пальто, коим для меня лично служила подстежка от старого непромокаемого пальто из ткани «барберри», мы подходили к металлическим воротам корта и вызывали звонком консьержа.

В то время я мало что мог себе позволить, кроме работы – единственного занятия, доступного нам с самого рождения, да еще оплаты продуктов и жилья для моей жены и ребенка. Эзра также был весьма небогатым человеком и одно время жил в Лондоне на бюджете, позволявшем ему одно утиное яйцо в день, так как он где-то вычитал, что

утиные яйца были на семьдесят процентов питательнее куриных, и мы наслаждались нашим теннисом и играли в него, как нам казалось, с изяществом дикарей.

Итак, я думал обо всем этом и о веселых ночах в Гаване, которые сменялись дневной стрельбой по подбрасываемым в воздух глиняным мишеням.

Это были последние беззаботные месяцы за многие годы. Мне, как писателю и просто человеку, не верилось, что после Испании и Китая вновь разразится разрушительная война. Правда, мне повезло, и я успел по крайней мере написать одну книгу. Потом я перестал думать о Гаване, хотя, вспоминая Гавану, никогда не чувствуешь себя одиноким, и стал думать о гражданской войне в Испании. Эти воспоминания также прогоняют одиночество, правда, обычно после окончания войны я старался не думать и не вспоминать о ней, но временами это было невозможно.

Ночью я лежал и слушал, и пытался понять голоса ночи. Кое в чем Кэйти был прав, ночь для всех оставалась загадкой. Но я собирался разгадать ее, и по возможности самостоятельно. Я не хотел делить это удовольствие с кем-либо. Можно делиться, когда речь идет о деньгах, но женщину ни с кем не делят, а я не стану делить ночь. Я не мог заснуть и не принимал снотворное, потому что хотел слушать ночь и еще не решил, идти ли на охоту с появлением луны. У меня не было достаточного опыта в обращении с копьем, чтобы охотиться в одиночку и не попасть в неприятную историю, и к тому же это был мой долг, и притом приятный, — оставаться в лагере, ожидая возвращения мисс Мэри... И я подумал, что добрая половина моей жизни, которую принято считать лучшей, — это ночи, проведенные с женщинами, получавшими или не получавшими удовольствие от любви; женщинами, всегда оставлявшими длинные сигаретные окурки и начинавшими свои предложения со слова «дорогой».

Слово это так приедается мужчине, а погасшие окурки пахнут так отвратительно, и я думал обо всех этих не вдохновляющих и ничего не дающих ни уму ни сердцу вещах и прислушивался к ночи, обыкновенной ночи, многообещающей и манящей, как блудница, но только не для меня. Я слишком долго не спал и, слушая, незаметно заснул.

Не было еще ни одной проведенной в одиночестве ночи, когда бы меня не посещали приятные или, напротив, изматывающие сны. Иногда их трудно запомнить, особенно если тебя разбудили выстрелы из стрелкового оружия, или телефон, или раздраженная жена; но обычно сны стоили того, и этой ночью мне приснилось, что я в кабачке или, вернее, в «гастхаусе», в кантоне Вод в Швейцарии. Со мной была моя первая и самая любимая

жена – мать моего старшего сына, и, чтобы согреться, мы спали, крепко прижавшись друг к другу, как лучше всего спать любящим людям, особенно в холодную ночь. Фасад гостиницы и беседка были увиты ветвями глицинии или винограда, и конские каштаны в цвету напоминали залитые воском канделябры. Мы собирались на рыбалку на Ронский канал, а за день до этого удили рыбу в Стокальпере. Стояла ранняя весна, и от талых вод обе речушки были молочного цвета. Моя первая и лучшая жена, как всегда, крепко спала, и я чувствовал тепло и аромат ее тела и цветущих каштанов, и голова ее лежала у меня на груди, и мы спали, доверчиво прижавшись друг к другу, как котята. Случалось, мне снились сны, вызванные наследием или последствиями скверной войны, и тогда по ночам мне хотелось лишь забыться или его сестры смерти... Но этой ночью во сне я спал счастливо, обняв свою любимую, и ее голова покоилась у меня на груди, и, проснувшись, я с изумлением думал о том, сколько возлюбленных, которым мы до поры до времени храним верность, может быть у мужчины, и еще о чудных рамках морали в различных странах, и о том, кто же все-таки может определить, что такое грех.

У Нгуи, что совершеннейшая правда, было пять жен и двадцать голов скота, хотя в этом мы сомневались. У меня, как полагалось в Америке, была одна законная жена, но все с уважением вспоминали мисс Полин,^[43] которая приезжала в Африку много лет назад, и наши друзья, особенно Кэйти и Муэнди, любили и восторгались ею и, по-моему, считали ее моей темноволосой женой-индианкой, а Мэри – белокурой женой-индианкой. Они не сомневались, что, пока мы с Мэри находимся в Африке, мисс Полин присматривает дома за шамбой, и я не говорил им о смерти мисс Полин, потому что это бы их опечалило. Никто также никогда не рассказывал им о другой жене, которая им наверняка не понравилась бы. Считалось само собой разумеющимся, причем так думали даже наиболее консервативные и скептически настроенные старейшины, что если у Нгуи пять жен, то у меня, в силу различия в нашем финансовом положении, их должно быть по крайней мере двенадцать.

Полагали также, что я был женат и на мисс Марлен, которая, судя по полученным мною фотографиям и письмам, работала в принадлежащей мне небольшой увеселительной шамбе, именуемой Лас-Вегас. Они знали мисс Марлен как автора «Лили Марлен», и многие люди действительно думали, что это ее настоящее имя, и все мы сотни раз слушали на старом патефоне ее песню «Джонни», и следующей была мелодия «Рапсодия в стиле блюз», и мисс Марлен пела о «мотыльках вокруг огня».^[44] Мелодия

эта глубоко волновала нас, и, когда порой, находясь вдали от своей увеселительной шамбы, я пребывал в мрачном или подавленном состоянии, Моло, единокровный брат Нгуи, спрашивал: «Мотыльки вокруг огня»? И я просил поставить пластинку, и он заводил патефон, и все мы с удовольствием слушали красивый, глубокий, необыкновенный голос моей несуществующей жены, певшей в увеселительной шамбе, которой она так успешно и преданно заправляла.

Наверное, потому, что я не спал и сомневался, удастся ли мне вообще заснуть, я думал еще об одной знакомой, которую в то время очень любил. Это была длинноногая американка, широкоплечая, с обычной для американок пышной грудью, что особенно нравится тем, кто не познал прелестей небольшой, упругой, правильной формы груди. Но эта девочка, с красивыми ногами негритянки, была очень нежной, правда, она постоянно на что-нибудь жаловалась. Ночью, пока не спалось, думать о ней было довольно приятно, и я вспоминал ее, и коттедж, и Ки-Уэст, и охотничий домик, и всевозможные игорные заведения, где мы бывали, и пронизывающий утренний холод, когда мы вместе охотились, и порывистый ночной ветер, и вкус горного воздуха, и запах шалфея в те дни, когда она еще интересовалась охотой на что-либо, кроме денег. Человек никогда не бывает по-настоящему одинок; даже когда в предполагаемых темных глубинах души время останавливается в три часа утра, это лучшие часы человека, если только он не алкоголик и не страшится ночи и того, что принесет грядущий день. В свое время я боялся ничуть не меньше, чем любой человек, а может быть, даже больше. Но с годами страх стал казаться мне своего рода глупостью, такой, как, например, превышение банковского кредита, получение венерического заболевания или пристрастие к наркотикам. Страх – порок молодости, и, хотя мне нравилось ощущать его приближение, что, впрочем, касалось всякого порочного чувства, все же испытывать его было недостойно взрослого мужчины, и единственное, чего следовало бояться, так это соприкосновения с настоящей и неминуемой опасностью, да и то ты не должен терять контроль над собой и делать глупости. При столкновении с настоящей опасностью от инстинктивного страха испытываешь покалывание в затылке, а если ты утратил подобную реакцию, значит, пора заняться чем-нибудь другим. Итак, я думал о мисс Мэри и о том, какой она была смелой все девяносто шесть дней охоты на льва, и это при том, что из-за небольшого роста она никак не могла толком выследить его и занималась новым для себя делом, не имея достаточного навыка и соответствующего снаряжения, и о том, как она силой своей воли

заставляла всех нас вставать за час до рассвета, и о том, как однажды Чаро, преданный и любивший мисс Мэри, но старый и уставший от схваток со львом человек, сказал мне: «Бвана, убей льва, и покончим с этим. Женщине не дано убить льва».

Но мы продолжали бесконечные преследования, и мисс Мэри убила своего льва, как того хотел во время своей последней охоты Старик, а потом охота приняла неудачный оборот, и Мэри подозревала всех нас.

В Африке всегда пребываешь в состоянии счастливой беззаботной грусти... Но из всех нас лишь один осведомитель испытывал угрызения совести. Он таскал с собой раскаяние, как носят бабуина на плече. Раскаяние – прекрасная кличка для скаковой лошади, но плохой попутчик в жизни человека. У меня была воистину восхитительная бабушка с лицом ангела, если только ангелы могут быть похожи на орлов, и однажды, проведя шесть дней у моей постели после того, как я, боксируя под чужим именем, получил сотрясение мозга (в ту пору никто не хотел платить денег, чтобы посмотреть, как дерется мальчишка по фамилии Хемингуэй), она, написав мне объяснительную записку за пропуск занятий в школе, сказала:

– Эрни, обещаю тебе делать только то, чего тебе действительно хочется. Всегда поступай так. Я уже старая женщина, и я всегда старалась быть хорошей женой твоему деду, а ты сам знаешь, каким он подчас бывает. Но я хочу, чтобы ты запомнил, Эрни. Ты запомнишь, Эрни?

– Да, бабушка, я могу запомнить все, кроме шести раундов.

– Не в них дело, – сказала она. – Запомни-ка лучше вот что. Единственное, о чем я жалею, так это о том, чего я не сделала.

– Спасибо большое, бабушка. Я постараюсь запомнить.

Бвана Хемингуэй

Имя Хемингуэя знакомо всем. Многие знают, что Хемингуэй не только (а некоторые полагают, что и не столько) писатель. Затруднительно даже составить полный список «лиц», в которых он един, однако все эти лица – «действующие», и все созданы им самим. Писатель-классик американской литературы XX века, военный, журналист (можно и без запятой: военный журналист), спортсмен во всем, от художественной прозы до выпивки (в промежутке его «многоборье» включало бокс, поэзию, охоту, остроумие, рыбалку, умение заработать, лыжи, бахвальство, навигацию, медицину, партизанское движение, секс и многое другое, в чем он соревновался неустанно), путешественник и «международный миф» – все это Эрнест Хемингуэй, автор книги, которую вы держите в руках.

Сейчас нам трудно представить размеры его былой популярности, хотя и ее нынешние остатки весьма внушительны. Хемингуэй до сих пор не перестал быть предметом интереса средств массовой информации: отдельные фрагменты его биографии становятся темой для радиопередач, приезд его родственников в Россию освещается в прессе. По художественным произведениям ставятся фильмы, а такие «хиты», как «Прощай, оружие!» и «Фиеста» («И восходит солнце») переиздаются вновь и вновь. В Соединенных Штатах Хемингуэй прочно укрепился в университетской программе, а это верный залог того, что многие из тех, кто читает книги в Америке, будут его читать. Имя Хемингуэя не забыто и в Европе, где он провел весьма значительную часть своей жизни: Италия, Испания, Франция (особенно Париж) хранят его следы в своей истории – военной, политической, культурной. Ступала нога знаменитого писателя и на другие континенты – африканский и южноамериканский, подтверждением чему служат сотни фотографий, отснятый киноматериал и тексты, художественные и публицистические, порожденные «Папа» (так звали его многие) во время и после кратких или долгих посещений различных уголков планеты.

Африканская часть хемингуэевского опыта почти полностью вмещается в настоящее издание, с одной оговоркой: это не совсем художественные произведения (существуют и художественные, например, рассказ «Снега Килиманджаро»). И «Зеленые холмы Африки», и «Лев мисс Мэри» принадлежат к оксюморонному жанровому образованию «художественной публицистики», частично захватывая также территорию

«путевых заметок», «автобиографической прозы» и «приключенческой эссеистики» (последнее понятие наименее строгое и одновременно наиболее точное: автор и описывает приключения, и – периодически – излагает те или иные свои соображения).

На момент создания «Зеленых холмов Африки» (Green Hills of Africa, 1935) Хемингуэй уже был всемирно известен как автор романов и рассказов, «новатор» в области стиля, главный представитель «потерянного поколения», чьими произведениями зачитывались тысячи людей, кем восхищались многие маститые литераторы, включая Джойса. Однако Хемингуэй, мастер слова, чрезвычайно гордый своим литературным даром и завоеванным признанием, не останавливался ни перед чем, чтобы доказать всему миру, что он еще и мастер дела. Его путешествия по Африке – одно в 1930-е годы, второе в 1950-е – стали очередным делом, которое он к тому же документировал самостоятельно: отчетом о первом сафари являются вышедшие через год после возвращения писателя на родину «Зеленые холмы Африки», о втором – опубликованный через десять лет после смерти Хемингуэя в журнале Sports Illustrated (1971–1972) «Африканский дневник», вторая часть которого называлась «Лев мисс Мэри» (Miss Mary's Lion) и дала название всему произведению, известному у нас под этим заглавием.

«Зелёные холмы Африки» принадлежат к классическим образцам хемингуэевской прозы. Между тем, суггестивная установка на изображение «настоящей» Африки, и в частности ее животного мира, в этом произведении настолько высока, что первый (сокращенный) перевод «Зеленых холмов Африки» в Советском Союзе был снабжен послесловием доктора биологических наук. «Я сделал попытку написать абсолютно правдивую книгу, чтобы увидеть, уступает ли описание страны, в которой я прожил месяц, если это точно рассказать, выдумке и воображению», – поведал писатель в одном из интервью; известно также, что при написании «Зеленых холмов Африки» Хемингуэй сознательно пользовался своим художественным арсеналом: словесный пейзаж, характеристики персонажей, диалоги, внутренний монолог, компрессия времени, хронологические перестановки и т. д. Таким образом, книга интересна как для любителей путешествий и африканской экзотики, так и для поклонников творчества Эрнеста Хемингуэя.

Писателя мало волновало то, что возможности любого «правдивого» повествования, будь то дневник, репортаж, исторический труд, биография (автобиография) или мемуары, ограничены в силу недостижимости объекта описания в его полноте. С задором, свойственным американцам, и

смелостью, которую он считал одним из своих основных качеств, мастер принялся за дело, компенсируя недостаток возможностей жанра честностью и последовательным нежеланием что-либо скрывать. Так, читателю сообщается: когда «бвана» (на суахили – «господин») Хемингуэй соврал своим товарищам по охоте. Подтрунивать над страстью бваны, любящего прихвастнуть, вошло в привычку его спутника и наставника Старика (Рор) – Джексона Филипса. Под этим именем в «Зеленых холмах Африки» выведен Филипп Персиваль, белый охотник, который сопровождал Хемингуэя в первом сафари, а в 1953 году встретил его как старый друг.

«Сейчас буду хвастать», – честно предупреждает туземцев Эрнест в двенадцатой главе. Репутация заправского хвастуна, сопровождавшая Хемингуэя по жизни, соседствовала также со славой великого «враля», каким он провозглашал себя сам, считая, что хороший писатель не может не быть хорошим лжецом (здесь Хемингуэй сходил с Уильямом Фолкнером, который высказывался в том же ключе). Способность сочинять оттачивалась автором «Зеленых холмов» и в повседневности; по мнению некоторых людей, знавших его лично, грань между правдой и вымыслом была для Хемингуэя настолько тонка, что он всегда мог ею пренебречь. В результате многие анекдоты, гуляющие по биографиям Хемингуэя, весьма сомнительны с точки зрения факта.

Категория «правдивости» в свете всего вышесказанного вряд ли может быть принята за основополагающую при оценке как «Зеленых холмов Африки», так и «Льва мисс Мэри». Довольно подробно воссоздавая ход событий, комментируя каждый выстрел и каждый разговор, автор приглашает нас почувствовать «чудесный запах Африки» с помощью его, автора, собственного обоняния. Объект «Африка» дается нам через субъект «Хемингуэй», в процессе чего этот субъект, в свою очередь, становится объектом изображения. Мы многое узнаем об африканских природных ландшафтах, о потрясающем богатстве фауны, столь поразившем Хемингуэя в первую поездку и понятом им скорее как изобилие дичи, о местных жителях – проводниках и ружьеносцах, характеры которых мастерски обрисованы несколькими штрихами, о неудачах и «радостях охоты», о заметных происшествиях и будничных мелочах; но гораздо больше узнаем мы о самом Эрнесте Хемингуэе – о таком Хемингуэе, каким он представляется самому себе. И степень самораскрытия автора как героя собственного повествования значительно выше, чем у хемингуэевских персонажей – главных действующих лиц его романов и рассказов. В этом принципиальное отличие «Зеленых холмов Африки» от художественных

текстов писателя: решив писать правдиво, он во многом отказался от применения к самому себе техники «айсберга» (письмо, при котором в тексте фиксируются только внешние детали и события, а большая часть внутреннего мира героев и логические связки событийной цепи остаются «под водой», в импликации).

Любопытно, что некоторая художественная наивность, возникающая при создании «автопортрета» от желания быть честным, во-первых, не становится, при всей искренности автора, гарантией абсолютной достоверности «образа» Хемингуэя в «Зеленых холмах Африки» (остается зазор между «таким и был Э. Хемингуэй» и «таким Э. Хемингуэй видел себя»), а во-вторых, не распространяется на другие элементы повествовательной ткани – «персонажей» и «сюжет». Книга написана просто, но не безыскусно, как и известные произведения Хемингуэя; знаменитый «телеграфный» стиль, менее «прореженный», чем в художественных текстах, тем не менее, хорошо просматривается. Не хватает в сюжете лишь смерти главного героя, но подобный ход недопустим в автобиографическом жанре; а «пожалеть» можно всю длинную вереницу красивых животных, убитых Хемингуэем и его товарищами, особенно если вспомнить, что как раз количество «трофеев» соответствовало действительности. Несмотря на общепринятую охотничью традицию рассказывать бессовестные байки о заваленных хищниках невообразимых размеров и прочих подвигах, здесь Хемингуэй ничего не выдумывал.

Сочувственное отношение к животным, однако, было бы привнесено в текст извне – читателем. Сам автор любит подстреленными львами, леопардами, носорогами, буйволами, сернобыками, различными видами антилоп и т. д. (исключение составляют гиены, к которым он испытывал отвращение и которых считал необходимым отстреливать), но жалости к ним не чувствует. Их смерть от пуль охотника – в порядке вещей. Некоторая доля «экологической сознательности» возникнет в позднем «Льве мисс Мэри», где Хемингуэй иногда предпочитает наблюдать за жизнью зверей, не убивая их. Однако если учесть, что в главном бескровном эпизоде – ночной вылазке в третьей части «Льва мисс Мэри» – автор вооружен лишь копьем и отправился на охоту в одиночку, чтобы подтвердить действием свое очередное хвастовство, для чего самого выхода вполне достаточно, то и здесь фактор сохранения дикой природы и жалости к живым существам оказывается несколько оттесненным на задний план.

Итак, Африка и охота – центральные мотивы произведений, вошедших в настоящий сборник. И то, и другое доводится до читателя

через восприятие автора-героя, прежде всего – как предметы живейшего интереса последнего. И это вполне практический интерес.

Быть бесстрашным охотником и лучшим стрелком (а также рыбаком, пьяницей, драчуном, солдатом, матросом и т. д. и т. п. – одним словом, «настоящим мужчиной») ничуть не менее важно, чем быть великим писателем, полагал Эрнест Хемингуэй. Африка привлекала его задолго до 1933 года, когда он впервые оказался на экзотическом континенте. По мысли Хемингуэя, полностью освоенная территория Соединенных Штатов больше не представляла интереса для любителя острых ощущений, желающего помериться силами с дикой природой; времена «фронтира» отошли в далекое прошлое, современному искателю приключений негде развернуться в Америке, где наступление цивилизации обернулось исчезновением огромной части былых богатств и осквернением оставшихся («С нашим появлением континенты быстро дряхлеют»).

К 1930-м годам количество дичи в Африке уже стремительно приближалось к критической отметке: охотники-спортсмены, собиратели шкур и рогов, съезжались сюда с середины XIX века; значительно постарались колонизаторы-европейцы. Но по сравнению с Америкой здесь был простор для покорителя природы и царя зверей – настоящего мужчины. Здесь находился еще один, де военный и не морской, но охотничий полигон для проверки «хемингуэевского мужества», его «доктрины героизма». Охота на крупного зверя давала Хемингуэю возможность еще раз доказать – окружающим и себе – свою физическую силу, храбрость перед лицом опасности, твердость духа, умение выжить в экстремальных условиях. «Ничо не боюсь!» («Fraid o'nothing!»), – кричал Хемингуэй, будучи маленьким мальчиком. Став взрослым, он каждый миг своей жизни доказывал собственное бесстрашие. Выстрел, разбудивший жителей усадьбы Хемингуэя в Кетчуме, штат Айдахо, 2 июля 1961 года, не просто поставил точку в жизни нобелевского лауреата за девятнадцать дней до его шестидесятидвухлетия; эту точку поставил он сам, следуя непреодолимому (уже подстегиваемому паранойей) желанию не спасовать и перед смертью.

До того, как отправиться в Африку, Хемингуэй много читал о ней, но реальность превзошла его ожидания. Ощущение неповторимости собственного опыта было, возможно, одним из стимулов, заставивших его взяться за перо: прочитанные ранее книги меркли перед тем, что он пережил в Африке сам.

На материале хемингуэевской «африканы» можно очертить круг чтения самого Эрнеста Хемингуэя. Первая глава «Зеленых холмов

Африки» излагает эпизод встречи охотников с неким Кандиским (настоящее имя – Ганс Коритшонер) – австрийцем, презиравшим охоту и жаждущим обсудить известных литераторов. «Поэт Хемингуэй», фамилия которого известна Кандискому (иначе тот рисковал бы и вовсе не попасть на страницы правдивой истории), поддерживает беседу без особого энтузиазма, но отзывается о десятке с лишним литературных имен, среди них Г.Джеймс, Твен, Киплинг, Флобер, По, Мелвилл, Эмерсон, Готорн, Торо (последний – единственный, кого он «не удосужился прочесть»). Из классики XIX века в тексте упоминаются также Толстой, Тургенев, Стендаль... список можно продолжить. Однако классик XX столетия с удовольствием поглощал и куда менее «серьезные» образцы художественной прозы (Бирмингам, Хэнли) – в основном, приключенческие романы, – а также воспоминания путешественников, книжки по истории, популярной географии, – одним словом, по близкой его образу жизни тематике. Основываясь на высказанных в «эссеистических» фрагментах «Зеленых холмов Африки» и «Льва мисс Мэри» замечаниях по поводу прочитанного, можно восстановить некоторые особенности его собственной позиции – в литературе и вне ее: «...Я устроился в обеденной палатке и стал читать книгу об одном человеке, который в свое время героически командовал подводной лодкой, был страшно везучим, а под конец ужасно непокорным и написал эту полную ложной скромности и горечи книгу. В тот год вышло много книг о беглецах, альпинистах, водолазах, бывших летчиках, подводниках всех национальностей, искателях приключений в Африке, людях „Мау-мау“, и одна необычайно хорошая книга полковника Линдберга, читая которую можно было ясно представить себе Линдберга-человека и вместе с ним совершить опасный, удивительный и интересный перелет через Атлантику» («Лев мисс Мэри»).

Выделенная из потока печатной продукции книга Линдберга соответствует пристрастиям и интересам Хемингуэя-читателя («ясно представить себе человека» и «совершить вместе с ним»): с головой погрузиться в мир произведения, ощутить себя главным героем и прожить его приключения как свои. О том же свидетельствует и целый ряд пассажей из «Зеленых холмов Африки» («...благодаря Тургеневу я сам жил в России, так же как жил у Будденброков...» и т. п.).

Одновременно за всем этим кроется и определенная авторская «программа», подспудно формулируются собственные творческие задачи, предоставляется своего рода «инструкция» читателю: чего следует ожидать от произведений Хемингуэя, а что там искать бесполезно. К последнему

разряду относятся «разговоры» из первой части «Зеленых холмов Африки»: все они не более чем «литературная болтовня», которая ничего не значит. Умные беседы – пустая трата времени, не достойная настоящих мужчин; в этом смысле просьба Кандиского в первой главе «Расскажите мне о Джойсе – какой он?» явно перекликается с комичным диалогом в десятой:

«– А кто такой Джойс?

– Чудный малый, – сказал я. – Написал „Улисса“.

– „Улисса“ написал Гомер, – сказал Старик.

– А Эсхила кто написал?

– Тоже Гомер, – сказал Старик. – Вы меня не поймаете».

Хемингуэй рассказывает Филипсу «литературный анекдот» о Джойсе, а также упоминает других своих знакомых – крупнейших представителей мировой литературы XX века: Э. Паунда, Дж. Дос Пассоса, о которых его собеседник впервые слышит. Ответ на вопрос австрийца, таким образом, адресован Старика – и абсолютно лишен смысла.

Разумеется, существует масса читателей, которым подобная позиция покажется неприемлемой. Но любителям разговоров в книге Хемингуэя делать нечего, как видно на примере Кандиского: после открывающего «Холмы» эпизода австриец полностью исчезает со страниц произведения, раз или два мелькая вдалеке, как рабочий сцены, случайно забредший в пределы видимости зрительного зала, в одежде, дисгармонирующей с великолепием декораций, тотчас спешащий скрыться за кулисой.

Остальные персонажи «Зеленых холмов Африки» и «Льва мисс Мэри» иллюстрируют снятый автором подзаголовок к рабочему названию «Холмов» – «Возвышенности Африки: Все охотники братья». В качестве «братьев» выступают даже жены Хемингуэя. (Читатель догадался, что в «Зеленых холмах Африки» и «Льве мисс Мэри» это разные женщины: Мама в 1933–1934 годах – Полин, Мэри в 1953-м – Мэри.) Они похожи, судя по описаниям их внешности (обе – небольшого роста) и охотничьих повадок. Надо сказать, что на сафари попадала каждая вторая жена Хемингуэя (всего было четыре).

Несмотря на явный дух соперничества и жгучую ревность Хемингуэя к успехам Карла (на самом деле Чарльза) в «Зеленых холмах Африки», братские чувства – вполне адекватная формулировка для описания взаимоотношений людей в хемингуэевской Африке. Кстати, во втором сафари у Хемингуэя также был удачливый в стрельбе соперник, функциональный двойник Карла – кубинский друг писателя Мейито Менокаль, который в «Льве мисс Мэри» едва упоминается.

Особую роль в утверждении охотничьего братства в обоих произведениях играют местные жители. В «Зеленых холмах Африки» они действуют под настоящими именами (М'Кола, Камау, Чаро, Абдулла) или наделены кличками (Друпи – Упавший духом, Гаррик – по имени знаменитого актера, Римлянин – по одеянию и т. д.). Страсть Хемингуэя давать прозвища окружающим и самому себе хорошо известна; так, в оригинале Полин фигурирует как Р. О. М. – Poor Old Mama.

Поскольку «Лев мисс Мэри» не получил «художественной» обработки даже в той степени, что «Зеленые холмы Африки» (не факт, что сам Хемингуэй вообще стал бы публиковать свой «Дневник»), основные действующие лица там выведены под своими настоящими именами, за исключением Филиппа Персиваля (Джексон Филипс, Старик в «Холмах»), который почему-то назван Уилсоном Гаррисом. Не обошлось и без кличек: С. Д. – Сумасшедший Джин, в смысле напитка (по-английски – G. C., Gincrazed).

В отношениях автора с туземцами необходимо отметить две особенности: во-первых, некоторые из них – полноправные члены охотничьего братства. М'Кола, Нгуи, Дед (the old man) и другие делят с автором радости, горести и охотничий азарт; их социальный статус несомненно ниже, чем у четы Хемингуэев, но в расизме писателя упрекнуть никак нельзя. Чего стоит одна только сцена с кроликом во время проезда хемингуэевской машины через деревню племени масай («Зеленые холмы Африки»). Во-вторых, автор явно гордится своим умением найти с туземцами общий язык, хотя суахили знает весьма посредственно, вернее, не знает вовсе, честно предоставляя читателю возможность сравняться с собой по этой части: прочитать «Зеленые холмы Африки» и «Льва мисс Мэри» и не запомнить «Пита симба» или «Хапана м'узури, бвана» довольно трудно.

Некоторые неприятности африканских поездок остаются за кадром, например, «прелести» амебной дизентерии, атаковавшей автора в первую поездку, или две аварии, подстерегавшие Эрнеста и Мэри вскоре после момента, на котором заканчивается сюжет «Льва мисс Мэри»: один самолет упал, второй загорелся, не успев подняться в воздух.

Выход в свет «Зеленых холмов Африки» упрочил славу писателя; книжка стала очередной отметкой в его послужном списке настоящего мужчины. С учетом и без того огромной популярности Хемингуэя в СССР в 1950-1960-е годы перевод «Зеленых холмов Африки» на русский язык сделал его «товарищем Африка» номер один, с известностью которого мог тягаться лишь наш собственный африканский герой Бармалей. Когда в

1950-е годы Хемингуэй собрался в Африку снова, кенийские власти присвоили ему звание почетного егеря и выдали эксклюзивный патент на охоту в заповедных местах, надеясь, что имя Хемингуэя привлечет в Африку туристов, отхлынувших в связи с восстаниями «Мау-мау». Журнал «Лук» заказал Хемингуэю очерки про сафари и отправил с ним своего фотографа (надо сказать, что фотографии Хемингуэя украшали за его жизнь не один журнал, а его статьи публиковались в журналах для мужчин и после его смерти, например, «Кредо мужчины» и «Совет молодому человеку» в «Плейбое» за 1963–1964 годы).

В 1950-е Хемингуэй говорил, что предпочитает скорее изучать животных, чем экстремистов «Мау-мау», так как, в отличие от вторых, первые скоро исчезнут. Тем самым он выполнял данное бабушке обещание, которым закрывается африканский дневник:

«— Запомни-ка лучше вот что. Единственное, о чем я жалею, так это о том, чего я не сделала.

– Спасибо большое, бабушка. Я постараюсь запомнить».

Иван Делазари

notes

Примечания

1

Лойтокиток – населенный пункт в Кении.

В действительности Филипп Персивал, белый охотник. Двадцать лет назад он помогал Эрнесту Хемингуэю в его первом сафари, после которого были написаны «Зеленые холмы Африки» и «Снега Килиманджаро». Единственное вымышленное имя в этом дневнике. – Прим. Мэри Хемингуэй.

Народность в Восточной Африке.

Национальный танец.

«Мау-мау» – тайное религиозно-политическое движение, зародившееся в конце 40-х годов в Кении. Его основными целями были возврат земель, захваченных у африканцев колонизаторами, и установление самоуправления.

Деревня, поселение.

Жирафовая газель.

Ярлык (фр.).

Досъе (фр.).

Африканская антилопа.

Главное управление полиции (фр.).

Подделка денежных знаков карается пожизненными каторжными работами (на полях рукописи Эрнеста Хемингуэя пометка: «Дословно с французской денежной купюры»).

Макиавелли Никколо ди Бернардо (1469–1527) – итальянский политический деятель и историк. В трактате «Государь» (1532 г.) сформулировал теорию дипломатического искусства, в основе которой лежит абсолютизация силы.

Река в Восточной Африке.

По самому факту (лат.).

«Дом на канале» (фр.).

Крупная антилопа, распространенная в Восточной Африке.

Игра слов. Так называлась кукурузная водка, которую Дебба – «невеста» – иногда приносила в лагерь для Эрнеста Хемингуэя. – Прим. Мэри Хемингуэй.

Нравственное перевооружение – движение за изменение мира путем изменения жизни; основано в 1938 г. американским евангелистом Фрэнком Бухманом.

«Темпест»– бомбардировщик среднего радиуса действия, находился на вооружении ВВС США в период Второй мировой войны.

«Спитти» (сокр. от «Спитфайтер») – истребитель ВВС США периода второй мировой войны.

Республиканская гвардия (фр.) – парижская жандармерия.

Славный и очень приятный человек (фр.).

Креси-ан-Понтье – населенный пункт в северо-восточной Франции, в районе которого во время Столетней войны 1337–1453 гг. 26 августа 1346 г. английские войска разгромили французскую армию. Особо отличились английские лучники.

Линдберг Чарлз – американский авиатор, в 1927 г. впервые совершил перелет через Атлантику.

Хисс Эдджер – американский дипломат. В 1948 г. бывший член Компартии США, ренегат Уиттекер Чеймберс выступил на заседании Комитета по расследованию антиамериканской деятельности и обвинил Хисса в принадлежности к «красной» шпионской организации. В 1951 г. Э. Хисс был заключен в тюрьму. Дело Хисса, в частности, воспользовался для развертывания своего крестового похода на инакомыслящих и пресловутый сенатор Джозеф Маккарти.

Река в Кении.

Город в Кении.

Хэнли Джералд (р. 1916) – английский писатель, автор книги «Год льва» (1953).

Марш Рой – пилот, друг супругов Хемингуэй.

Беренсон Бернард – искусствовед, старый друг Эрнеста Хемингуэя:

Дитрих Марлен – киноактриса.

В 1899 г. было основано Общество Гидеона (библейский герой), члены которого занимались распространением Библии по гостиницам.

«Чота пег» – виски с содовой водой, которое пьют обычно с наступлением вечера. Название это перенесено в Кению из Индии английскими чиновниками.

Женщина.

Мария Терезия (1717–1780) – императрица т. н. Священной Римской империи.

Молодой человек.

Ребенок.

Птица, знамение.

За три месяца до этого Эрнест Хемингуэй был сфотографирован для журнала «Лук» возле леопарда, фактически убитого его другом Мейито Менокалем, и, хотя Эрнест Хемингуэй участвовал в охоте (см. часть II), он запретил публиковать фотографию, пока сам не убьет леопарда. – Прим. Мэри Хемингуэй.

Племя, живущее в горном районе на плато Туркана в северо-западной части Кении.

Поздравляю (исп.).

Пфайфер Полин – американская журналистка, вторая жена Эрнеста Хемингуэя.

«Мотыльки вокруг огня» – слова из песни «Влюбляясь вновь», которую Марлен Дитрих исполняла в фильме «Голубой ангел». – Прим. Мэри Хемингуэй.